В этом номере

ISSN № 0130-7045

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ГОД РЕБЕНКА

Эстафета поколений.
На Детском острове.
«И мила мне одна лишь улыбка детей...»

З. БУЛАЦЕВА
ЧТО ОБО МНЕ СКАЖУТ?..

Г. НОСОВА
КРЕЩЕНИЕ И КРЕСТИНЫ

НАУКА И РЕЛИГИЯ

М. НОВИКОВ
БУРЖУАЗНЫЕ МИФЫ О СВОБОДЕ СОВЕСТИ

Ю. ШКОЛЕНКО
ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ МОРАЛЬ ПРИРОДЫ

А. ЕЛЬЯНОВ
ТРИЗНА Отрывок из повести

12 • 1979

Ефим ЧЕСТНЯКОВ. КОЛЯДЫ. Детали.
Костромской музей изобразительных искусств.

Фото С. Зимноха.

НАУКА И РЕЛИГИЯ 12·79

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
АТЕИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ОРДЕНА ЛЕНИНА
ВСЕСОЮЗНОГО
ОБЩЕСТВА «ЗНАНИЕ»

Год издания двадцать первый

НАША ОБЛОЖКА

Завершается Международный год ребенка. В нашей стране, где дети — единственный привилегированный класс, он начался с выступления по телевидению Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева и ознаменовался многими мероприятиями. Главное из них — праздник в «Артеке» 9 августа, на котором присутствовал и выступал товарищ Л. И. Брежнев.

«Прекрасен девиз вашего праздника, — сказал он, — «За счастливое детство в мирном мире!». Он очень подходит к этому году — Международному году ребенка.

Мир — это счастье детей, счастье всех людей. Без мира нет детства. Нет будущего...»

Детям, как отмечалось на этом празднике, предстоит принять из рук старших эстафету социального и научного прогресса нашей Родины, создавать светлое коммунистическое общество. И от того, какими станут эти созидатели, от их знаний, духовного мира, жизненной позиции, нравственности зависит будущее страны. «Все начинается с детства! И начало всему — учеба, овладение знаниями, культурой...»

О том, какой необходим воспитательный комплекс, чтобы наши дети стали настоящими людьми, журнал говорил уже не раз. При этом особое внимание в таких публикациях, естественно, обращалось на формирование у юных твердой материалистической убежденности, высоких нравственных устоев и активной жизненной позиции — основных составляющих духовного мира современного советского человека, убежденного атеиста.

Однако только этим его духовный мир отнюдь не ограничивается. Он неизмеримо богаче, многообразнее, красочнее. Об этом свидетельствуют и материалы данного номера журнала, публикуемые к завершению Года ребенка; их темы — Ленин и дети, а также эстетическое воспитание ребят. Последняя тема раскрывается в рассказе о Ефиме Честнякове, мудром, добром человеке, самобытном народном художнике, посвятившем свое творчество и все свои незаурядные способности воспитателя детям.

На **второй** странице обложки — репродукции посвященных детям работ Е. Честнякова.

Экология! Недавно этим понятием пользовался лишь узкий круг специалистов, сегодня же его знают очень многие: наука о взаимодействиях в живой природе. Рост популярности этой отрасли знания связан с современными проблемами взаимоотношения человека и природы, острой актуальностью охраны окружающей среды.

Взаимосвязи в живой природе чрезвычайно сложны и далеко не всегда выявляются в ходе исследований. Теологи нередко стремятся использовать это обстоятельство для доказательства истинности религиозных догм. Разбору таких теологических спекуляций посвящена публикуемая в номере статья Ю. Школенко «Экологическая мораль природы».

На **третьей** странице обложки — фотографии, рассказывающие, как ученые, изучая реальные экологические закономерности, охраняют и восстанавливают окружающую среду.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

ГОД РЕБЕНКА

ДУХОВНЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА

ПРАКТИКА: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ

РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ, ВЕРУЮЩИЙ

РЕЛИГИЯ И ПОЛИТИКА

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

ЧИТАТЕЛЬ СООБЩАЕТ, СОВЕТУЕТ, СПРАШИВАЕТ

ФИЛОСОФСКИЕ ЧТЕНИЯ

ТЕОЛОГИЯ И НАУКА

«БОЖЕСТВЕННЫЕ» РАСТЕНИЯ: ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ

ЗЕМНЫЕ КОРНИ СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОГО

ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО

В СТРАНАХ СОЦИАЛИЗМА

ЗА РУБЕЖОМ

ЭСТАФЕТА

«...Очень взволновалась, здесь отражены все годы нашего детства. Как много делала для детей в то время Советская власть, как делила поровну кусок хлеба», — написала в Книге отзывов пенсионерка, врач Е. М. Ширкунова, осмотрев выставку «Ленин и дети» в Центральном музее В. И. Ленина в Москве. В словах ветерана труда, по сути, отразилось ленинское отношение к детям, все то, что с самых первых дней завоевания власти народом стала делать для детей молодая Советская страна.

Тяжелейшее положение простых людей при царизме — жестокая эксплуатация, усугублявшаяся массовым бескультурьем и духовным гнетом церкви, — больше всего отражалось на их детях. На выставке приведены многочисленные факты, показаны фотографии и цифры, наглядно иллюстрирующие это. Чтобы представить себе, как тогда страдали дети, достаточно вспомнить: в дореволюционной России каждый четвертый ребенок умирал, не дожив до года, четверо из каждых пяти детей вовсе были лишены образования.

В. И. Ленин на Красной площади во время празднования 2-й годовщины Великого Октября.

Летучий отряд революционных солдат на улицах Москвы в феврале 1917 г.

Фотохроника ТАСС.

Вступление в колхоз. 1930 г.

Примеры эти выглядят еще разительнее, соседствуя на выставке с данными о том, как относился к подрастающему поколению в тяжелейшие годы голода, разрухи и гражданской войны В. И. Ленин. Владимир Ильич выдвинул требование: «Все лучшее — детям!» Занятый чрезвычайно строительством нового общества, защитой его от многочисленных врагов, ведя буквально титаническую работу, он находил время, чтобы постоянно проверять, как это требование выполняется. Документы, представленные в музее, — ленинское письмо в Симферополь о выделении продуктов для детей, записка с просьбой отдать детям вагон проса, прибывший в адрес Председателя Совета Народных Комиссаров, и другие — наглядно показывают, как Советская власть в те голодные годы делила между детьми поровну каждый кусок хлеба, как написала Е. М. Ширкунова.

Особо заботился вождь пролетарской революции о культурном росте детей трудящихся, о том, чтобы они были не только сыты и одеты, но и широко образованы, богаты духовно. Ленин ясно представлял себе, что дети — будущее страны, те, ради кого шли на штурм царизма массы трудящихся, и в то же время те, кто должен продолжить великое дело Октября, строить в дальнейшем новое общество, быть его гражданами. К этому были направлены многие ленинские мероприятия, в том числе и «Декрет о ликвидации неграмотности», представленный на выставке. Мы боремся лучше, чем наши отцы, говорил Ленин, наши дети будут бороться еще лучше и они победят... Мы уже закладываем фундамент нового здания, а наши дети достроят его.

Прозорливо предсказанная и завещанная Лени-

ным эстафета поколений продолжается уже больше шести десятилетий. Сегодня коммунизм строят внуки тех, кто низвергал царизм и осуществлял первые пятилетние планы, дети тех, кто отстоял свободу и независимость нашей социалистической Родины в Великую Отечественную войну. Уже подрастает новое поколение, готовое и дальше с честью нести знамя ленинизма. Дети этого поколения далеки от религии и надежд на бога. Можно сказать, что они атеисты от рождения, атеисты уже второго-третьего поколений.

И по-прежнему о наших детях особо, по-ленински заботится Коммунистическая партия. Наглядным свидетельством этого служит красочный праздник юных ленинцев, проходивший в «Артеке» 9 августа этого года и посвященный Международному году ребенка.

Задачи, высказанные на этой встрече, значительно отличаются от тех, что ставились партией перед детьми несколько десятилетий назад. Это и понятно: резко выросли культура и образованность нашего народа, много богаче стал и его духовный мир. Однако главное — неизменно: ленинский завет об эстафете поколений. «Каждое поколение вносит свой вклад в историю, — говорил на празднике пионеров товарищ Л. И. Брежнев, — и вам тоже предстоит писать свои страницы в биографию человечества. Настанет время, из рук старших вы примете эстафету социального и научного прогресса, возьмете на себя заботу о своей стране, о мире...»

«Клянемся быть достойными нашей великой

ПОКОЛЕНИЙ

страны, нашей Ленинской партии!» — скандировали в ответ артековцы.

Подлинно отеческой партийной заботой о подрастающем поколении было проникнуто и послание Леонида Ильича Брежнева, обращенное к участникам состоявшейся осенью этого года в Москве Всемирной конференции «За мирное и счастливое будущее для всех детей». В этом послании, в частности, говорилось: «Годом ребенка должен стать каждый год нашей жизни!»

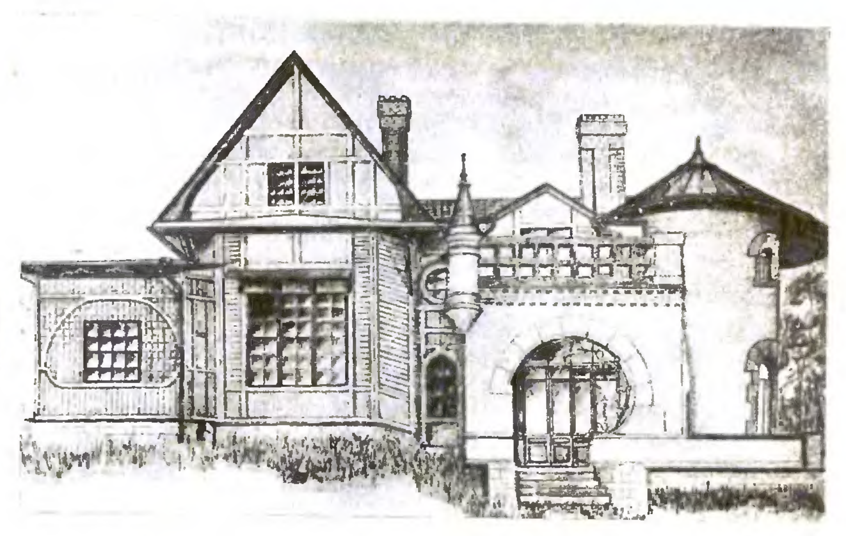
«Мы очень любим В. И. Ленина. Спасибо за выставку», — записали в Книге отзывов в музее пионеры 4-го класса одной из московских школ. «Особое впечатление на нас произвел отдел «Ленин и дети». Счастливым детством мы также обязаны ему»,— написали там же учащиеся Костромского техникума советской торговли. «Я впервые на Красной площади — отсюда начинается жизнь нашей страны. Ленин и теперь живее всех живых», — пишет в этой же книге восьмилетняя Наташа Баруздина из Ялты.

Таких слов и записей юных граждан нашей страны можно привести бесконечное число. Все они наглядно свидетельствуют: эстафета поколений продолжается.

Храня традиции отцов.
Счастливая пора.
Фото В. Опалина

М. БЛОК

НА ДЕТСКОМ ОСТРОВЕ



В этом здании помещался один из интернатов трудовой школы-колонии им. А. В. Луначарского. Сейчас здесь — пансионат Металлического завода им. XXII съезда КПСС.

Рисунок бывшего воспитанника школы-колонии Н. Бейнара.

Дети бездомные, голодные, ошеломленные горем... Они жили на вокзалах, в развалинах домов, в канализационных люках... Война, разруха, любое испытание, постигшее страну, прежде всего сказывается на детях. Спасти их, спасти будущее страны было одной из первых забот Октябрьской революции.

Перед обездоленными детьми распахнулись двери великолепных зданий. В барских квартирах, покинутых обитателями, создаются первые «детские очаги» (так их тогда называли).

5 июня 1918 года В. И. Ленин подписал декрет о передаче всех дошкольных учреждений государству. «Приютские дети» переходят в детские дома. Туда же поступают другие ребята, потерявшие семьи. Так огромное количество детей оказалось на попечении государства.

«Дети большой беды» (говоря строкой Н. Тихонова) ждали помощи по всей стране, и в 1919 году был опубликован декрет о создании Совета защиты детей, председателем которого назначался народный комиссар просвещения А. В. Луначарский.

Весной восемнадцатого года из голодного Петрограда детей спешно вывозили в хлебородные губернии — в Уфу, Пермь, Вятку, но военная обстановка слагалась так, что, спасая от белогвардейского плена, их пришлось везти обратно. Можно себе представить, как измучились ребята. В исключительно напряженное время, в голодном девятнадцатом году, государство ввело бесплатное питание для детей до 14 лет, а теперь предстояло позаботиться об их воспитании. Известный английский писатель Герберт Уэллс, посетивший в 1920 году революционный Петроград, был поражен заботой новой власти о детях. Он их увидел в богатой обстановке — центральный приемник помещался тогда «в Европейской гостинице, куда при старом режиме приезжали поужинать множество веселых компаний... Дети находятся под присмотром очень хороших воспитателей». Кстати, среди них был будущий создатель театра для детей Александр Александрович Брянцев.

Еще не была разработана методика обучения и воспитания (лишь спустя четыре года появились первые школьные программы), но государство даже в разгар гражданской войны напоминало педагогам об их ответственности перед будущим. «...Самый большой бриллиант, — говорил А. В. Луначарский,— не может быть оценен в наших глазах дороже, чем родившийся человек. Над этим материалом нужно работать четко, заранее определив, что ты хочешь сделать из него... Нужно создать гармонического человека, вырабатывать из ребенка борца, личность...»

В первый же год революции Царское Село превратилось в Детское Село: там разместилось 30 детских домов. Много лет существовала, например, колония «Красные зори», где основой воспитания стал коллективный созидательный труд. Краснозоревцы разных поколений и сейчас собираются, пишут свою историю.

Многие из них еще до сиротства хлебнули горя.

Девочка Дуня с семи лет была в няньках, а с одиннадцати — курьером заводской конторы. После революции ее домом стала детская трудовая школа — колония имени А. В. Луначарского. «Я свое настоящее детство,— вспоминает Евдокия Петровна Лихачева-Шведова,— узнала в детском доме. В нашем доме, бывшей даче банкира, была розовая мебель. В зале — мраморный камин, на котором стоял белый лев...» Непривычная красота поразила воображение и ярко запечатлелась в памяти ребенка.

Начиналась колония так — в один из особняков Каменного острова вошли люди и протянули ордер со словами: «Именем восставшего народа занимаем этот дом». Осмотрели просторные залы, отделанные дубовыми панелями, роскошные гобелены и решили: «Тут поместим малышей». И в особняке расположилась дошкольная группа.

Луначарский еще в восемнадцатом году выдвинул план превращения Каменного острова, здорового и живописного места Петрограда, в Детский остров и сразу привлек к организации свою помощницу — большевичку Аделаиду Григорьевну Поршневу, руководившую в то время дошкольным отделом Наркомпроса. «Уже немолодая, она отличалась изумительной красотой, но еще больше красотой отличалась ее душа», — так романтично и взволнованно передает свое впечатление об А. Г. Поршневой один из воспитателей колонии.

Колония не случайно называлась трудовой — она приучала к трудовому укладу жизни. К этому звали и обстоятельства.

Самое сложное — топливо! Осенью дрова привозили на барже, складывали на набережной Большой Невки, и ребята по ночам дежурили у костров, сторожили. Иногда строительный совет давал вместо дров ордер на слом деревянного дома. Шли артельно — десятилетние ребята, дворник, воспитатель. Нелегкая это была задача. Воспитатели работали рядом — топор наточат, пилу направят, тележку починят. Дружно и наполненно шла жизнь в детской школе-колонии.

Трудно приходилось и с питанием. Ребята сами получали наряды, доставляли продукты, помогали кухарке готовить, сами делили на порции, раздавали... Скудного пайка детям не хватало, и взрослые изыскивали всевозможные средства, чтобы его пополнить.

Был случай, когда Наркомпрос обратился даже к Союзу мусульман — владельцам мясных лавок с просьбой отпускать ежедневно полтора пуда конины. Просьбу уважили. Теперь дети были накормлены и могли нормально учиться.

В спаянном дружном коллективе педагогов были разные по характеру и образованию люди, больше молодые, со всей страстью отдававшие свои силы детям. Категорически запрещалась всякая грубость, рукоприкладство. Воспитатели выбирали помощниками наиболее авторитетных ребят. Так удавалось поддерживать нужную дисциплину. Это было нелегко, улица надолго оставляла свой след. Иногда, накрыв одеялом свернутые пальто, ребята удирали через окно гулять по старым адресам. Исчезновение скоро обнаруживалось, беглецов ждал неприятный разговор. Старшие подростки, которые особенно ощущали недоедание, порой делали набеги на близлежащие огороды. Но в общем-то, ребята росли трудолюбивыми, честными, дружными, уважали строгую справедливость старших.

Воспитанники были разделены по возрасту. Интернат старшей группы располагался в доме банкира Соловейчика, мастерские — в доме мебельного фабриканта Мельтцера, для клубной работы выбрали особняк барона Остен-Сакена — там шли занятия по музыке, пению, ритмике и пластике. Школа помещалась в белоснежной греческого стиля вилле архитектора Чаева, затем в трехэтажном дворце Александра I.

Живое представление о колонии дали мне встречи с бывшим заведующим учебной частью Юлием Михайловичем Уфляндом, впоследствии доктором медицинских наук, и бывшим воспитанником колонии Николаем Александровичем Бейнаром.

Несколько строк о бывшем пионере, активном звеньевом Коле Бейнаре. Родился мальчик на Выборгской стороне, дед и дядя — рабочие Металлического завода, отец погиб на фронте в 1914 году. В гражданскую десятилетний Коля с сестренкой оказались сначала в Нижнем Тагиле, потом в поселке Оса. В 1919 году, вернувшись в родной город, стали воспитанниками школы имени А. В. Луначарского. После шестого класса Николая определили в фабзавуч, с 1928 года он работал на заводе имени Козицкого — сначала механиком, потом конструктором.

И Юлий Михайлович Уфлянд и Николай Александрович Бейнар, оба в один голос отмечали удивительную духовную близость детей и взрослых. Сближались, когда слушали музыку, загадывали шарады, ставили спектакли. Особенный успех имел «Мальчишеский спектакль» — театрализованная игра с погоней, бандитами, богачами и победой красных. С неподдельным увлечением участвовали в постановках и взрослые. В оперетте-пародии на старую гимназию «Иванов Павел» Ю. М. Уфлянд исполнял роль учителя географии и к восторгу зрителей распевал: «Дует на море циклон, наступает на Цейлон». Юмор тоже помогал взаимопониманию.

Лучше понять друг друга помогали и совместные прогулки. Бродили по острову, катались на лодках, пели хором. Рассматривали огромную гипсовую фигуру рабочего с молотом, названную «Освобожденный труд».

Однажды забрели в диковинное здание, стоявшее на другом берегу, в Старой Деревне. Казалось, оно пришло сюда из восточной сказки. Внутри царила таинственная полутьма, на полу валялись листки с текстом на незнакомом языке. Оказалось, что это молитвы, а здание — буддистский храм. Ребята решили сберечь эту необычную красоту. Пошли на военный пост, попросили поставить охрану. Храм заперли, повесили замок. Удивительное здание и теперь цело.

Чужая религия казалась фантастической, а к своей ребята относились бездумно. Многие выросли в верующих семьях и по привычке шли в церковь исповедоваться. Поначалу воспитатели относились к этому довольно безразлично. Они и сами ходили на пасху в ближайшую деревню, чтобы послушать службу, посмотреть гулянье. Не сразу были порушены религиозные обычаи, праздники, веками входившие в быт, нелегко отделялось очарование весенней природы и народных гуляний от системы духовного порабощения. Зрелость мысли, атеизм пришли позже, вместе с пионерской организацией.

Летом двадцатого года ребята присутствовали на одном из первых массовых революционных праздников, который был устроен в честь открытия домов отдыха для трудящихся.

На берегу пруда соорудили амфитеатр, рассчитанный на тысячи зрителей. Остраполитическое представление «Блокада России» было героическим и вместе с тем веселым. Показали сражение на воде, военный парад на лодках, смешные приключения шпионов. Берега пестрели красными, зелеными, оранжевыми знаменами, по воде скользили лодки под разноцветными парусами. Затаив дыхание смотрели дети на происходящее, зрелище потрясло их, запомнилось навсегда. Потом они гуляли среди праздничной толпы, любовались арками живых цветов.

В 1922 году в колонии возникла пионерская организация. К ребятам пришли новые друзья — комсомольцы шефствующего завода: учили проводить сборы, ставили атеистические спектакли. Наивны, упрощенны были эти инсценировки, но, как известно, у каждого времени свои песни. В те времена первой задачей было ниспровергнуть старую жизнь.

Так формировалось революционное мировоззрение. Совсем недавно ребята охотно ходили в старинную церковь Иоанна Предтечи, теперь захватывающая пионерская жизнь не оставляла для этого времени. Вспоминаются слова замечательного педагога В. Н. Сороки-Россинского: «Двадцатые годы были для ребят не только годами величайших лишений и страданий. Нет, наши беспризорники чувствовали и то, что было впереди, подъем дремавших или подавляемых доселе богатырских сил».

Когда сегодня в сияющих залах Дворца культуры работников просвещения (бывший дворец Юсупова) собираются на традиционную встречу люди, выросшие в детских домах, там всегда царит светлое, приподнятое настроение. Если записать разговоры в зале, возникнет разноголосая и многоплановая эпопея: гражданская война, беспризорничество 20-х годов, Отечественная война, блокада... Видишь их, пришедших из разных лет, и предстает перед глазами история великой и постоянной заботы Родины о детях.

Что же приводит всех на эти встречи? Желание видеть близких, вспомнить добро. Вот в углу одной из гостиных женщина бережно раскладывает на стульях старые стенгазеты и фотографии и с готовностью рассказывает о доме, что ее вырастил. Хотя детский дом теперь закрыт и нет на свете любимого директора, в день его рождения воспитанники собираются как члены одной семьи.

Сразу после революции забота о детях в нашей стране стала задачей общегосударственной, это остается незыблемым принципом и сегодня. Тогда в первых детских учреждениях было положено начало нашего отношения к детям, постоянной заботы не только об их физическом здоровье, но и об их духовном мире. Ведь спасти ребенка — значит научить его жить среди людей, открыть дорогу к знанию, дать веру в будущее, в силу народа, в свою силу.

Ленинград

Л. ГОЛУШКИНА

«И мила мне одна лишь улыбка детей...»

...Пошел дедушка в лес дрова рубить и видит: стоит старая-старая яблоня, а на ней большущее яблоко. «Мне не унести,— говорит сам себе дедушка.— Домой пойду, запрягу лошадь». «Ха-ха», — засмеялась Сова. И Тетерев на березе: «Кво-кво, не унести тебе яблока. И на лошади не увезти. Впрягайтесь сами все, сколь найдется вас в избе».

Дедушка не поверил, приехал один. Подсобляет лошади, а она не трогается. Вернулся старик домой, позвал старуху да сына с женой. И опять не могут тронуть лошадь, как ни стараются. «Ха-ха-ха»,— засмеялась опять Сова в дупле. «Я говорил, нужно всем, сколь есть в избе»,— квохчет Тетерев.

Пошла баба в деревню, привела всех ребят, пареньков и девонек. Но ондрец* не идет. «Кто дома остался?» — квохчет Тетерев. «Да маленький с нянькой там...»— «Нужно и их!» Ушли за теми. И нянька пришла в лес, на руках держит маленького, сама помогает везти и маленький ручонками прикасается. Все подсобляют — и поехал ондрец. Привезли домой яблоко, и вся деревня сбежалась. Стали пробовать: сладкое, душистое, рассыпчатое. Вся деревня наелась. Кушали сырым и печеным, и в кисель, и перемерзлым, когда пришли холода. И хватило им яблока на всю осень и зиму...

А вот еще одна сказка — о том, как крестьяне деревни Шаблово построили огромный тарантас, запрягли в него всех своих коней и поехали в Кологрив. Там накупили всякого добра, а когда вернулись домой, решили построить вокруг деревни каменную стену с воротами, дверями и окошками. «И получился необыкновенно большой дом, а внутри стоят избы и растут сады... Устроили общую большую печь, и тепло по трубам стало расходиться по всей деревне. Перестали топить печки в избах, и лепешки и пироги стали печь в большой печке. И пироги большущие, с сажень, если не больше... И вместе стряпа-

* Ондрецом в Костромском краю называют тележку на двух колесах.

ли... И зимой в деревне стало лето — пташки перезимовывают, скворцы остаются и ласточки распевают...»

Сказочник Ефим Васильевич Честняков мечтал о том, чтобы люди жили в достатке и красоте, чтобы были на земле вечный мир и всеобщее благоденствие. Для этого должны люди трудиться, трудом своим украшать землю и создавать изобилие. А себя нужно совершенствовать — для этого и приходит человек на землю.

Деревня Шаблово, о которой он рассказывает в сказке «Шабловский тарантас», — его родина. Здесь он родился и прожил всю жизнь — среди густых лесов, в четырехстах километрах от Костромы.

Родители Ефима были малоземельными крестьянами. Кроме сына, в семье было две дочери. Об учебе детей тогда, до революции, некогда было заботиться. А Ефим рано запросился учиться грамоте. «В деревне учил по буквослагательному способу дядюшка Фрол. Меня не хотели пустить, но я плакал, и отвели к Фролу шутя — прибежит-де обратно. Но я не пришел, стал так славно учиться, что дядюшка Фрол написал даже похвальный лист!». На следующий год в версте от деревни открылась земская школа, и он поступил туда. Учительница советовала потом поехать в уездное училище, но родители и слышать не хотели — нужен помощник дома. Так бы и остался Ефим при них, если бы в один прекрасный день «не улепетнул из родительского дома в город». Окончив училище, пошел в семинарию, стал учителем.

Но с детских лет горела в Честнякове другая искра — страсть к рисованию. «Мать моя отдавала последние свои гроши на бумагу.... Когда немного подрос, каждое воскресенье ходил к приходу и неизбежно брал у торговца Титка серой курительной бумаги, причем подолгу любовался королевско-прусскими гусарами, которые украшали крышку сундука, вмещавшего весь товар Титка».

Карандашный рисунок Ефим впервые увидел в комнате учительницы. Уже потом понял, что это была плохая копия, но тогда был в восторге и даже огорчался, что у него так не получается. Да и как могло получиться, если даже карандашей не хватало. Когда привозили из города пятикопеечный красный карандаш, Ефим ощущал себя счастливейшим человеком и мог всю ночь сидеть при лучине за рисунками. Но такие драгоценности покупались редко.

Огромное влияние оказала на Ефима бабушка Прасковья. От нее он услышал и первые сказки. Рассказывал сказки и дедушка Самойла, и от матери приходилось слышать их. «Поэзия бабушки баюкала, матери — хватала за сердце, дедушки — возносила дух». Сказки навевали мечту о дальних странах, где никогда не бывает зимы, где есть море и горы, о чудесных людях, о чем-то неизведанном, загадочном и прекрасном.

«Вспоминаю, как с дедушкой ездили на Урму, на свадьбу к тетушке Аграфене. Дедушка похвастал гостям, что я умею рисовать. И, стесняясь гостей, я нарисовал на бумаге лошадку. Раньше я не слыхивал похвалы от дедушки, рисование мое поощряла-хвалила бабушка». Через 20 с лишним лет услышал Ефим Честняков и другую похвалу. «Талантливо. Вы идете своей дорогой... У вас способности... Вы уже художник. Это огонь, которого уже ничем не удержишь»,— сказал И. Е. Репин, рассматривая холсты Честнякова, и принял его в студию, где тогда преподавал.

Затем Ефим учился в общих классах Академии художеств, в Казанской художественной школе. Но в 1905 году нужно было заменить в хозяйстве больного отца, и он вынужден был вернуться в деревню. Лишь один раз потом, в 1913 году, смог выбраться в Петербург, чтобы позаниматься в мастерской Д. Н. Кардовского. Так всю жизнь в родном Шаблове и прожил. Сеял, пахал, «с весны до осени на земле, пока не снег, дня досужего нет». И только зимой, когда кончались полевые работы, садился за «труд ученый»: рисовал, лепил, писал стихи, сказки, делал музыкальные инструменты, много читал — Пушкина, Толстого, русский фольклор, сказки разных народов. С тех далеких детских лет, когда рассказывала бабушка Прасковья сказки маленькому Ефиму, остались они в памяти на всю жизнь.

В сказках своих Ефим мечтал о том, чтобы летом можно было сделать зиму, а зимой — лето и чтобы зимой росли всегда изюмы-винограды, плоды-фрукты душистые, сладкие, цветы красивые, ароматные, думал о скатертях-самобранках и о коврах-самолетах, о ветряных и солнечных двигателях — чтобы электроэнергия воду на гору качала, всем станкам дала движение, сад и поле орошала, шла по проводам на заводы и фабрики. Так сказка становилась для него способом преобразования мира. Действуют в его сказках и традиционные сказочные герои — те, кого мы так хорошо знаем по русским народным сказкам: баба Яга, вещий Бурка, Домовой, Лизун, Кикимора, и птицы лесные, и птицы сказочные. Здесь и Коза-дереза — голубые глаза, и Петушок — золотой гребешок. И придуманные им персонажи — Ягодкины, Брусничкины, Назарко, Стафунька.

ЧУДЕСНОЕ ЯБЛОКО.

К. И. Чуковский, с которым Честняков познакомился в 1913 году в Куоккале у И. Е. Репина, посоветовал ему издать свои «сочинушки». В 1914 году в издательстве «Медвежонок» в Петербурге вышла книжка сказок Честнякова, им же иллюстрированная.

Многие свои сказки он «брал» на холст. Так родилось и «Чудесное яблоко», и «Тетеревиный король». Нашла свое живописное воплощение и «Сказка о шабловском тарантасе».

Очень любили его сказки и рисунки дети. Для них Честняков был самым интересным человеком в деревне. Они и рисовали с ним, и лепили, и в игры всякие играли. Он здесь ни в чем не отказывал ни ребятам, ни взрослым. «Я очень люблю, когда люди играют,— читаем мы в его записях. — Мужичок, изуставший над сохой, при встрече с товарищем пошутит, расскажет прибаутку. В том и красота, чтобы человек возвышался над жизнью в искусстве. Жизнь такова, какова она в творчестве людей. Человек создает красоту жизни, и чем дальше, тем прекраснее ее красота».

Эта любовь к игре, умение увидеть во всем что-то живое лежат и в основе честняковского театра. О его театральных представлениях до сих пор вспоминают те, кому довелось видеть эти спектакли или участвовать в них.

Сходися, весь народ,
По копеечке за вход,
Четверть денежки,
полушку
Опускайте в нашу
кружку,
Если ж нечего —
чудак:
Подходи гляди и так!—

приглашал Ефим шутливыми стихами. С тележки на двух колесах снимал он свой «театр» — декорации, которыми часто служили картинки, глинянки — глиняные куклы, домики, хлебные скирды, костюмы и маски. Все расставлял, начинал передвигать фигурки, сам играл на гармошке, сам за всех говорил. Часто ставил сказки, в которых принимали участие ребята.

Спросите у крестьян: зачем Ефим все это устраивал? «А чтоб не в унынье были,— ответят.— Ефим говорил, что скука — бездействие души». Честнякову хотелось растормошить людей, отвлечь от дум тяжких и чтоб от работы отдохнули. Разбудить фантазию, заставить творить в меру сил и способностей. Помните: «Человек должен возвышаться над жизнью в искусстве»...

Сегодня, когда уже около двух десятков лет прошло, как умер Ефим, о его рисунках, театре, сказках, о том, как колядовали с ним, вспоминают с грустью. Вроде как не ценили, недопонимали. Но память хранит все, порой до мельчайших подробностей. И встает он перед глазами тех, кто его знал: высокий, худой, с русыми волосами и светлыми глазами, в холщовом, похожем на плащ, белом халате с огромными накладными карманами, которые всегда были набиты книжками, глинянками, свистульками и конфетами для ребят.

«А что, летать ты умеешь? Летаешь во сне?— спрашивал он детей, придя с ними в одно из любимейших своих мест в округе — урочище Скатерки.— Это хорошо, хорошо, если летаешь. Значит, растешь... Давайте учиться летать!» Внешне он и с ребятами бывал суров, по головке не гладил. Но любил их всей душой, и они это чувствовали, к нему тянулись и за советом шли, и за помощью. Как-то в престольный праздник прибежали к нему деревенские ребятишки: «Дедушка Ефим, а что, правду говорят: в праздник грех есть и работать?» Посмотрел он на ребят внимательно и, не торопясь, ответил: «Конечно, неправду. Грех обманывать, родителей не почитать, мстить — грех, завидовать и пересказывать. А в еде да в труде никогда греха нет».

Занимаясь с ребятами разными ремеслами и искусствами, приучал их Ефим всему учиться, чтобы все уметь делать самому и приносить радость другим. «Труд готовый не бери, свой как новое дари». Только тот, кто умеет трудиться, не жалея себя и не ленясь, достоин уважения. И когда самого Ефима спрашивали, сколько он учился, он отвечал: «Сказать много, будете завидовать, а сказать мало — не будете уважать».

Не любил Ефим, когда ругались. Если услышит плохое слово — обязательно пристыдит: «Ничего святого в вас нет». И если, оправдываясь, говорили, что ничего, мол, не страшно: бога-то все равно нет — не осудит, он хмурился и ворчал: «Есть бог, есть! Красота — вот бог». И песни плохие запрещал ребятам петь, наказывал, чтобы пели только хорошие и красивые. А когда крестьяне обращались к нему: «Почитал бы ты, Ефим, молитвы нам»,— сердился и говорил: «Зачем вам молитва? Красивая песня — та же молитва».

Красота была для него — святыней, красота человека, его души, щедрость его сердца: «Красота — свет, созидание, творчество, вечность, жизнь. Красота — святое созидательное целомудрие». И отсюда его призыв: «Трудитесь над совершенствованием мира! Это и есть путь красоты и радости».

Полны лиризма и поэзии самобытные полотна Честнякова. Почти на всех — дети — в развеселых «Коляде» и «Нашем фестивале», и в добром «Чудесном яблоке», и в нарядной, волнующей «Крестьянской свадьбе», и в грустной, но возвышенной «Слушают гусли»...

Как и в прежние годы, несет свои воды мимо Шаблова труженица Унжа; кругом — леса да поля. И так же ждут большой воды на реке — тогда придут пароходы. Часто возвращаются сюда те, кто знал Честнякова, но теперь разлетелись по белу свету. И обязательно приходят на Ефимов ключ, откуда взлетели когда-то на крыльях Ефимовой мечты. Теперь они сами рассказывают своим внукам Ефимовы сказки. Стало другим детство — не босоногим, голодным и заплатанным, а счастливым и безоблачным. Но сказки и рисунки Честнякова по-прежнему понятны и близки всем — ведь люди не перестают мечтать.

Возрожденные руками реставраторов, висят в музейных залах картины Ефима Честнякова. Удивленными добрыми глазами смотрит художник на мир; дети на них поют, играют, мечтают, улыбаются.

«И славы не нужно, и мнения в мире людей, и мила мне одна лишь улыбка детей...»

СЛУШАЮТ ГУСЛИ.

КОЛЯДА.
Фрагмент

З. БУЛАЦЕВА,
заведующая сектором
Северо-Осетинского обкома КПСС

ПОСТУПКИ человека, стиль его жизни и поведения, выполнение тех или иных обязанностей во многом зависят от его ориентировки на общественное мнение. Прежде чем делать что-то или, напротив, от чего-то воздержаться, он часто думает: «А что обо мне скажут — старшие родственники, товарищи по работе, друзья, соседи?» Общественное мнение — мы в этом убеждаемся в нашей воспитательной работе среди разных групп населения — играет в повседневной жизни огромную роль. Это относится и к атеистическому воспитанию. Религиозное общественное мнение, если оно господствует в данной микросреде, нередко вынуждает даже людей неверующих соблюдать религиозные обычаи. А умело организованное, должным образом направленное атеистическое общественное мнение становится поистине мощным фактором преодоления религиозных пережитков. Тем самым оно способствует и оздоровлению всей нравственной атмосферы, служит осуществлению задач комплексного подхода к воспитанию.

Важность этой проблемы подчеркивается в постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы». Оно обязывает нас уделять особое внимание глубокому и всестороннему изучению общественного мнения на научном и практическом уровне и целенаправленному, активному его формированию в нужном для коммунистического воспитания направлении. Выполнение этого указания ЦК КПСС поможет идеологическим работникам находить эффективные методы воспитания советских людей.

Формирование активного атеистического общественного мнения происходит не автоматически. Для этого существует множество средств и путей. Один из самых надежных — печать, телевидение, радио. Не случайно им уделяется такое значительное место в постановлении ЦК КПСС, на них возлагаются такие ответственные задачи. Средства массовой информации и пропаганды обладают огромными возможностями воздействия на человека. Газета, радио, телевидение ведут постоянный разговор с людьми, делая их своими единомышленниками в решении различных проблем, но одновременно ориентируясь и на их взгляды. К. Маркс характеризовал, например, печать и как продукт, и как средство формирования общественного мнения.

На примере работы средств массовой информации и пропаганды Северной Осетии можно проследить сложный процесс становления атеистического общественного мнения вокруг целого ряда проблем.

Республиканские газеты, радио и телевидение постоянно ищут наиболее действенные пути для достижения этой цели. Причем речь идет не о мнении по каким-то единичным поводам, а о выработке устойчивого негативного отношения большинства людей к религиозным пережиткам, вредным традициям и обычаям. Этим задачам служит весьма многообразный круг материалов и жанров, часто на первый взгляд и не имеющих отношения к данной проблеме. Возьмем, к примеру, публикации, рассказывающие обо всем новом, что рождено социалистической действительностью, — об активной жизненной позиции людей, о соревновании в труде, о подлинно коммунистическом отношении к порученному делу, об ответственности человека перед обществом, об интернационализме, росте духовной культуры народа. Все это объективно лишает религиозную идеологию питательной среды. Однако не меньшее место в нашей пропаганде занимают и целенаправленные материалы, специально посвященные атеистическому общественному мнению.

Большая часть читателей осетинской газеты «Растдзинад» («Правда») живет в сельской местности, где более сильна приверженность к традициям прошлого — как к хорошим, так и к отжившим. Несколько лет назад газета воскресила в памяти лю-

ОБО МНЕ

дей старинную горскую традицию: в ней появилась рубрика — «Ныхас». Этим словом обозначалось в старину и собрание аульской общины, и место, где оно происходило. Ныхас обычно был где-нибудь в центре аула, на площадке, удобной для общения, как правило, под открытым небом, на возвышенной или проезжей части, под большим развесистым деревом. Сюда собиралось мужское население аула, главным образом старшего и среднего возраста. Круг обсуждавшихся вопросов был чрезвычайно широк — ни одна сторона общинной жизни не проходила мимо ныхаса. Он давал свою оценку каждому событию — от крупных до незначительных, разбирал семейные конфликты, дела об убийствах, случаи похищения невест, падежа скота, ссоры соседей. Даже новый поселенец принимался в общину только решением ныхаса. Во всех случаях на жителей аула оказывалось лишь моральное воздействие, однако ни один человек не мог игнорировать мнение ныхаса. Служил он также ареной для выступлений народных певцов и сказителей, для спортивных игр и состязаний.

Многие сегодня, возможно, забыли о ныхасе. Конечно, героические сказания и песни поются теперь не у заветного «древа мудрости». Но и в наши дни люди по важным вопросам советуются со старшими. Именно это учла газета, создавая свой «Ныхас». С первых дней он привлек внимание сельских читателей тем, что продолжил старинную горскую традицию — обсуждать всем миром животрепещущие проблемы, советоваться с уважаемыми людьми.

В «Растдзинад» приходят десятки писем с предложениями, пожеланиями, их публикуют в «Ныхасе». Не раз выступали здесь почетные граждане республики. Они говорили о нравственных проблемах, напутствовали молодежь, рассказывали о прекрасных горских обычаях, давали оценку вредным традициям — унаследованным от прошлых поколе-

ний или родившимся в наши дни. И вот один из результатов этой инициативы газеты.

В прошлом году в большинстве сел Осетии прошли сходы старейшин. Их целью было выразить общественное мнение по поводу некоторых обычаев, несовместимых с советским образом жизни, поговорить об ответственности старших за нравственный облик подрастающего поколения. Не раз темой обсуждения на таких сходах было и соблюдение религиозных обычаев.

Каждый такой сельский сход имеет большой общественный резонанс. Он еще усиливается тем, что рассказы о сходах, обращения участников к землякам публикуются в республиканских и районных газетах, репортажи со сходов передаются по радио и телевидению. Много разных мнений и пожеланий было высказано, были и споры. Но в одном сходились все участники этих уважаемых собраний. Это хорошо высказал старейший житель Пригородного района Коста Козонов: «Не будем же уподобляться тому недалекому горцу, который, построив новую саклю, перетащил в нее весь свой ветхий скарб. И стало в сакле тесно, неуютно и сумрачно, как прежде было в старой. Много хороших обычаев у наших предков, но есть и такие, которые давно отвергла сама жизнь. Зачем же мы так старательно тащим их в свою светлую новую жизнь? В новом доме должно быть всегда светло, и не надо нам самим загораживать свет, который льется во все окна».

Старейшины аулов относятся к сходам очень ответственно, потому что знают силу слова, сказанного старшими. И понимают, что его воздействие становится еще большим, когда оно попадает в газету. Их выступления, опубликованные в газетах «Социалистическая Осетия», «Растдзинад», переданные по радио и телевидению, пользуются огромной популярностью, вызывают множество откликов. Это ярко показывает нам, как идет процесс формирования прогрессивного общественного мнения по разным проблемам. Ответные письма в редакции помогают определить, как отрицательное отношение к какому-то явлению, событию, сформулированное на сходе, проникает в различные категории населения: в среду учащихся, студентов, специалистов сельского хозяйства, интеллигенции, какое воздействие оказывает.

Редакции имеют возможность проследить формирование общественного мнения на всех этапах его становления. Сначала люди, прочитав о каком-то явлении или событии, обсуждают его, оценивают. Потом происходит — часто через газету — живой обмен мнениями, взглядами, оценками. Такой процесс захватывает сферу общественного сознания, а с этого и начинается становление собственно общественного мнения. Теперь от газеты требуется более активное действие — распространение, объединение в единое мнение близких по духу или требующих разъяснения и комментирования суждений.

Этот этап — наиболее ответственный, и успех его зависит от того, насколько умело использованы все возможности средств массовой информации и пропаганды. А они велики. Обширная аудитория; повторяемость воздействия, когда можно каждый раз насыщать материал новыми примерами и аргументами; доверительный тон разговора, который ведется как бы персонально с каждым (газетную статью с размышлениями, советами, которые пришлись по сердцу читателю, можно приравнять к индивидуальной работе с людьми); возможность для читателя при желании вновь вернуться к газетной, журнальной статье и обсудить ее уже с кем-то.

В нашей стране, как известно, резко снизился интерес к религии со стороны большинства населения. Это видно и на примере нашей республики. Новые поколения религией почти не интересуются, знают о ней мало. Но в этом есть и своя негативная сторона. Не зная истинного содержания тех или иных связанных с религией традиций, не умея оценить их с марксистских позиций, молодежь иногда слепо верит поучениям старших верующих родственников о том, что религиозные обычаи олицетворяют какие-то национальные традиции, являются обязательным элементом национальной жизни. В такой ситуации остро необходимо формирование действенного, активного атеистического общественного мнения вокруг национальных обычаев и традиций, чтобы противопоставить его религиозному общественному мнению, которое еще в некоторых селах достаточно сильно и подчиняет себе многих людей, в том числе и молодежь.

СКАЖУТ...

Обсуждению этой сложной проблемы посвящен цикл передач «Традиции и современность» северо-осетинского телевидения. Возможность сделать зрителя не только свидетелем, но и участником происходящего — так называемый эффект присутствия — во многом определила здесь успех, эффективность в формировании прогрессивного общественного мнения. За «круглым столом» телевидения — представители районов, уважаемые сельчане — люди разных поколений, ученые, журналисты. Речь шла о традициях, пришедших из далекого прошлого, о влиянии на них ислама и христианства, бытовавших среди осетин, об исторической связи национальных и религиозных факторов, создающей иллюзию их единства. Говорили о месте и взаимодействии национальных и религиозных традиций в жизни современного человека. Обсуждали становление гражданской обрядности и новых традиций. Говорили и о тех, которые зародились очень давно. Одной из них — доброму обычаю «зиу» — посвящен был очередной «круглый стол». Зиу родился очень давно, самые древние старики не помнят, когда. «Он был всегда», — говорят они.

Зиу — помощь, а точнее взаимопомощь. Не каждая горская семья могла построить себе саклю в одиночку или накосить сено высоко в горах. В помощи нуждались многодетные семьи, вдовы,

престарелые. Им помогали всем миром, потому что каждый знал: окажись он завтра в таком же положении, люди не оставят его в беде. Молодежь отправлялась на луга и, закончив в несколько часов покос для семьи без кормильца, с песнями возвращалась в аул. Весело, с шутками строила саклю или сарай для скота. Об этом рассказывали за «круглым столом» самые старшие. Те, кто помоложе, вспоминали зиу в суровые военные годы, он многим помог их выдержать; немало было сделано с помощью этого обычая в период восстановления народного хозяйства.

В наши дни зиу обогатился новым содержанием. С его помощью не только построены в селах индивидуальные дома, но и проложены в горах дороги, перекинуты мосты через глубокие пропасти. Старый добрый обычай и сегодня воспитывает у молодых людей чувство коллективизма, товарищества, служит сближению людей разных национальностей.

За пять лет в телевизионной передаче «Традиции и современность» прозвучало немало любопытных примеров, воспоминаний. Все они несли огромный нравственный заряд. Появились у нее активные помощники. Они подсказывают новые темы, предлагают сообща их решать, рассказывают о семейных традициях, о событиях в своих селах и т. д. Передача обогащается новым содержанием, совершенствуются и формы общения со зрителем.

Большая роль этого цикла в формировании атеистического общественного мнения очевидна. На людей заметное влияние еще оказывают старые вредные традиции, среди которых немало связанных с религией — с исламом, христианством. Именно против таких традиций и правил, которые многие годы живут под защитой религиозного общественного мнения, и направлены наши передачи.

Газеты, радио и телевидение республики проводят микроисследования по следам очередного выступления. Они помогают выяснять, на какой стадии находится процесс формирования атеистического общественного мнения вокруг таких вопросов, как сохранение национальных традиций — и украшающих сегодняшнюю жизнь, и тех, которые принадлежат только прошлому. Такие опросы были проведены, например, на промышленных предприятиях города Орджоникидзе, в колхозах республики. Результаты их дают богатый материал для анализа состояния атеистического воспитания в коллективах, помогают наметить новые темы для выступлений, активизировать начавшиеся процессы перестройки миропонимания у многих верующих или тех, кто находился под известным влиянием религиозного общественного мнения.

На Орджоникидзевском электроламповом заводе, например, была проведена конференция читателей газеты «Социалистическая Осетия». Рабочие высказали пожелание видеть в ней больше статей о новых традициях, обрядах, призывали газету показывать, как происходит рождение или постепенное умирание, казалось бы, устоявшихся представлений. Нельзя сказать, что для редакции эти пожелания были неожиданными. Их нередко высказывают и читатели в своих письмах. Но на конференции возникло новое решение: совместно с заводским парткомом создать на заводе молодежный клуб, в котором можно было бы отпраздновать знаменательную дату, провести диспут, встречу с интересным собеседником, поговорить о волнующих проблемах, поспорить о новом фильме. Скоро родилось и название клуба — «Светильник».

Задуманный и созданный с помощью редакции молодежный клуб вскоре стал популярным. Тематика его заседаний охватывает все более широкий круг вопросов. А его организаторы — журналисты, рабочие, партийные и комсомольские работники вынашивают новые планы, обсуждают их на совместных заседаниях совета клуба в редакции и на заводе. Деятельность клуба дает газете богатый материал для рубрики «Новые обряды и традиции». А читатели в свою очередь дают советы, подсказывают новые идеи. Влияние взаимное.

В процессе общения, обсуждения каких-либо проблем, включая религиозные и атеистические, люди сверяют свои впечатления с мнением других, уточняют, а то и изменяют свои суждения, оказывают влияние на рядом живущих или сами подвергаются воздействию. Во всех этих процессах непосредственное участие принимает такой мощный информатор и пропагандист, как печать, радио, телевидение. Ведь человек рассуждает так: если тот или иной поступок или действие получили одобрение в газете, да еще со стороны столь уважаемых людей, как Герой Социалистического Труда, народный артист, учитель или, скажем, почтенный долгожитель из села Ардон, значит, и я могу поступать так же, плохо обо мне не скажут.

Очень важно, что органы массовой информации помогают сформировать общественное мнение по поводу какого-либо новшества, еще непривычного людям, быстрее внедрить его в жизнь. Так получилось, например, с массовыми концертами в здании бывшей суннитской мечети в Орджоникидзе.

Когда впервые под ее сводами зазвучала старинная музыка XVII—XVIII веков в исполнении камерного ансамбля, то не было уверенности, что эти концерты завоюют популярность. Тем не менее вечера в бывшей мечети не без помощи печати, радио и телевидения вскоре стали традиционными и теперь привлекают все больше любителей музыки. Газеты внимательно следят за концертной программой молодых музыкантов под руководством Сергея Песьякова, поддерживают их, сообщают об очередной встрече со слушателями. Казалось бы, как это может служить атеистическому воспитанию? Самым непосредственным образом.

Отличная акустика, прекрасные архитектурные формы и настенная роспись мечети — уникального памятника старины — отлично дополняют и углубляют эмоциональное воздействие музыки на слушателей. Ощущение эстетической ценности концертного зала, звуки музыки, рождающиеся, кажется, где-то под самым куполом, создают особое настроение во время концертов и формируют новое отношение к культовым зданиям вообще.

Практика убедительно показывает: процесс создания устойчивой системы коммунистической нравственности, нормы которой передаются из поколения в поколение в нашем обществе, значительно ускоряется с помощью целенаправленного управления общественным мнением, формирования атеистических убеждений, развития и внедрения социалистических обычаев и традиций. И важнейшее место в этом деле принадлежит средствам массовой информации.

г. Орджоникидзе

— За 20 лет на кафедре было защищено 258 дипломных работ, 134 кандидатских и 11 докторских диссертаций. Наши профессора и преподаватели ежегодно читают до 50 лекционных курсов, которые слушают одновременно более 4 тысяч студентов. На философском факультете, помимо основного курса «История и теория атеизма», читаются спецкурсы по актуальным проблемам, имеющим большое значение для теории и практики атеистического воспитания. Спецкурсы ежегодно слушают также студенты юридического, физического и других факультетов.

Особое внимание мы уделяем совершенствованию учебного процесса, первостепенное значение придаем разработке учебных программ и планов семинарских занятий, отражающих современный уровень развития науки, программ спецкурсов и спецсеминаров, подготовке учебников и учебных пособий. Так, работники кафедры в содружестве с другими ведущими вузами и научно-исследовательскими институтами подготовили такие учебники и учебные пособия, как «История и теория атеизма», «Основы научного атеизма» (курс лекций), учебно-методические пособия для студентов вечерних и заочных отделений и целый ряд других.

Нам важно, чтобы студенты и аспиранты, специализирующиеся на кафедре, приобретали практические навыки пропагандистской работы. Мы привлекаем их к чтению лекций на предприятиях и в учреждениях, к участию в конкретно-социологических исследованиях. Важной формой активизации студентов стал клуб молодых атеистов МГУ.

Система специализации студентов на кафедре позволила эффективно готовить также кадры атеистов из числа иностранных учащихся. Так, в прошлом учебном году у нас проходили подготовку студенты из ЧССР, ВНР, ГДР. Каждый из них занимался по индивидуальному плану. Все они участвовали в работе клуба молодых атеистов, кафедральных кружков. В результате студенты Я. Држиза, Д. Павликова из ЧССР, И. Юхас из Венгрии подготовили интересные рефераты, с которыми они выступили на студенческих научных конференциях.

В 1959 году в Московском Государственном университете имени М. В. Ломоносова была создана кафедра истории и теории атеизма. Она стала первой из существующих сегодня многих вузовских кафедр такого профиля. За это время здесь подготовлен большой отряд высококвалифицированных специалистов, способных обеспечить на высоком идейно-теоретическом уровне преподавание основ научного атеизма в высших учебных заведениях страны, организовать пропагандистскую и воспитательную работу среди населения, вести научные исследования по проблемам теории и практики атеизма. Наш корреспондент встретился с заведующим кафедрой профессором М. П. Новиковым.

— Михаил Петрович, расскажите об основных направлениях научно-исследовательской работы на кафедре.

— Ее специфика определяется не только общими потребностями науки, но и задачами подготовки высококвалифицированных специалистов. Это означает, что исследования ученых кафедры по важным проблемам истории и теории атеизма тесно увязываются с учебным процессом, оказывают благотворное влияние на его теоретический и идейно-воспитательный уровень, способствуют выработке у студентов навыков самостоятельного мышления, формированию коммунистических нравственных убеждений, непримиримости ко всему тому, что противоречит принципам советского образа жизни.

В преподавании научного атеизма двусторонняя связь научных исследований с преподаванием проявляется, с одной стороны, в широком развертывании исследований актуальных проблем атеизма, а с другой — в использовании полученных выводов и обобщений для обогащения лекционных курсов и семинарских занятий.

Вообще, двадцатилетний опыт преподавания научного атеизма в высшей школе, создание специальных кафедр в ряде университетов и педагогических институтов явились главным условием значительного увеличения научных и научно-методических публикаций, очевидного роста их качества. Можно без преувеличения сказать, что основная доля научных исследований в области теории и истории атеизма выполнена учеными высшей школы.

Научную работу на нашей кафедре ведут профессора, преподаватели, аспиранты и студенты. Главная комплексная тема — «Атеизм и формирование духовного мира человека коммунистического общества».

Особое наше внимание при этом привлекла проблема определения предмета и структуры научного атеизма как отрасли знания. Наша позиция сводится к тому, что научный атеизм — одна из специальных философских дисциплин, выполняющая важную позитивную роль. Он призван дать ответы на ряд мировоззренческих вопросов, опираясь на прочный фундамент научных представлений о мире и его законах. Изучение происхождения и сущности религии, выяснение путей ее преодоления, раскрытие жизнеутверждающей природы атеизма, закономерностей формирования материалистического мировоззрения, его значения в духовной жизни общества и т. д. — все это составляет специфическое содержание атеизма.

Такое понимание предмета научного атеизма получило освещение в таких подготовленных кафедрой книгах, как «Основные вопросы научного атеизма», курс лекций «Основы научного атеизма», учебное пособие «История и теория атеизма», в ряде специальных публикаций, подготовленных учеными кафедры.

В настоящее время научно-исследовательскую работу мы ведем по четырем основным направлениям: критика современной религиозной идеологии; разработка методологических вопросов социологии и психологии религии; исследование различных аспектов формирования научно-

материалистического мировоззрения, в том числе проблем атеистического воспитания студенческой молодежи; подготовка учебных программ, учебников, учебных пособий, справочной литературы. По всем этим направлениям за последние годы опубликовано около 390 работ.

Большое внимание, которое ученые кафедры уделяют критике современной религиозной идеологии, непосредственно связано с той очевидной эволюцией религиозных воззрений на общество, природу и человека, которая стала характерной чертой нашего времени.

В этой области исследований у нас подготовлен ряд серьезных трудов. Так, общие методологические проблемы критики религиозной идеологии рассматриваются в монографии С. И. Никишова «Ленинская критика философских основ религии». Критика католической философии неотомизма дана в работе В. И. Гараджи «Неотомизм. Разум. Наука». Состояние протестантской теологии и философии исследуется в монографии В. И. Добренькова «Современная протестантская американская теология». Интересные работы выполнены К. И. Никоновым, Н. Д. Куфаковой, С. М. Орловым.

В исследовании проблем социологии и психологии религии основное внимание обращается на раскрытие корней религии, на выяснение специфики состояния религиозности в современных условиях, на критику буржуазного религиоведения. Положительную оценку научной общественности получили исследования Ю. Ф. Борункова «Структура религиозного сознания», И. Н. Яблокова «Методологические проблемы социологии религии» и «Социология религии», М. А. Поповой «Критика психологической апологии религии», Д. М. Угриновича «Введение в теоретическое религиоведение», «Философские проблемы критики религии» и другие.

Сущность атеизма и проблемы формирования научного мировоззрения исследуются по двум основным направлениям: во-первых, в плане раскрытия мировоззренческого содержания атеизма, во-вторых, по линии рассмотрения принципов и закономерностей процесса атеистического воспитания. Определенный вклад в разработку этой проблемы внесли монографии С. Ф. Анисимова «Нравственный прогресс и религия», И. Д. Панцхавы «Человек, его жизнь и бессмертие», И. Г. Иванова «Роль естествознания в развитии атеистического миропонимания», сборники статей «Проблема личности в религии и атеизме», «Современное естествознание и атеизм».

Разрабатывает кафедра и теорию атеистического воспитания. Так, наши ученые приняли участие в подготовке ряда выпусков «Вопросов научного атеизма», посвященных этой проблеме. Совместно с учеными социалистических стран издан сборник «Атеистическое воспитание студенческой молодежи». Профессор Д. М. Угринович опубликовал книгу «Обряды. За и против».

Разработке широкого круга проблем теории атеизма и религии, повышению эффективности критики религиозной идеологии в большой мере способствует исследование истории атеизма. В этой отрасли знания плодотворно работает З. А. Тажуризина. Можно отметить такие ее работы, как «Закономерности развития атеизма», «Актуальные вопросы истории атеизма».

Изданы подготовленные кафедрой материалы Всесоюзной конференции «Вопросы методики преподавания научного атеизма в высших учебных заведениях». Из справочной литературы следует отметить выдержавшую несколько изданий «Настольную книгу атеиста», в подготовке которой приняли участие почти все работники кафедры, и «Карманный словарь атеиста», авторский коллектив которого составили в основном члены кафедры.

Большое внимание уделяет кафедра повышению эффективности и качества подготовки научных кадров по атеизму. Созданы типовая программа кандидатского экзамена по специальности «Научный атеизм», «Критерии аттестации аспирантов». Налажены периодическое издание сборников аспирантских работ, а также помощь аспирантам в научных исследованиях и отборе наиболее важных и актуальных проблем. Н. А. Пашков разработал «Методику преподавания атеизма в высшей школе».

Специфическая форма деятельности кафедры — руководство научной работой студентов. Преподаватели помогают своим питомцам готовиться к студенческим конференциям, к выступлениям в дни творчества, рецензируют тезисы их докладов и рефератов, выявляют среди них наиболее способных для рекомендации в аспирантуру.

— Ваша кафедра — базовая. Какую помощь она оказывает другим кафедрам атеизма?

— Прежде всего, кафедра координирует научно-исследовательскую и методическую работу преподавателей научного атеизма вузов страны. В качестве членов оргкомитетов и докладчиков ее профессора, преподаватели и сотрудники принимают активное участие в подготовке и работе всесоюзных конференций и совещаний. Так, в 1972 году Министерство высшего и среднего специального образования СССР провело в МГУ всесоюзный семинар преподавателей научного атеизма вузов. В 1974 году на базе Львовского университета состоялась конференция «Атеистическое воспитание — составная часть коммунистического воспитания». Улучшению научных исследований, повышению методической работы во многом содействовала проведенная в 1976 году на базе МГУ Всесоюзная конференция «Вопросы методики преподавания научного атеизма в вузах», в работе которой приняли участие ученые ряда социалистических стран. Важную роль в совершенствовании координации различных аспектов атеистической работы в вузах будет иметь проведенное в 1979 году управлением преподавания общественных наук Министерства высшего и среднего специального образования СССР всесоюзное совещание заведующих кафедрами научного атеизма.

На кафедре проходят стажировку молодые преподаватели атеизма различных вузов страны. Значительное число соискателей, в том числе из-за рубежа, прикрепляются для подготовки и защиты кандидатских и докторских диссертаций. Преподаватели кафедры выезжают для чтения спецкурсов и проведения спецсеминаров в ряд вузов союзных республик.

Таковы основные направления и характер научно-исследовательской и научно-методической деятельности кафедры истории и теории атеизма МГУ.

НАШИ ТРАДИЦИИ

Л. ШАЙДУЛЛИНА,
кандидат исторических наук,
доцент Казанского университета
имени В. И. Ульянова-Ленина

В КАЗАНСКОМ университете немало замечательных традиций, сформировавшихся за его 175-летнюю историю и значительно приумноженных в советское время. Одна из них — просветительство, в самом лучшем, прекрасном смысле этого слова. Как известно, в дореволюционное время наш университет сыграл большую роль в просвещении народов многонационального Поволжья и тем самым сделал немало для их освобождения от власти мусульманской религии. Выполняя эту миссию, ученые университета способствовали сближению людей различных национальностей, приобщали их к русской культуре и в то же время знакомили Россию с историей этих народов, с их бытом, творчеством. Эти традиции в советское время несказанно обогатились — они обрели новую почву и жизненные силы в социалистическом строе.

Сегодня Казанский университет — кузница национальных кадров для республик и областей Поволжья. На базе его факультетов вырастают самостоятельные высшие учебные заведения. Его преподаватели держат связь с производством, выступают с лекциями в Казани, Набережных Челнах, Нижнекамске, других городах и селах республики и за ее пределами. И студенты, участвуя в строительных отрядах, агитколлективах, школах молодого лектора, уже в годы учебы приобщаются к благородной задаче «сеять разумное, доброе, вечное».

О том, как сохраняются и развиваются лучшие традиции, к числу которых несомненно относится просветительство, в одном из старейших университетов страны, можно писать большие статьи и даже книги. Это особая тема. У меня в данном случае другая задача. Я хочу рассказать еще об одной новой традиции университета, связанной с журналом «Наука и религия». Журнал помогает преподавателям активно формировать научные представления об окружающем мире, о месте в нем человека, о его преобразующей роли, и работа с ним, его помощь сама по себе становится традицией в атеистическом воспитании студентов.

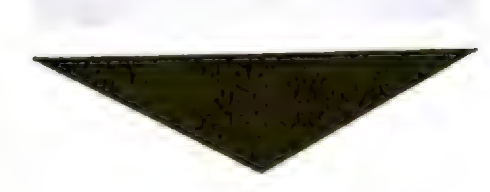
Многие события, происходящие сегодня в странах Азии и Африки, невозможно глубоко понять и оценить без знания роли религии в истории народов этих стран, в их повседневной жизни, в политике и экономике. Преподаватели и студенты получают об этом сведения из журнала, который практически является единственным источником такого рода материалов. Читая курс новейшей истории стран Азии и Африки, я вполне могу оценить помощь, которую оказывают студентам и преподавателям публикации журнала по истории и современному состоянию религиозных систем.

Хочется отметить еще роль журнала в интернациональном воспитании молодежи. Это также помогает развитию интернациональных традиций университета. Раскрывая роль религии в поддержке националистических настроений, в обособлении народов друг от друга, в культивировании понятий об исключительности духа и бытового уклада того или иного народа, скажем, исповедовавшего ислам, журнал помогает молодежи составить правильное представление о ее истинном содержании, о ее антинародном характере, правильно ориентироваться в своем отношении к религиозной вере.

Надеемся, что эти важные направления деятельности журнала будут развиваться и дальше.

г. Казань

ЗА РАМКАМИ УЧЕБНОЙ ПРОГРАММЫ



НАША КАФЕДРА научного атеизма — молодая. Она открыта в 1976 году в Мордовском госуниверситете имени Н. П. Огарева. В учебно-методической, научно-исследовательской и общественно-воспитательной деятельности кафедры такие разделы журнала, как «История и современность», «Горизонты науки», «Духовный мир человека», «Философские чтения», позволяют давать в процессе учебных занятий естественнонаучное, историко-философское и социально-нравственное обоснование атеизма. Очень ценными оказались для нас статьи, анализирующие сущность принципа свободы совести при социализме и его развитие в новой Конституции СССР. Широко используя эти материалы, мы провели курсовые (поточные) студенческие конференции «Конституция СССР и свобода совести».

Все студенты, изучающие курс научного атеизма, пишут рефераты. Их тематика составлена на основе учебной программы, в которую входят темы, рекомендованные организацией общества «Знание» в связи с задачами атеистической пропаганды в свете решений XXV съезда КПСС и новой Конституции СССР. Обращение к публикациям журнала — а это делается всегда с интересом — позволяет обогатить ярким конкретным материалом содержание рефератов, придать им публицистическую заостренность. Это очень важно, так как значительная часть рефератов становится основой для публичных выступлений студентов на атеистические темы во время общественно-политической практики.

Есть у нас студенты, которые выражают желание углублять свои знания по научному атеизму. В таких случаях журнал становится объектом специального анализа. Так было, например, на историко-географическом факультете, где на спецкурсах и спецсеминарах изучалась проблема модернизма в современном русском православии.

Есть у нас школа молодого атеиста. Она — двухгодичная и включает два узловых раздела: «Актуальные проблемы теории и практики научного атеизма» и «Методика научно-атеистической пропаганды». Именно здесь, не будучи скованы рамками учебной программы, студенты широко используют журнал. Так, весной этого года, заканчивая школу, слушатели провели устный журнал «Красота подлинная и мнимая» (о советской и религиозной обрядности), используя при этом публикацию «Эстафета духовного богатства» (1979, № 2). По инициативе студентов были обсуждены «Воспоминания» Г. Медынского и корреспонденция В. Харазова «Одиссея В. Гарбузова». Каждый год слушатели делают итоговый обзор журнала по его основным разделам.

Мы активно участвуем в выпуске республиканского телевизионного журнала «Мир человека». И его тематика и содержание, основываясь на местном материале, вместе с тем во многом опираются на публикации «Науки и религии». Так строят свои выступления доцент кафедры атеизма С. П. Спиридонов, доцент Мордовского пединститута имени М. Е. Евсевьева Л. И. Яковлева и другие. Телевизионный журнал имеет и библиографическую страницу, где, как правило, рекомендуются публикации журнала.

Таким образом, журнал «Наука и религия» имеет все основания считать себя составной частью вузовского атеизма, непосредственным участником формирования научно-атеистического мировоззрения и атеистического воспитания нашей студенческой молодежи.

С. ИТКИН,
кандидат философских наук, доцент
кафедры научного атеизма
Мордовского университета
имени Н. П. Огарева

г. Саранск

В РУСЛО ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ

ОДНАЖДЫ я провел простой психологический эксперимент. На несколько лекций подряд приносил в студенческую аудиторию журналы «Наука и религия». Перебирал их, раскладывал на столе на виду у всех студентов, но о самом журнале ничего не говорил. Увы, никого не заинтересовали мои манипуляции, не помогли и яркие обложки. Уже потом, на лекции, я спросил студентов: «Кто читал журнал «Наука и религия?» Подняли руки единицы. Может, это случайность? Однако повторный, уже специальный опрос студентов экономического факультета Новосибирского электротехнического института связи показал: из 100 студентов только трое знакомы с журналом.

Я предложил семерым первокурсникам, изучающим факультативно «Основы научного атеизма», подготовить обзоры семи номеров журнала. Желающие нашлись. Так у нас родились своеобразные атеистические чтения. Юноши и девушки готовили обзоры, писали рефераты. Лучшие из них были представлены на студенческую научную конференцию, а затем использованы в лекциях.

Например, Елена Смирнова подготовила реферативное сообщение «Религия и церковь в США». Сначала она выступила с ним на факультативе по основам научного атеизма; аудиторию доклад заинтересовал. При анализе реферата я посоветовал разработать по нему лекцию для молодежной аудитории. Через некоторое время студентка отлично выступила на факультетской конференции, посвященной 100-летию выхода в свет работы Ф. Энгельса «Анти-Дюринг». А еще позже успешно прочитала лекцию для молодежи кинокопировальной фабрики.

Самостоятельная работа студентов над журналом и другой атеистической литературой повлекла за собой рождение атеистических чтений в общежитии и на дому. И в минувшем учебном году меня уже буквально одолевали разноголосые «почему?». Студентов теперь интересовало в научном атеизме все.

Позже мне довелось прочесть дневник первокурсника Сергея Грибова. Он писал: «Взяли журнал «Наука и религия» у девочек из комнаты 530 «а». Заинтересовались и читали всей комнатой». «Журнал берут ребята из других комнат и живущие в городе. Когда возвращают, подолгу спорим. До чего же, оказывается, интересен атеизм. Совсем по-другому смотрю теперь на материализм, философию. Как будто раздвинулся некий горизонт».

Этот и другие примеры из практики атеистической работы в техническом вузе говорят о том, что быть у истоков формирования сознания и ограничиваться одним лекционным факультативом нельзя. Сейчас есть много возможностей разнообразить курс научного атеизма, применяя различные формы и методы, технические средства, приглашая на беседы опытных пропагандистов.

Вспоминаю, как наши студенты-первокурсники навестили одного из старейших пропагандистов Новосибирска Павла Васильевича Езова. Уже пенсионер, он и сейчас ведет активную атеистическую работу. Павел Васильевич разложил фотографии, семейные альбомы, почетные грамоты, пожелтевшие от времени газеты. Он рассказывал о героическом прошлом сибирской земли, о старейших коммунистах, о Союзе воинствующих безбожников. Мы возвращались в институт, полные впечатлений.

— Хорошо бы организовать клуб интересных встреч, — предложил кто-то. Его дружно поддержали. Так рождались замыслы новых форм атеистической работы. Любознательность молодых — как стремительный поток: бурлит, плещет, ищет себе твердое русло. И наша задача вывести его на глубинное течение марксистско-ленинского мировоззрения, а чтобы добиться этого, нужны четкие направления в работе. В этих целях мы начали конкретно-социологические исследования, помогающие изучить особенности становления интересов студентов. На основе этих исследований анализируем некоторые тенденции и закономерности формирования духовного мира и материалистического мировоззрения студентов.

Были опрошены 100 специалистов, бывших выпускников НЭИС разных лет, приехавших на 25-летие института. Первокурсникам и пятикурсникам были заданы небольшие сочинения на тему «Что я знаю о религии и как отношусь к ней». Уже имеется 300 сочинений, которые тщательно анализируются. Во всех таких начинаниях нас поддерживает проректор института А. Ф. Зеневич. С его помощью мы, например, ввели показ кинофильмов с последующим рецензированием. Ленты подбираются по контрасту: вначале — о научных достижениях, о преобразованиях в стране, о духовных ценностях, а потом — о религии, суевериях.

В рецензии на кинофильм «Сибирью плененные» одна студентка второго курса написала: «Фильм интересный, с отличным музыкальным сопровождением. Это рассказ о сибирской природе, городах-гигантах и о прекрасных людях, преобразующих нашу Родину. Картина вызывает чувство гордости за наш край». В другом отзыве — на фильм «Дом у окраины» — говорится: «В фильме показаны люди, которые отказались от всех человеческих радостей. Они губят не только себя, но и своих детей. Причина этих жестокостей и самоотречений — религия. Она уводит людей в мир иллюзий, отрывает от общения, настоящей жизни, обрекает на одиночество. Нет, гражданин СССР не может ютиться на окраине жизни».

Для формирования активной жизненной позиции у студентов огромное значение имеет также практическая пропагандистская работа. Вот только один пример из нашей практики.

...Рано лишился матери 13-летний Алексей М., а отца не помнит совсем. Его воспитанием занялись набожные тетя и бабушка. «Сиротинушка наш, христов человечек, наш славный богомол», — причитали они. Алексей бродил из одной религиозной семьи в другую. В его записной книжке — адреса 30 сердобольных старушек, так называемых христовых кормилиц. Они внушили подростку мысль о том, что жизнь надо посвятить религии. Однажды, сложив свои пожитки в чемодан, захватив с собой крестики, иконы и религиозные книги, он убежал на пустырь, где поселился в старой постройке. Жег свечи, ожидая второго пришествия Христа, держал наготове чистое белье, чтобы прийти в нем к спасителю в минуты светопреставления.

Как только стало известно о судьбе подростка, многие люди захотели ему помочь. Это была искренняя, реальная помощь. Мальчика устроили в интернат. Он опять стал учиться в школе.

Я рассказал об Алеше своим студентам. Вот как они прореагировали. Комсорг группы № 71 факультета автоматической электросвязи Людмила Кузнецова: «Религия — не какое-то далекое прошлое, она вторгается в нашу жизнь. Нам ли оставаться равнодушными?! Давайте возьмем шефство над Алексеем и поможем ему вернуться к настоящей жизни». Комсомолка этого же факультета Вера Шмидт: «Пока есть люди, находящиеся под влиянием религии, моя совесть не может успокоиться. Еще в школьные годы я знала мальчика из религиозной семьи. Робкий, замкнутый. Полное неверие в свои силы причиняло ему много нравственных страданий. Тогда я не знала, как помочь ему, а теперь готова взяться за индивидуальную работу с Алексеем».

Вера и Людмила объединили свои усилия и стали вместе шефствовать над подростком. На очередных занятиях они рассказывали: «Мальчик симпатичный, любознательный, но очень религиозный. По любому поводу ссылается на Библию, священников знает по именам. Материалистическое миропонимание, можно сказать, на нуле. Нужно собрать ему кое-какую библиотечку».

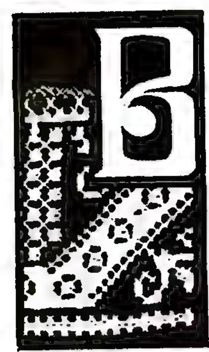
Этот конкретный жизненный факт еще больше убедил студентов в том, как нужно им материалистическое мировоззрение.

Рефераты на атеистические темы, обзоры журнала «Наука и религия», рецензии на кинофильмы, лекции и беседы, индивидуальная работа с верующими — все это повышает гражданскую активность студентов, развивает и закрепляет их атеистическое мировоззрение.

А. ШПИНЕВ,
кандидат философских наук, доцент кафедры философии и научного коммунизма Новосибирского электротехнического института связи
г. Новосибирск

Г. НОСОВА, кандидат исторических наук

КРЕЩЕНИЕ И КРЕСТИНЫ



В X веке из Византии вместе с христианством пришло на Русь таинство крещения. К этому времени его церковно-догматическая сторона и обрядовый церемониал уже в основном сложились.

Крещение, по мнению православных богословов, «представляет собою едва ли не самое важное... таинство. В то время, как без принятия других таинств, при известных условиях, каждому еще возможен доступ к благодатному царству Христа, — без крещения, этой единственной двери ко спасению, он совершенно невозможен»[1].

Христианская церковь учит, что человек с момента рождения несет печать первородного греха. Это делает его доступным злу, обрекает на страдания. Избавиться от них можно лишь водным крещением. «Крещение, — сказано в догматическом богословии, — есть таинство, в котором человек грешник, родившийся с наследственной от прародителей порчею, вновь рождается водой и духом, очищается благодатью божьею от всякого греха и соделывается новым человеком, оправданным и очищенным». Более того, утверждает церковь, крещение обеспечивает верующему вторичное рождение, воскресение вместе с Христом.

Итак, крещеный — синоним слова «христианин». Но, как и многое в христианстве, этот обряд синкретический, несет в себе напластования различных религиозных систем. Корни его уходят в языческие культы и мистерии древних народов Средиземноморья и Передней Азии. Основные элементы ритуала крещения имели аналогии еще в ранних религиях и уже в готовом виде перешли в христианский культ. Например, крещение водой в той или иной форме входило в церемониал почти всех религий эллинистической эпохи. Вера во вторичное рождение, в основе которой лежали культы умирающих и воскресающих божеств, встречалась у многих первобытных народов. Она принадлежит к исконному религиозному реквизиту, который вошел в культовую практику многих религий. И христианство не представляет исключения.

Долгое время крещение в народе не считалось обязательным и на протяжении нескольких столетий насаждалось на Руси насильственно. Церковь отводила этому ритуалу видную роль в арсенале средств влияния на жизнь людей, рассматривала его как один из каналов проникновения в семью, регулирования частной жизни с помощью христианских норм морали и нравственности. Поэтому политика православной церкви, внедрявшей крещение, была двоякой. С одной стороны, она прибегала к прямому давлению, требованию, принуждению совершать таинство как официальный законодательный акт. С другой — ей нередко приходилось отступать перед древними народными обычаями — заимствовать и перерабатывать их, даже брать под свое покровительство институты архаического социального быта, старые формы семьи, пережитки общинно-родового строя и обычного права.

Эта церковная политика сделала свое дело. С течением времени ритуал таинства вобрал в себя элементы древнейших религиозно-бытовых обычаев семейного и общественного плана. В крещение вошли отголоски таких старинных обычаев, как родины — принятие ребенка в семейно-родовую общину, элементы первобытной магии (предохранительной, очистительной, отпугивания злых сил), культа предков. Образовался синкретический культовый сплав, состоящий из двух компонентов: религиозно-церковного (языческо-православного) и внецерковного (бытового). В таком виде обряд и укоренился в массовом обыденном сознании.

Чтобы яснее представить себе такое смешение, следует вспомнить историю этого ритуала.

Цикл русских родильно-крестильных обрядов делился на две группы. Первая была связана с беременностью, родами, уходом за новорожденным и роженицей. Вторая включала крещение как ритуал принятия ребенка в семейную общину, имянаречение, крестины.

Многие обычаи и поверья, связанные с беременностью, ожиданием родов, генетически принадлежат к первобытным религиозным представлениям, проистекавшим от непонимания естественных причин зачатия ребенка. Причинные связи между матерью и ребенком, отцом и ребенком осознавались тогда людьми как нечто сверхъестественное. В произведениях сказочного фольклора, в мифологии можно найти такие сюжеты, как зачатие женщины от съеденного плода, от какого-либо зверя, рождение ребенка от земной женщины и бога. Рассказывается в древних легендах и о том, что детей находят в пещерах, в водах

---

[1] А. Алмазов. История чинопоследований крещения и миропомазания. Казань, 1884, стр. X.

озера, о том, что их приносят птицы... Все это отголоски древних поверий, которые в свою очередь порождали целый ряд противодействий сверхъестественным силам — запретительные и охранительные обряды.

К беременной женщине и родильнице на Руси, например, относился ряд запретов, связанных с представлением о ее магической «нечистоте». Представления о ритуальной нечистоте и ритуальном очищении характерны почти для всех народов. Причем источник нечистоты здесь — не физическое или моральное загрязнение, а переломный момент в жизни человека, в данном случае рождение. В этом «внезапном» переходе от небытия к бытию, самом по себе удивительном и непостижимом для первобытного человека, тот видел вмешательство враждебной, нечистой силы. И он прибегал к оградительным магическим действиям, используя «силу» воды. Более всего нечистая сила, по этим верованиям, окружала роженицу и новорожденного.

Представления о магической нечистоте женщины поддерживались и позднее предписаниями церкви. Так, в документах XII века — «Вопрошании Кириковом» и «Заповедях митрополита Георгия» — говорилось: «Мати рожши (после родов) 40 дней да не входит в церковь»; «Жена аще родит детя, не ясти с нею». В помещение, где «мати детя родит», нельзя было входить три дня. По истечении этого срока надлежало «помыть всюде» и сотворить молитву, какую принято творить «над сосудом оскверньшимся»[2]. В некоторых местах женщина уходила рожать (даже зимой) подальше от жилья — в хлев, сарай. Нечистыми считались и все присутствовавшие при родах. Поэтому распространенным был обряд водного очищения роженицы и повивальной бабки — «размывание рук», «сливание на руки».

Многие запреты, в основе которых лежит подражательная магия, должны были охранить здоровье матери и будущего ребенка. Беременная не должна была посещать домов с покойником — иначе родится мертвый ребенок, есть рыбу — а то ребенок родится немым или не будет долго говорить, смотреть на некрасивые предметы — иначе ребенок будет уродлив, и т. д. К постели роженицы подвешивали охранительные амулеты и ладанки с заговорами и молитвами.

Сами роды, особенно тяжелые, также окружались целым набором магических средств и действий. Даже в недавнее время повсеместно в русских деревнях и на Украине развязывали узлы на одежде, отмыкали в доме все замки, обращались к священнику с просьбой открыть в церкви «царские врата», зажигали «страстную свечу», читали молитвы и т. п. В некоторых местностях у священнослужителя брали пояс, чтоб обвязать им роженицу для ограждения от злых сил. Такую же охранительную роль играл пояс, которым повязывала ребенка крестная мать по истечении шести месяцев с его рождения.

Большая часть поверий, магических действий, относившихся к новорожденному, касалась, естественно, его жизни и здоровья. Ребенка купали в проточной воде, произнося при этом заговоры. Одевали в разрезанную отцовскую или материнскую рубаху (в соответствии с полом младенца), клали на тулуп (символ богатства) или подносили к печи, которая считалась жильем домового, и обращались к домовому с просьбой принять новорожденного в дом.

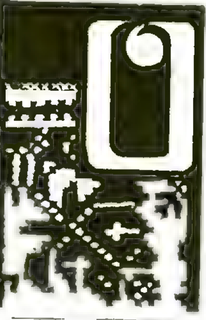
Любопытным свидетельством причудливого переплетения и сосуществования различных форм религиозных верований — христианских и дохристианских — служит, например, такое обращение к домовому: «Родной, приходи, дите сприими, в домовине укрепи! Господь, благослови новое чадо в доме видать. Во имя святой тройцы и Миколы Угодника и всех святых. Аминь»[3]. Самому крещению в домашнем быту сопутствовал обряд крестин, на которые собиралась большая группа сородичей. Непременными гостями были кум, кума и бабка-повитуха. Обычай крестин представлял совершенно отчетливый реликт древнеславянской семейно-родовой обрядности. Во многих местностях России известен обычай «крестинной каши» — обрядового блюда. Вкушение его всей семьей носило характер ритуальной трапезы. Повивальная бабка ставила на стол горшок с кашей (иногда ее приносили в шапке) и, обращаясь к кумовьям, произносила формулу-заклятие:

Бабушка подходит,
Кашку подносит,
На корысть, на радость,
На божью милость,
На толстыя одонья,
На высокие скирды,
Кашку на ложки,
Мальчику на ножки![4]

В конце трапезы обменивались подарками — кума одаривала кума платком, он ее — деньгами; деньги и подарки повивальной бабке и родильнице клали на горшок с кашей.

Часто во время крестин мужа «наказывали» за родильные муки жены — давали ему ложку каши, пересоленной или смешанной с горчицей, перцем, уксусом и т. п., которую он обязан был съесть. Повитуха приговаривала: «Как тебе было солоно, так и твоей жене было солоно рожать!»

Огромное значение придавали наречению имени ребенку. Многие народы верили в связь человека с его именем, в то, что хорошее имя может оградить новорожденного от несчастий, обеспечит ему счастливую судьбу. Нередко детям давали два имени — одно при рождении, другое — при крещении. Считалось также, что с помощью имени на новорожденного можно перенести качества других людей, даже умерших. Поэтому детям иногда давали имена умерших родственников.



бряды второго цикла связаны в основном с самим ритуалом. Это выбор крестных для совершения таинства, само крещение и крестины. Согласно каноническим установлениям всех христианских церквей, крестные, восприемники при крещении, — это лица, поручающиеся перед богом за веру крещаемого. Они должны знать христианское вероучение и учить ему крестника по ме-

[2] Б. А. Романов. Люди и нравы Древней Руси. Историко-бытовые очерки XI—XIII вв. М.—Л., 1966, стр. 182.

[3] Свящ. А. Соболев. Обряды и обычаи при рождении младенца и колыбельные песни Владимирской губернии. «Труды Владим. общества любителей естествознания», 1912, прилож. к т. 3., вып. 2, стр. 50.

[4] Д. И. Успенский. Родины и крестины, уход за родильницей и новорожденным (по материалам, собранным в Тульском, Веневском и Каширском уездах Тульской губернии). «Этнографическое обозрение». М., 1895, кн. XXVI, № 3, стр. 76.

ре вхождения его в возраст. Институт поручительства утвердился в христианстве приблизительно к V веку. По правилам церкви, для мальчика было достаточно пригласить одного восприемника, для девочки — одну восприемницу. Однако в народе широко практиковался обычай приглашать двух восприемников — кума и куму. Причем крестная мать играла далеко не равную, а второстепенную роль по сравнению с крестным отцом.

Главная роль на крестинах принадлежала не родному отцу новорожденного, который должен был держаться изолированно, а крестному отцу, куму. Более того, крестинами эта роль не ограничивалась, а продолжалась в течение всей жизни крестного отца и крестника. Особенно она возрастала во время свадьбы крестника. У многих народов восприемничество было делом наследственным, крестный отец крестил в одной семье всех детей.

Первоначальную роль крестного отца позволяют реконструировать исследования советского этнографа М. О. Косвена. Он установил, что крестный отец занял место широко популярного в родовом обществе материнского дяди. Как представитель рода матери дядя оказывал покровительство своему племяннику. Родной же отец в материнско-родовой общине принадлежал к другому роду. В различных русских местностях на свадьбе посажёный отец, которым обычно бывал крестный жениха, очень долго так и именовался — «дядька». При выборе невесты он в качестве свата играл иногда роль большую, чем родной отец.

Таким образом, **«кумовство...** — архаически — покровительство материнского рода, в частности покровительство материнского дяди своему племяннику»[5]. Так функции «материнского дяди» были использованы для роли восприемника, духовного отца ребенка.

В народе восприемниками выбирали обычно кого-то из родственников, уважаемых людей. Приглашение в крестные считалось честью, и отказ осуждался общественным мнением как грех. А в семьях, где дети часто умирали, иногда приглашали в кумовья первого встречного. Восприемничество было связано с определенными, иногда весьма значительными расходами. Одной из функций крестных была покупка подарков матери и ребенку: кум покупал крест, расплачивался со священником; кума приносила ребенку рубашечку, несколько аршин ситца или холста, а по истечении определенного срока — пояс.

Другой важной функцией крестных было участие в самом ритуале крещения. Как уже говорилось, православная церковь отводила этому таинству важнейшую роль. Со дня рождения ребенка она стремилась взять его под свой контроль и защиту, с тем «чтобы помочь родильнице и самому младенцу утешительными молитвами и разделить радость с матерью по случаю благополучного рождения»[6]. В этих молитвах священники просили бога об исцелении роженицы от болезней, даровании здоровья ее душе и телу, очищении от скверны, сохранении младенца от всякого зла и т. п.

Под влиянием христианства на Руси сложился обычай как можно скорее крестить новорожденного, чтобы дать ему имя и тем самым обеспечить покровительство ангела-хранителя. Среди крестьян ходили многочисленные рассказы о несчастной участи душ детей, умерших некрещеными и поэтому не имеющих покоя.

Так церковь направляла в нужное ей русло естественные человеческие потребности, которые раньше «обеспечивались» языческой магией, нейтрализовала первобытную веру в нечистую силу своими средствами — крестом и молитвой, наречением христианского имени, выбором крестных родителей.

аков, вкратце, круг бытовых обычаев, так или иначе взаимодействовавших с церковным ритуалом крещения и в результате составивших с ним единое целое. Каков же путь их трансформации в настоящее время? Что ушло, а что сохранилось сегодня? Каковы их функции, степень укоренения в быту?

Социологические исследования показывают: до сегодняшнего дня, преимущественно в женской среде, не изжиты до конца религиозно-магические приметы, относящиеся к первому периоду родильно-крестильного цикла. Так, в Каширском районе Московской области исследователи в 1976 году записали ряд примет, которые по своему содержанию близки к старым: «беременным нельзя ходить туда, где хоронят», «нельзя смотреть на кровь: на лице ребенка будут красные пятна», «нельзя вязать: ребенок может родиться с обвитой пуповиной» и т. п.

Некоторые старинные родильные поверья сохранялись вплоть до 30-х годов, главным образом в деревнях, где еще не было родильных домов. Старые женщины, рожавшие в деревнях с бабками-повитухами, вспоминали, что по указанию повитух прибегали к «магическим» средствам: снимали бусы, серьги, развязывали узлы на одежде и т. п. Крестная мать опоясывала ребенка поясом — для здоровья. Повитух после родов благодарили — на крестинах одаривали деньгами и подарками. Отголоски поверий о «нечистоте» роженицы и ребенка известны в сельской местности и женщинам среднего возраста, а иногда и молодым. Перед крещением (обычно не раньше, чем через шесть недель после родов) мать ребенка брала у священника очистительную молитву. Живы еще древние поверья о некрещеных детях, которых когда-то считали нечистыми и нарекали презрительным прозвищем «нехристь». Приходится слышать притчи о несчастной участи — «на том свете» — некрещеных детей: умерший-де некрещеным младенец будет «лежать поверх земли, как солома», «сидеть в темноте», «являться во сне родителям, плакать и укорять их за то, что они не окрестили его и поэтому он не может попасть в рай». Носители этих поверий — преимущественно пожилые женщины.

Большинство современных женщин относятся к подобным разговорам недоверчиво, но порой, когда у кого-то ребенок заболевает, в памяти всплывает услышанное когда-то и оказывает влия-

---

[5] М. О. Косвен. Кто такой крестный отец? «Советская этнография», 1963, № 3, стр. 107.

[6] Свящ. Л. Марсальский. Объяснения святых таинств и церковных треб в форме народных поучений. СПб., 1892, стр. 6—7.

ние на психологический настрой и поведение. Иногда крестившие ребенка молодые родители «оправдываются»: до крещения, мол, ребенок был беспокойным, чаще болел, а как окрестили — успокоился. Такие люди отдают при этом должное медицине, крещению же отводят роль своего рода страховки жизни и здоровья новорожденного.

В обыденном сознании части пожилых людей и сейчас бытует консервативное отношение к этому ритуалу как установленному исстари, отступить от которого, мол, никак нельзя. Весьма традиционны формулировки: «это не нами заведено», «так положено, идет из рода в род», «это ведется исстари веков» и т. д.

Один из каналов, по которым идет передача семейных религиозно-бытовых традиций, — семейные праздники. В них ведущая роль принадлежит старшему поколению, стремящемуся сохранить здесь традицию, устоявшиеся обрядовые элементы. Это в полной мере относится и к крещению. Через различные подготовительные действия, предшествующие крещению, молодежь знакомится с некоторыми религиозными идеями, представлениями, стереотипами религиозно-бытового поведения, втягивается в атмосферу религиозного настроя. Так, старшее поколение, сохраняющее в сознании запас традиционных установок, в ряде жизненных ситуаций оказывает воздействие на молодых людей с неустоявшимися, несложившимися взглядами. В свою очередь и молодежь порой проявляет мировоззренческую индифферентность, не имеет в этих вопросах собственного мнения и подчиняется желанию, совету пожилых родственников.

В связи с обрядом крещения продолжает довольно устойчиво держаться на селе кумовство. Оно все еще остается одной из форм установления и укрепления родственных связей. В крестные зовут главным образом родных — брата или сестру родителей ребенка, причем кумой предпочитают иметь женщину, которая крестила первым мальчика, а у кума первой крестницей должна быть девочка.

Однако теперь намечаются тенденции к расширению светских функций нареченных родителей, в частности опекунства. На них также нередко возлагается ответственность за воспитание ребенка. Обязательно их присутствие на свадьбе, на проводах в армию. Религиозные же функции крестных — как главных действующих лиц в таинстве крещения, а затем воспитателей в религиозном духе — все более теряют смысл. Ведь сегодня крестные — в основном молодые люди, которые в большинстве своем не имеют представления о религиозном содержании ритуала. Даже нательный крест, данный младенцу при крещении, родители в большинстве случаев либо вешают над постелью ребенка, либо хранят в коробочке.

В настоящее время древние обычаи, связанные с рождением ребенка, монополизированные в далекие времена церковью, все более освобождаются от религиозной оболочки, приобретают обновленное содержание. Праздник в честь рождения нового человека превращается в обычай семейно-родственного общения с участием друзей. На крестинах бывает праздничное угощение. Из старых обычаев в некоторых местностях сохранился лишь шуточный — заставить отца съесть ложку пересоленной каши, что вызывает всеобщее веселье.

Утрата большинства древних обрядовых черт, а также религиозного содержания создает основу для полного превращения крестин в безрелигиозный семейный праздник. Однако это процесс весьма сложный, противоречивый и помогать его развитию должно атеистическое воспитание.

ЧИТАТЕЛЬ СООБЩАЕТ, СОВЕТУЕТ, СПРАШИВАЕТ

Я ПОСТОЯННО ЧИТАЮ ЖУРНАЛ И ВИЖУ, ЧТО ВЫ УДЕЛЯЕТЕ МНОГО ВНИМАНИЯ НОВЫМ СОВЕТСКИМ ОБРЯДАМ. ХОЧУ ПО ЭТОМУ ПОВОДУ ВЫСКАЗАТЬ СВОЕ МНЕНИЕ: РАЗРАБАТЫВАТЬ-ТО ИХ РАЗРАБАТЫВАЮТ, ДА ТОЛЬКО НЕ ВСЕГДА ОНИ ПРИЖИВАЮТСЯ. ПОМНЮ, Я В ДЕТСТВЕ УПОРНО ПЫТАЛСЯ ПРИВИТЬ ЗЕЛЕНЫЕ ВЕТОЧКИ ОТ ОДНОГО ДЕРЕВА К ДРУГОМУ, ДА НИЧЕГО НЕ ПОЛУЧАЛОСЬ, ТАК КАК ДЕЛАТЬ ЭТО НАДО УМЕЮЧИ. И С НОВЫМИ ОБРЯДАМИ ИНОГДА ПРОИСХОДИТ НЕЧТО ПОДОБНОЕ. И ГЛАВНАЯ БЕДА, МНЕ КАЖЕТСЯ, В ТОМ, ЧТО ЛЮДИ, КОТОРЫЕ ЭТИМ ДЕЛОМ ЗАНИМАЮТСЯ, НЕ УЧИТЫВАЮТ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ, ТРАДИЦИЙ, СЛОЖИВШИХСЯ В ТОМ ИЛИ ИНОМ МЕСТЕ. НОВЫЕ ОБРЯДЫ ЧАСТО НОСЯТ СЛИШКОМ ОБЩИЙ, Я БЫ СКАЗАЛ, «КАНЦЕЛЯРСКИЙ» ХАРАКТЕР.

Я ДУМАЮ, ЦЕРКОВЬ ТЕМ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНА, ЧТО ВО ВРЕМЯ БОГОСЛУЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕК ЧУВСТВУЕТ СЕБЯ ВОЗВЫШЕННО, В ХРАМЕ НИЧТО НЕ НАПОМИНАЕТ ЕМУ О ЖИТЕЙСКОМ — НИ ЗАВИСТЬ, НИ МАТЕРИАЛЬНЫЕ СООБРАЖЕНИЯ. В ЭТОМ, ПОЖАЛУЙ, БОЛЬШОЙ КОЗЫРЬ РЕЛИГИИ.

И ЕЩЕ. ВЫ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА ЧАСТО СЕТУЕТЕ, ЧТО У НАС НЕ СЛОЖИЛСЯ ГРАЖДАНСКИЙ ТРАУРНЫЙ ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД. ПОЖАЛУЙ, ЧТО И НЕ СЛОЖИТСЯ! МЫ ВСЕ СТАРАЕМСЯ ОТОГНАТЬ ОТ СЕБЯ МЫСЛИ О ПЕЧАЛЬНОМ. ВОТ И ПОЛУЧАЕТСЯ, ЧТО ЦЕРКОВЬ ИСПОЛЬЗУЕТ ВСЮ ГАММУ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЧУВСТВ, ОТ ТОСКИ ДО РАДОСТИ, А МЫ ПРИЗНАЕМ ТОЛЬКО СЛАДКОЕ, НЕ НАДО НАМ НИ СОЛЕНОГО, НИ ГОРЬКОГО, НИ КИСЛОГО. А ВЕДЬ ПРАВИЛЬНО ГОВОРЯТ — НЕ ПОЗНАВШИ ГОРЬКОГО, НЕ ПОЗНАЕШЬ СЛАДКОГО!

А. ИГНАТЕНКО
Приморский край

Уважаемый товарищ Игнатенко!

С большим интересом прочли Ваше письмо. Действительно, не всегда и не везде еще новые обряды, ритуалы становятся органической частью нашего образа жизни. И виноват в этом, как вы совершенно правильно заметили, «канцелярский», то есть чисто формальный характер этих мероприятий, что, действительно, мешает учитывать особое состояние людей, участвующих в новом обряде, национальные обычаи, народные традиции того места, где происходит дело.

И тем не менее, несмотря на трудности и неудачи, разрабатывать и внедрять такие обряды необходимо, и не только для того, чтобы «вытеснить» религиозные. Согласитесь, каждый человек стремится торжественно и необычно отметить выдающиеся события в своей жизни — вступление в брак, рождение ребенка, совершеннолетие сына или дочери...

Эту глубоко психологическую потребность надо удовлетворять. Сейчас трудно сказать, во что выльются в дальнейшем создаваемые ныне ритуалы. Может быть, что-то не выдержит испытания временем, а что-то останется, жизнь отберет устойчивое, эстетически ценное, органически вобравшее в себя все лучшее, что было создано в прошлом. Этим путем, видимо, и будут формироваться новые советские обряды. Но чтобы создалась устойчивая традиция, нужно время.

Хотим с вами и поспорить. Нам кажется, что вы сильно идеализируете практику церкви, в частности, православной, когда пишете, что все участники религиозного обряда во время богослужения чувствуют себя «возвышенно», свободны от зависти и материальных соображений. Это не так. Даже места в храме по неписанному закону испокон веков распределялись вполне определенно: впереди стояли власть имущие, богатые, а бедные теснились сзади. Да и пышное убранство церкви, иконы в дорогих окладах, изображенные на них евангельские персонажи в золоте и каменьях — противореча самим евангельским сюжетам — прямо напоминали пришедшим в церковь о земных противоречиях между бедностью и богатством.

«СПАСИТЕЛЬНАЯ» МИССИЯ ДЗЕН

М. ПОПОВА, кандидат философских наук

ДЗЕН МОНАСТЫРСКИЙ И МИРСКОЙ

Как и всякое живое, исторически развивающееся явление, дзен-буддизм внутренне неоднороден. Существует дзен китайский и японский, средневековый и современный, монастырский и мирской, дзен поэтов и самураев, философов и простолюдинов. Их сопоставительный анализ — задача специального исследования. Мы же остановимся на двух наиболее важных его модификациях: монастырской и мирской.

Монастырь был и остается основной формой существования и воспроизводства дзен-буддизма. В жизни монашеской общины, мало изменившейся на протяжении веков, наиболее полно и последовательно воплощены вероучительные, культово-ритуалистические, дисциплинарно-практические и организационные принципы дзен-буддизма.

Хотя централизованная система управления храмами и монастырями существует лишь у школы сото, монашеская община — это организация строго иерархическая, с жестким подчинением младших старшим, учеников наставникам. Все функции в ней строго дифференцированы. В каждой общине есть свои управляющие, наставники, церемониймейстеры, пономари, повара и т. д. В общинах царит строжайшая дисциплина и железный порядок. Все отношения и действия ее членов, вплоть до жестов, строго регламентированы. Внешне дзенский монастырь мало отличается от буддистских культовых зданий — та же планировка и архитектура, изображения Будды снаружи, картины и свитки с буддистскими изречениями внутри. Главное помещение монастыря — зал медитации, служащий одновременно и спальней. Здесь на невысоких помостах, вытянувшихся вдоль зала, лежат циновки, на которых днем монахи упражняются в созерцании, а ночью спят.

Жизнь монастыря начинается обычно в 3 часа утра. Завтракают затемно, обедают в 10 утра, ужинают в 4 часа пополудни, причем употребляется лишь растительная пища: рис, ячмень, соевые бобы и овощи. Раздача и прием пищи обставлены сложным ритуалом и сопровождаются множеством действий, имеющих символический смысл. Пока расставляются тарелки и разносится еда, монахи хором читают соответствующую сутру, затем предаются размышлениям о еде и сущности буддизма[1]. Потом со словами: «О, вы, демоны и духи, я преподношу вам это, и пусть этой пищи станет так много, чтобы накормить всех демонов и духов во всех десяти частях света» — каждый кладет на стол семь зерен риса. Во время трапезы царит тишина. По окончании, собирая остатки пищи, монахи вновь обращаются к духам, предлагая им насытиться и не творить более зла.

После завтрака все приступают к работе: уборке помещений и монастырского двора, обработке принадлежащей монастырю земли, заготовке дров, сбору подаяния и т. д. Физический труд — неотъемлемая часть монастырского быта, одно из уставных требований которого гласит: «День без работы — день без еды».

Распорядок дня включает в себя также обязательные упражнения в медитации и собеседования с наставником, сопровождаемые, как и все прочие предусмотренные монастырским уставом действия, своеобразным ритуалом.

В 9 часов вечера жизнь монастыря замирает, но наиболее усердные продолжают упражняться в созерцании и ночью, устроившись где-нибудь на террасе или в саду.

Этот распорядок несколько меняется в периоды интенсивных духовных упражнений (сессин), проводящихся ежемесячно в течение 7—8 дней. В эти периоды монахи раньше встают и позже ложатся, трапезы становятся еще более скудными. Всякая работа, за исключением необходимой, прекращается. Все это время монахи, по существу, не покидают зала медитации. Перед началом духовных упражнений они хором читают сутру, состоящую из набора санскритских магических заклинаний. Трехкратное чтение сутры, сопровождаемое ударами деревянного метронома, должно обеспечить покровительство высших сил и создать у учеников определенный психический настрой. После этого следует хоровое чтение какой-нибудь классической проповеди или пение гимна, прославляющего путь просветления. Затем наставник читает лекцию, в основе которой обычно лежит пример из дзенской практики, проповедь или высказывание одного из патриархов. После лекции монахи трижды повторяют «Четыре великие клятвы»[2] и приступают к дзадзену — упражнениям в созерцании.

В период сессина сеансы созерцания длятся по 17—18 часов в сутки. Монахи сидят в позе лотоса, расслабившись и полуприкрыв глаза. Их цель — достичь высокой степени сосредоточения, утратить ощущение собственного «Я» и погрузиться в абсолютное «безмыслие», уподобившись таким образом Пустоте и Абсолюту. За учениками наблюдает монах, прохаживающийся по залу и плоской бамбуковой палкой бьющий по спинам утомившихся, отвлекающихся или недостаточно усердных. «Причем битье, — отмечает профессор Верблоски, — отнюдь не символический акт, а весьма болезненная экзекуция... Когда я закончил первый период так называемых духовных упражнений — восьмидневный сессин — моя спина была черно-сине-зеленой».

Побои вообще занимают большое место в монастырской практике. Если наставник видит, что ученик упорно цепляется за рассудочное знание, за абстрактно-логическое мышление, он может без церемоний ударить, ущипнуть и даже основательно поколотить ученика. Дзенская литература изобилует историями о том, как пинок, затрещина и тому подобные способы «духовного наставления» служили «толчком к внезапному прозрению».

Прохождение дзенской премудрости в монастыре занимает в среднем 10—12 лет. Пройдя необходимый тренинг, человек может возвратиться в мир, чтобы нести ему «свет истины» и «облегчать людские страдания». Не вырывая своего мирского последователя из круга обыденных дел и обязанностей, дзен поддерживает в нем особое отстраненное отношение к происходящему, помогающее со стоической мудростью переносить житейские невзгоды. Этому наряду с системой дисциплинарных ограничений и ежедневных духовных упражнений способствует также этическая проповедь дзен, впитавшая многие элементы буддистской и конфуцианской морали. Она предписывает непротивле-

Окончание. Начало см. в № 11.

---

[1] «Пять размышлений о еде» звучат следующим образом 1) Чего я стою? Откуда это подношение? 2) Принимая это подношение, я должен размышлять о несовершенстве моей добродетели. 3) Очень важно следить за своим собственным сердцем, не допускать в себе таких недостатков, как жадность и проч. 4) Эта пища принимается как лекарство для того, чтобы поддерживать в теле здоровье. 5) Эта пища принимается и для того, чтобы обеспечить духовные достижения. Размышления о сущности буддизма формулируются так: «Первая ложка способствует искоренению всякого зла, вторая — помогает творить всякое добро, третья — спасти каждое живое существо, чтобы каждый в конце концов стал буддой».

[2] «Сколь бы ни были многочисленны живые существа, я клянусь их всех спасти; сколь бы ни были неистощимы дурные страсти, я клянусь их все искоренить; сколь бы ни были непостижимы священные доктрины, я клянусь их все изучить; как бы ни был труден путь будд, я клянусь достичь на нем совершенства».

ние злу и милосердие ко всему живому, умение довольствоваться малым и находить прекрасное в обыденном. Она прививает человеку уважение к существующим порядкам и верность долгу, безропотное перенесение страданий и спокойное отношение к смерти.

ПУТЬ ДУХОВНОГО ЭСКАПИЗМА

Реальная практика функционирования дзен-буддизма решительно опровергает расхожие представления о том, что «дзен выступает за абсолютную свободу», что он «отвергает условности, ритуализм, институционализм, то есть все, что связывает и ограничивает». В действительности дзен не существует вне связи с определенной историко-культурной традицией, вне специфических вероучительных и организационно-культовых рамок, он немыслим без суровой аскезы и жестокой самодисциплины, без многолетней тренировки и строгого контроля опытного наставника. Эта религия, как мы видим, не имеет ничего общего ни с мировоззренческими метаниями творческой интеллигенции, ни с эскапистскими настроениями обывателей, ни с подогретыми наркотиками мистическими трансами «бунтующей молодежи». Как заметил известный американский психолог А. Маслоу, в основе западного интереса к дзен-буддизму часто лежит «полнейшая причуда, культотворчество, некритическая и эгоистическая экзальтация, ставка на импульсивность, которую путают со спонтанностью, произвольный каприз, повышенная эмоциональность, лишенный сомнений энтузиазм и, наконец, созерцание собственного пупка и солипсизм». В самом деле, многочисленные западные модификации дзен являются произвольной попыткой вырвать из целостной системы какой-то один аспект, нисколько не заботясь о том, как эта система в действительности функционирует.

К сожалению, эта тенденция нередко проникает и в научную литературу. Не обнаружив в учении дзен-буддизма привычных представлений о боге и личном бессмертии, равно как и связанной с ними обрядовой практики, некоторые исследователи склонны квалифицировать его то как философскую систему, то как эстетическую доктрину, то как этическую программу, то как универсальное искусство жизни. Дзен, действительно, не знает трансцендентного миру антропоморфного бога, личное бессмертие не почитается в нем благом, культовые предписания и ритуалы не играют решающей роли в деле спасения. Однако это не значит, что ему не свойственна характерная для религии идея сверхъестественного и связанная с ней иллюзорно-практическая деятельность.

Отличие дзен-буддизма от традиционных для Запада форм религии состоит не в отсутствии идеи сверхъестественного, а в специфическом, мистико-пантеистическом ее выражении, не в отказе от культовой практики, а в акценте на внутреннюю духовную практику, не в отрицании догмы, канона, традиции (бунт против догмы и традиции приобрел характер новой, строго упорядоченной традиции), а в более гибком, разнообразном, часто художественном их воплощении.

По своей природе, по способам решения основных мировоззренческих вопросов, по выполняемым в обществе функциям дзен-буддизм принципиально ничем не отличается от любой другой религии.

Как и всякая религия, он исходит из противопоставления двух миров: скрытого — подлинного и явного — неподлинного — и утверждает примат первого над последним. Тот факт, что сверхъестественное начало, составляющее основу бытия, выступает не в привычной для теистических религий персонифицированной форме, существа дела не меняет [3]. Вступление в контакт со сверхъестественным в моменты так называемого просветления, строгое соблюдение дисциплинарных и ритуальных предписаний, включая молитвы, магические заклинания и даже жертвоприношения, — все это характеризует дзен как типично религиозное, хотя и не лишенное известного своеобразия, явление.

Как и всякая религия, дзен, пользуясь выражением Судзуки, «противостоит всему, что имеет хождение под именем науки и научного». Согласно его учению, истинный, просветленный дух подобен пустоте, поэтому подлинная мудрость состоит не в накоплении знаний, а в максимально полном очищении сознания от всякого знания. И дело здесь не только в том, что рациональным методам познания дзен противопоставляет мистическую интуицию. Рассматривая чувственно воспринимаемый мир как эманацию Абсолюта, как нечто, не обладающее самостоятельным реальным бытием, он отрицает существование самого объекта познания. В этом смысле показателен эпизод, происшедший на одной из лекций Судзуки в Токио. После того, как он изложил учение о Пустоте, Ничто, Нирване, взволнованный голос из зала спросил: «Но, доктор Судзуки, а как же насчет других людей?», на что Судзуки после минутного молчания с улыбкой ответил: «А других не существует». Провозглашая призрачность окружающего мира и бесполезность любых познавательных усилий, дзен тем самым в принципе исключает возможность рационального разрешения людьми стоящих перед ними проблем.

Как и всякая религия, дзен выдвигает свой «путь спасения». Однако избавление от страданий он связывает не с преобразованием окружающей действительности (активность, деловитость рассматриваются им как антиподы мудрости), не с улучшением условий жизни людей, а с радикальной перестройкой их мировоззрения и мирочувствования.

Акцент на духовное манипулирование в противовес социально-преобразовательной деятельности отражает характерный для многих восточных религий пессимизм, неверие в возможность устроения земного счастья. Бессилие в социально-практической сфере неизбежно рождает попытки подчинить себе единственно доступную их управлению область — свой внутренний мир, направляя главные усилия не на изменение реальной действительности, а на переосмысление своего отношения к ней.

Дзен начинают изучать все больше иностранцев.

В дзен-буддизме этот механизм духовного манипулирования реализуется с помощью вероучительных и дисциплинарно-практических средств. Измученному борьбой за существование человеку дзен внушает: не существует ни того, что мучает, ни того, кто мучается, и то и другое — иллюзия сознания, которую следует искоренить, дабы положить конец страданиям. Для этого применяется особая психотехника, помогающая человеку выработать бесстрастие и безмятежность духа перед лицом многочисленных превратностей жизни. Правда, душевный покой оплачивается дорогой ценой — за счет утраты человеком своего «Я», за счет отказа от желаний и привязанностей. Собственно, «просветление» — это и есть освобождение сознания от какого-либо эмоционально окрашенного индивидуализированного отношения к себе самому и к окружающему миру. Смысл этого состояния очень точно выразил Судзуки, указавший, что для человека, достигшего просветления, «все проблемы повседневной жизни теряют свой смысл,

---

[3] Заметим, кстати, что в современной христианской философии и теологии все отчетливее проступает тенденция замены ортодоксально-теистических представлений представлениями пантеистического или панентеистического характера. Идея «личного» бога, трансцендентного миру и человеку, все чаще отодвигается на задний план, уступая место богу имманентному, то есть «богу внутри нас». Именно это и позволило авангардистски настроенным теологам ставить вопрос о возможности синтеза христианства и буддизма

свое значение, подобно тому, как при пробуждении проблемы, волновавшие нас во сне, даже если они остались нерешенными, кажутся нам не более чем иллюзией». То есть, по существу, дзен предлагает своим приверженцам типичный для религии путь духовного эскапизма, весьма созвучный христианскому требованию «жить в мире, но быть не от мира сего».

МЕХАНИЗМ ДОСТИЖЕНИЯ САТОРИ

Не отрицая своеобразия психотехники дзен-буддизма, нельзя не заметить ее принципиального сходства с практикой западного мистицизма. Мы уже говорили, что достижению сатори обычно предшествует длительная подготовка, включающая в качестве обязательных условий аскетический образ жизни, суровую дисциплину, строгое самоограничение и т. д. Аналогичные приемы (длительная изоляция, ограничение пищи и сна, половое воздержание, бичевание и самобичевание, многочасовое пребывание в фиксированной позе, сосредоточение внимания на одном объекте или мысли) широко применялись христианскими мистиками, готовящими себя к восприятию «божественного откровения». Даже описания мистического опыта и сатори во многом сходны. Они обычно сопровождаются утратой пространственно-временных связей, зрительными и слуховыми галлюцинациями, эмоциональным взрывом, разрешающимся в слезах, неуправляемых моторных реакциях, обморочных состояниях.

Вот как описывает свои ощущения во время интенсивных духовных упражнений в одном из японских монастырей американский психолог Джек Хубер. Участники сессина сидят в позе лотоса лицом к стене, закрыв или полузакрыв глаза, и шепотом считают на выдохе до трех, растягивая последнюю гласную и вслушиваясь в ее звучание: «хи-то--тзу-у», «ху-то-тзу-у-у», «ми-ит-тзу-у-у-у». Это упражнение (вдох, выдох, вслушивание в звук) продолжается весь день с небольшими перерывами на еду и беседы с наставником. Этот день, как отмечает Хубер, прошел в борьбе с муками голода, сонливостью, усталостью и раздражением. На второй день счет был заменен одним слогом: «му-у у-у» (по-японски — ничто), произносимым до полного выдоха. Дыхание стало реже, перестали восприниматься посторонние звуки, появилось ощущение легкости в теле, затем оно стало разрастаться, заполняя все пространство. Третий день — «му» произносится без заданного ритма во весь голос. Интерес к окружающему полностью утрачен, расхотелось с кем-либо разговаривать. Четвертый день — «му» усиливается до кресчендо и сопровождается напряжением мышц верхней части тела. Возникло ощущение парения над полом. Пятый день — то же упражнение с резким обрывом звука в верхней точке. Этот день оказался критическим. Хубер отмечает полное отсутствие мыслей и чувств, все внимание сконцентрировано на упражнении. Внезапно перед глазами возник белый экран, на котором замелькали несохранившиеся в памяти лица и вещи. Затем последовал эмоциональный взрыв. Эйфорическое состояние радости и подъема сопровождалось неукротимыми потоками слез, перешедших затем в тихое рыдание. Возникло ощущение чего-то важного и значительного, все вдруг стало ясным и простым.

Иногда молчание неожиданно нарушается ударом кейсаку.

Отчет Хубера прекрасно раскрывает механизм возникновения психического состояния, именуемого «просветлением». Его общефизиологической предпосылкой являются недоедание и недосыпание, которые ведут к нарушению обменных процессов, к повышению утомляемости, тормозимости нервных клеток. Многочасовое пребывание в фиксированной позе, ограничение внутренних и внешних раздражителей усиливают торможение в коре, подкорке и стволовых структурах мозга. Это состояние могло бы перейти в сон, если бы одновременно в коре головного мозга не создавался стойкий очаг возбуждения (доминанта), поддерживаемый ритмичным повторением одних и тех же звуков. Как обычно, вокруг очага возбуждения образуется зона повышенного торможения, препятствующая его распространению на другие отделы нервной системы. Причем по мере усиления возбуждения (переход от беззвучного счета к громкому мычанию, а затем к крику) усиливается и углубляется ограничивающее его торможение. В результате ослабляется восприимчивость к внешним воздействиям, утрачивается интерес к окружающему, замедляются движения, пропадает аппетит и т. д. Этот процесс продолжает прогрессировать: торможение теменно-затылочно-височных областей приводит к утрате чувства пространства и времени, торможение лобных долей способствует возникновению состояний сумеречного, «пустого» сознания, выключение фронтальных и медиобазальных областей ведет к исчезновению эмоций и желаний. Параллельно происходит нарастание возбуждения в доминанте, которое продолжается до тех пор, пока окружающее торможение может его сдерживать.

Наконец возможности торможения исчерпываются и возбуждение, сметая на своем пути все преграды, внезапно и быстро распространяется на все отделы мозга, вызывая необычный по силе эмоциональный взрыв (медленно затухающее возбуждение всей нервной системы). Возникает общая истерическая реакция — зрительные галлюцинации, эйфория, безудержные слезы, непроизвольные судорожные движения, сотрясающие тело рыдания и т. д. Этот момент субъективно переживается как необыкновенный подъем, как освобождение и обновление сознания, как внезапное проникновение в скрытую сущность вещей. Затем, когда возбуждение спадает, на фоне общей физической слабости возникает ощущение облегчения, ясности и покоя. Это объясняется не только общей разрядкой сверхсильного возбуждения, как это бывает у выплакавшегося человека, но и тем, что в заторможенных зонах, где собственная активность нейронов была слаба, нервные клетки успели освободиться от возникающих в процессе их функционирования продуктов распада.

При длительной тренировке необходимость в дыхательных и звуковых упражнениях отпадает. Но механизм достижения сатори остается тем же, просто доминанта образуется за счет целенаправленной концентрации внимания на идее Абсолюта. Затем благодаря внушению и самовнушению весь процесс начинает идти по «сокращенной» внутренней программе, причем у особо тренированных людей сатори может возникать почти мгновенно.

Здесь естественно возникает вопрос о познавательной и психотерапевтической ценности сатори, поскольку именно эти аспекты чаще всего становятся объектом апологетических спекуляций. Мы уже отмечали, что, хотя «просветление» субъективно воспринимается как приобщение к некой «высшей истине», эта истина таинственным образом испаряется, как только человек возвращается в свое обычное состояние. Не случайно в многословных и выспренных описаниях «озарений» как восточных, так и западных мистиков мы не найдем каких-либо идей или открытий, реально обогативших человечество, способствовавших углублению его представлений о мире, расширению его практических возможностей, совершенствованию общественных отношений и т. д. Связано это, однако, не с невыразимостью мистического опыта, как думают сами мистики, а с тем, что выражать им просто нечего. Отчеты

мистиков содержат информацию не о внешней объективной реальности, а о реальности внутренней, психической, то есть о пережитых в мистическом трансе состояниях сознания, сквозь призму которых они пытаются осмыслить имевшиеся ранее представления о боге и мире.

Анализ дзенской техники медитации показывает, что сатори — не познавательный акт, а род шоковой терапии, ведущей к основательной встряске сознания.

Значит ли это, что дзен полезен с психогигиенической точки зрения и может быть использован как эффективное средство психотерапии? В наши дни ведутся исследования, и вполне возможно, что отдельные элементы дзена войдут в медицинскую практику, как это уже произошло с некоторыми физическими упражнениями и гигиеническими рекомендациями йоги. Но уже сейчас ясно, что психотехника дзен, если ее очистить от метафизики и мистики, не содержит ничего такого, что не было бы известно или не могло бы быть объяснено с позиций научной психотерапии. Подобные механизмы внушения и самовнушения, приемы физической и психологической релаксации, способы концентрации внимания, средства очищения сознания от травмирующих переживаний и т. п. в наши дни все шире входят в научно обоснованную систему аутогенной тренировки и успешно используются в психиатрической практике. Однако дзен не заменяет и не может заменить научные методы лечения и профилактики разного рода психических затруднений. В отличие от аутотренинга, конечной целью дзенской психотехники является не укрепление психического здоровья, а погружение в состояние мистического единения с Абсолютом. Практикуемое дзен-буддизмом длительное и чрезмерное по силе экстатическое напряжение, ставка на аффективное, граничащее с патологией переживание ослабляюще действуют на нервную систему и могут привести к серьезным психическим травмам. Известно немало случаев, когда психика дзенских монахов не выдерживала сверхсильных нагрузок и духовные упражнения заканчивались умопомешательством. Не случайно устав предусматривает прием в общину лиц не моложе 19 лет, с обязательным прохождением кандидатами предварительных «испытаний на прочность» и ряд других дисциплинарно-ограничительных мер.

Отвлекая внимание людей от нерешенных проблем их повседневного существования, дзен, без сомнения, может ослабить конфликт человека с самим собой и окружающей его действительностью. Но столь же очевидно, что объективно дзен не способен ни изменить, ни улучшить реальное существование людей, ибо борьбу со злом и установление мировой гармонии он, как и всякая религия, переносит из области социальных отношений в субъективно-психологическую сферу. Практика же исторического развития показывает, что к царству духовной свободы ведет не бегство в себя, не мистическое самопогружение, а активная социально-преобразующая деятельность людей, направленная на создание реальных условий для полноценной духовной жизни каждого.

Так называется антология малых литературных форм, сложившихся в рамках религиозно-философского учения дзен-буддизма. Эта особая область японской литературы — короткие истории, притчи, загадки-коаны, диалоги-мондо, стихотворения в несколько строк — несомненно обладает всеми чертами народного творчества. Образцы этого своеобразного творчества мы предлагаем читателям, считая необходимым дать к ним некоторые комментарии.

Произведения эти создавались последователями дзен-буддизма и были призваны раскрывать его учение, тем не менее антология по сути своей — не религиозный, а историко-литературный памятник прошлых веков, памятник во многом интересной и своеобразной культуры, по-своему иллюстрирующий проблему «искусство и религия». Стремясь постичь истину теми путями, которые предписывал дзен, пытаясь рассказать об этих путях, дзенские учителя выходили из рамок системы и создавали нередко высокохудожественные образцы литературы, дающие отнюдь не иллюзорные, а глубоко реалистические представления о мире, даже если в них присутствовала религиозная символика, имя Будды и т. д. «Открой глаза на мир, откройся миру!» — таков один из призывов, которому следовали создатели дзенской литературы, и какое бы место в религиозной системе дзен ни занимала эта заповедь — ее вполне реалистический смысл сослужил их произведениям добрую службу.

Итак, перед вами образцы дзенской литературы, составляющей органическую часть японской литературы.

Нет надобности подробно комментировать каждый образец. Они говорят сами за себя. В них много здравого смысла, народного юмора, острой иронии, истинной поэзии. Это — часть мировой культуры.

Комментарий и переводы
С. СПИНАДЕЛЯ

Если глаза твои слышат,
А уши видят,
Без сомнения ты сохранишь в памяти,
Как естественно капли дождя стекают
С ив!

Весна пришла, мягко ветер веет,
Персиковые и абрикосовые деревья в
полном цвету.
Обильны росы осенними ночами,
Облетают павлонии листья...

Великий японский воин Нобунага решил атаковать в десять раз превосходящие силы противника. Он был уверен в победе, но солдаты сомневались.

По пути Нобунага остановился у синтоистского святилища и обратился к войску:

— Когда я выйду из храма, я кину монету. Выпадет орел — мы победим, выпадет решка — будем разбиты. Мы в руках судьбы!

Нобунага вошел в храм и совершил молчаливую молитву. Потом вышел и бросил монету. Выпал орел. Солдаты сражались с таким воодушевлением, что легко разбили врага.

— М-да, судьбы никому не избежать, — задумчиво произнес слуга великого воина после боя.

— Точно, — подтвердил Нобунага, показав монету, у которой с каждой стороны был орел.

Дзенский учитель Рёкан жил очень-очень бедно у подножия горы. Однажды вечером, когда его не было дома, к нему забрался вор. Но увидел, что нечего украсть. В этот момент Рёкан вернулся и застал вора. «Немало тебе пришлось пройти, чтобы навестить меня, — сказал Рёкан, — не следует возвращаться с пустыми руками. Вот, прими в дар хотя бы мою одежду».

Пораженный вор схватил одежду и убежал.

Рёкан сидел голый, созерцая луну. «Бедняга, — прошептал он, — если бы я мог подарить ему эту прекрасную луну...»

Один богатый человек попросил Сэнгая написать каллиграфию на долгое процветание семейства, чтобы потом передавать ее из поколения в поколение.

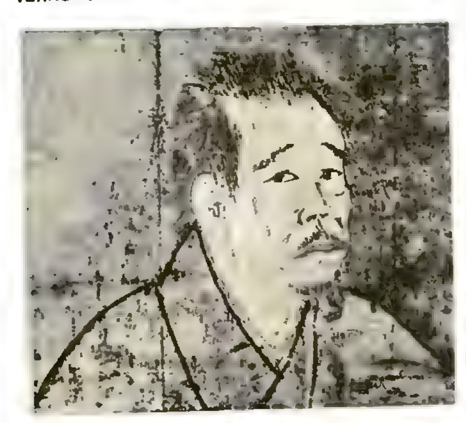
Художник Моккэй (XIII в.).
Тигр.
Триптих:
Мать — обезьяна.
Бодисатва.
Журавль.
(Выполнено тушью на шелке.)

Сэнгай взял большой лист бумаги и написал: «Отец умирает, сын умирает, внук умирает».

Богач рассердился:

— Что за шутки! Я ведь просил написать благословение.

— И не думал шутить, — объяснил Сэнгай. — Если сыну твоему суждено умереть раньше тебя, горе твое будет ужасно. А если раньше сына умрет внук, это сокрушит сердце вам обоим. Если же в семье твоей поколение за поколением будут умирать так, как я написал, — это естественный ход жизни. Вот что я называю настоящим процветанием.



Портрет великого дзенского поэта Инкю (конец XVII в.).
Дзенская каллиграфия, обозначающая одно из имен Будды.

Каллиграфия дзенского мастера Рёнана (1758—1830) — тема для созерцания. Гравировка по дереву.

Шли по грязной дороге два монаха, Тандзан и Экидо. Видят — у поворота прелестная девушка в шелковом кимоно никак не решится дорогу перейти.

— Иди-ка сюда, — сразу сказал Тандзан, взял ее на руки и перенес через грязь.

Весь путь до ночлега Тандзан и Экидо шли молча. Но поздним вечером, когда уже вошли в храм, Экидо не выдержал:

— Послушай, — сказал он Тандзану, — ведь нам, буддистским монахам, нельзя приближаться к женщинам, особенно если они юные и милые. Зачем же ты это сделал?

—Я оставил ее там, — сказал Тандзан. — А ты все несешь?

Весною — сотни цветов; осенью — полнолуние;
Летом — свежий ветерок; зимою снег тебя сопровождает.
Если бесполезные вещи не отягощают ум твой,
Хорошо любое время года.

Нан-ин, дзенский учитель, жил в Японии в эпоху Мэйдзи (1867—1912 гг.). Однажды пришел к нему профессор из университета, чтобы расспросить о дзен.

Нан-ин стал подавать чай. Он наполнил чашку чаем и продолжал наливать.

Профессор смотрел, как чай переливается через края, и наконец не выдержал: «Чашка ведь наполнена. В нее больше не входит!»

— Подобно этой чашке, — сказал Нан-ин, — вы полны собственными мнениями и предположениями. Я не смогу ничего показать вам, если вы не освободите чашку.

Воин Нобусигэ пришел к Хакуину и спросил: «Это правда, что есть рай и ад?»

— Кто ты? — спросил Хакуин.

— Я самурай.

— Ты солдат! — воскликнул Хакуин. — Какой правитель возьмет тебя в охрану, если у тебя рожа нищего попрошайки?

Нобусигэ рассвирепел и схватился за меч.

Портрет Бодхидхармы — основателя дзен-буддизма, выполнен Миямото Мусаси, знаменитым в Японии фехтовальщиком (начало XVII в.).

— Ах, так у тебя и меч есть, — продолжал Хакуин, — и, наверное, слишком тупой, чтобы отрубить мне голову.

Тут воин выхватил меч, а Хакуин заметил: «Вот открылись врата ада».

При этих словах самурай понял учение мастера, спрятал меч и поклонился.

— Вот открылись врата рая, — сказал Хакуин.

М. НОВИКОВ,
доктор философских наук, профессор

З. ТРОФИМОВА,
кандидат философских наук

Не первый год буржуазная печать, радио, телевидение твердят о том, будто Советское государство нарушает права своих граждан, игнорируя тем самым и принципы Заключительного акта Хельсинкского совещания, и Конституцию СССР. В качестве «неопровержимых доказательств» используются старые и новые мифы о преследовании верующих за их религиозные убеждения, о запрещении деятельности религиозных организаций, о гонениях на священнослужителей и т. п. В первом номере начавшего выходить в конце прошлого года в США журнала «Православный наблюдатель» нарисована чуть ли не апокалиптическая картина «насильственного искоренения религии в СССР».

Возникает естественный вопрос: зачем буржуазной пропаганде понадобился столь тенденциозный подход к освещению положения религии, церкви и верующих в СССР? Ведь советологи прекрасно знают, что Советская Конституция гарантирует всем без исключения гражданам подлинную свободу совести, то есть юридическое и моральное право иметь любые убеждения — атеистические или религиозные, а атеистическая пропаганда всецело сориентирована на формирование научно-материалистического мировоззрения.

Общеизвестен также принцип отношения социалистического общества к каждому из своих граждан, который базируется отнюдь не на мировоззренческих мотивах. Если члены общества честным трудом, соблюдением социалистических правовых и нравственных требований помогают реализации программы коммунистического строительства,— они уважаемые люди, полноправные граждане своей страны, пользующиеся всеми ее благами и преимуществами, независимо от того, верующие они или атеисты.

Но истинное положение дел буржуазные средства массовой информации предпочитают не отражать. Вместо этого преподносятся сенсации «о доселе неизвестных Западу репрессиях против религии в Советском Союзе», «о массовом закрытии молитвенных домов», «о лишении родительских прав за обучение детей религии».

Поднимаются на щит и изображаются чуть ли не общечеловеческой трагедией антиобщественные, уголовно наказуемые деяния лиц, которых якобы привлекли к ответственности не за совершенные преступления, а за религиозные убеждения. При этом подробно рассказывается о набожности уголовника и ни слова о совершенном им преступлении. Такая информация, естественно, создает извращенное представление о нашей стране, подчинена стремлению очернить социализм, исказить его сущность, приукрасить капиталистическую действительность.

Особую активность в фальсификации положения религии в СССР проявляют зарубежные «центры» — такие, как «Крестон колледж» в Англии, «Вера в странах второго мира» в Швейцарии, «Межакадемический институт для миссиологических и экуменических научных исследований» в Голландии, «Центр научного изучения религии» в Чикаго, «Центр по изучению религии и коммунизма» при Калифорнийском университете, «Институт по изучению СССР и славянских стран» при Канзасском университете и десятки других.

В распространяемой ими информации, как правило, используется «эффект присутствия». Иллюзия правдоподобия достигается ссылками на «свидетельства» очевидцев: туристов, членов различных делегаций, диссидентов, которые якобы наблюдали те или иные факты. При этом тенденциозное сообщение диссидента-одиночки или какое-либо письмо антисоветской ориентации немедленно превращается в «убедительный факт нарушения органами элементарных гражданских прав», в свидетельство того, что «так думают все верующие СССР». Правдивые же сообщения, в том числе и крупных религиозных деятелей, посетивших Советский Союз, не привлекают внимания советологов. Ведь в них выражается мнение непредубежденных людей о том, что именно социализм обеспечивает гражданам подлинные свободу, равенство, строгое соблюдение гарантированных Конституцией прав.

Однако в последнее время многим на Западе стало ясно, что предлагаемая их вниманию фальсифицированная информация извращает реальное положение дел, что кампания «борьбы за права человека» не способствует разрядке международной напря-

женности. Поэтому в качестве нового средства дискредитации социалистического общества «центры» по изучению религиозной обстановки в СССР взялись за область национальных отношений. Беззастенчиво спекулируя на специфических условиях развития того или иного народа, советологи пытаются изобразить дело так, будто диссидентами в Советском Союзе являются уже целые нации и народности.

Так, профессор Чикагского университета В. Маркус в статье с характерным названием «Угнетенная церковь: украинские католики в Советском Союзе» объявляет для начала всех украинцев униатами, затем говорит о преследовании униатов (читай — украинцев) и в конечном счете делает вывод о нарушении прав человека, так как, с его точки зрения, борьба с униатством равнозначна политике русификации народов СССР.

Профессору вторит некий Г. Симон — один из авторов вышедшей в США книги «Религия и атеизм в СССР и Восточной Европе». Он призывает шире использовать свое религиозное наследие (читай — униатство) для борьбы «за достижение демократии», «в защиту человеческих прав». И ни тот, ни другой, конечно же, ни словом не обмолвились о том, что униатство давно ушло в прошлое и униатов как таковых на Украине практически нет.

Новому идеологическому и психологическому наступлению, предпринятому империалистической пропагандой против реального социализма, придается не только псевдофактологическая, но и псевдотеоретическая обоснованность и солидность. Так, утверждается, будто ограничение в СССР свободы совести определяется самой марксистской трактовкой свободы совести. В подтверждение этого тезиса, например, автор трактата «Новая Советская Конституция», опубликованного в издаваемом в США журнале «Проблемы коммунизма» (1977, сентябрь — октябрь), Р. Шарлет выхватывает отдельные фразы из различных произведений В. И. Ленина и, весьма тенденциозно интерпретируя на этой основе статью 52 Конституции СССР, настаивает даже на изменении и самой Конституции и Устава КПСС. Р. Шарлет считает необходимым в «текст Конституции ввести предложение о возможности в принципе религии при коммунизме», а из Устава КПСС исключить требование об обязанности члена партии бороться с религиозными предрассудками.

Кроме того, буржуазным пропагандистам хотелось бы, чтобы в школах и вузах преподавался закон божий. Это, с их точки зрения, было бы свидетельством истинной свободы совести. А поскольку-де в учебных заведениях проводится атеистическое воспитание, ни о какой свободе не может быть и речи.

Да, империалистическая пропаганда подлинной признает только буржуазную трактовку свободы совести — как неограниченную свободу религии и ограничение атеистического воспитания. Но для обеспечения подлинной свободы совести должны быть созданы правовые, политические и идеологические условия, позволяющие человеку сознательно определять свое отношение к религии. Для этого необходимы рост культуры, образования, светская школа, распространение научных знаний. Подлинная свобода совести именно предполагает пропаганду атеизма, формирование атеистической убежденности.

В буржуазной пропаганде, как известно, сегодня в моде ренегаты от марксизма. Современные ревизионисты, дабы придать своим выступлениям «убедительность», критикуют азы марксизма. Особенно в почете у них спор с Энгельсовым определением религии как фантастического отражения в сознании людей господствующих над ними земных сил, которые при этом принимают форму сил неземных[1]. С их точки зрения, Энгельс не разглядел «огромную преобразующую роль» религии. Это, мол, вызывает необходимость пересмотреть вообще марксистское понимание религии, а значит, и марксистскую трактовку свободы совести. На этом же основании вся политика Советского государства по отношению к религии и церкви объявляется нуждающейся в пересмотре, поскольку опирается якобы на «архаичные традиции».

Империализм страшат невиданные в истории масштабы и темпы развития социалистического общества, рост благосостояния и культуры, ставшие очевидными для всех эксплуатируемых и обездоленных. Именно поэтому, спекулируя на религиозных чувствах, на фальсификации советской действительности, «свободная пресса» доходит даже до того, что объявляет верующих и атеистов в СССР двумя враждующими классами, политическими противниками, установившими между собой отношения по принципу господства и подчинения. В. И. Ленин еще более 70 лет назад писал: «Реакционная буржуазия везде заботилась и у нас начинает теперь заботиться о том, чтобы разжечь религиозную вражду, чтобы отвлечь в эту сторону внимание масс от действительно важных и коренных экономических и политических вопросов...»[2] Именно это стремление — отвлечь внимание от коренных проблем современности, особенно от тех, которые непосредственно вытекают из сущности капиталистической системы эксплуатации и порабощения человека человеком, — лежит в основе беспрецедентных спекуляций буржуазной пропагандистской машины на положении церкви, верующих и духовенства в Советском Союзе и других социалистических странах.

Таким образом, отвергая и фальсифицируя марксистско-ленинское понимание свободы совести, империалистическая пропаганда утверждает прямо противоположные принципы в религиозном вопросе. Для нее свобода совести не означает ничего иного, кроме свободы религиозной пропаганды, свободы выбора решений, права менять одни религиозные убеждения на другие.

Практически этот принцип реализуется в ряде капиталистических стран признанием религии официальной государственной идеологией, запрещением распространения и пропаганды атеизма, официальным правом занимать государственные должности в зависимости от исповедования той или иной религии, прямой или косвенной дискриминации тех, кто отказывается от исполнения религиозных обрядов, открыто заявляет о своих атеистических убеждениях. Все это еще и еще раз подтверждает ленинское ука-

---

[1] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 328.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 146.

зание, что все буржуазные формальные свободы, в том числе и свобода совести, представляют собой не более как простую декларацию, рассчитанную на то, чтобы вводить в заблуждение народные массы.

Подлинная свобода совести, основные правовые положения, которые закреплены в Конституции СССР, не устанавливают никаких юридических различий между верующими и неверующими, не вводят никаких ограничений для тех, кто верит в бога и исполняет религиозные обряды. В Советском Союзе ограничивается не свобода религии, а свобода деятельности экстремистов от религии, которые посягают на интересы государства, на права, честь и достоинство советских граждан. Социалистическое общество, охраняя права и интересы своих граждан на основе принципа социальной справедливости и равенства, не допускает, чтобы эти права нарушались под демагогическим флагом свободы религии.

Ограничивая незаконную деятельность тех советских граждан, которые хотели бы использовать религиозные отношения в своих узкокорыстных целях, Советское государство ни прямо, ни косвенно не вмешивается в чисто религиозные вопросы, в вероучение, культ. Наоборот, всякая попытка использовать административные средства в борьбе с религией рассматривается как нарушение свободы совести. В то же время наше государство не предоставляет никаких привилегий атеистам и неверующим.

Означает ли все это, что Советское государство безразлично к мировоззренческой ориентации своих граждан, не занимается формированием научного миропонимания?

Вовсе нет! Советское государство проводит большую культурно-воспитательную работу, вовлекает широкие массы трудящихся в трудовую и общественно-политическую деятельность, осуществляет коммунистическое воспитание, составным элементом которого является воспитание атеистическое. Вся практическая деятельность социалистического государства, опирающаяся на незыблемую основу марксизма-ленинизма, формирует научное мировоззрение у советских людей, воспитывает их в коммунистическом духе. Невиданные по масштабам темпы социально-экономических, политических и культурных преобразований, непосредственными участниками и очевидцами которых являются народные массы, представляют собой ту объективную основу, на которой неизбежно формируются атеистические убеждения.

Следует при этом иметь в виду, что в условиях развитого социалистического общества атеистическое воспитание не ограничивается задачами преодоления религии и освобождения сознания верующих от религиозных предрассудков и суеверий. Оно охватывает различные группы людей как верующих, так и неверующих, как колеблющихся, так и индифферентных. Его цель — сформировать в условиях господствующего научно-материалистического мировоззрения у всех без исключения людей последовательно научную систему взглядов, теоретическим фундаментом которых является учение марксизма-ленинизма. Наша уверенность в осуществимости подобной задачи не является плодом абстрактных рассуждений. Рост трудового энтузиазма, творческой активности, образования и культуры сами по себе коренным образом изменяют сознание людей, освобождая его от иллюзорных представлений и несбыточных надежд.

Мы сегодня — уже как непосредственные очевидцы — убеждаемся в правоте заключения К. Маркса о том, что религия будет исчезать в той мере, в какой будет развиваться социализм[3].

На этом основании, однако, в буржуазной литературе пропагандируется утверждение, будто законы Советского государства утверждают атеизм в качестве официальной государственной доктрины и само государство объявляется «атеистическим». Под понятием «атеистическое государство» идеологи буржуазии подразумевают такое государство, которое преследует верующих, запрещает деятельность религиозных объединений, проводит политику дискриминации церквей и духовенства, и следовательно, в нем не может идти и речи о свободе совести, а процветает «принудительный атеизм», «насильственное искоренение религии».

Наше социалистическое государство не только не налагает никаких запретов на религию, но и считает подобную постановку вопроса анархистским фразерством, в принципе чуждым социалистической демократии. Создавая материальные, социальные и политические условия, обеспечивающие свободу и равноправие граждан, Советское государство не заинтересовано в ограничении каких бы то ни было прав верующих, поскольку это противоречило бы закону и наносило ущерб делу коммунистического строительства.

Идеологи и политики капитализма не могут назвать ни одного советского закона, который утверждал бы атеизм в качестве специального государственного установления, — таких законов не существует. Единственное подтверждение, на которое они могут ссылаться, — это заявления о существовании «секретных законов» по дискриминации религии некоторых диссидентов, составляющих, как известно, крайне воинствующее крыло буржуазной пропагандистской машины. Цена подобным «разоблачениям» равна нулю.

Наряду с трудовым, политическим, нравственным, патриотическим, интернациональным атеистическое воспитание — одно из важных звеньев в общей системе коммунистического воспитания. Оно играет немаловажную роль в формировании личности с высоким уровнем идейно-политической зрелости, с такими чертами социалистической сознательности, которые не позволяют буржуазной пропаганде, развернувшей всеобщее идеологическое наступление против социализма, привить советским людям аполитичность и нигилизм, безразличие к общественным и государственным задачам.

Неверно себе представляют сущность атеистического воспитания те, кто сводит его только к критике несостоятельности религиозных воззрений на мир, разоблачению неблаговидных поступков тех или иных священнослужителей или верующих. Оно прежде всего формирует здоровые духовные потребности и интересы, способствует освоению знаний и расширению кругозора, повышению сознательности и культуры, обогащению духовного мира человека.

---

[3] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 45, стр. 474.

РЕВОЛЮЦИЯ УМОВ И ЕЕ ФАЛЬСИФИКАТОРЫ

Б. АЛИЕВА, кандидат философских наук

Взлет научной и философской мысли на арабском Востоке в IX—XI веках — замечательное явление в истории мировой культуры. Своеобразное сочетание социальных, географических, экономических особенностей, характеризующих это время, вызвало настоящую революцию умов — так справедливо оценивают историки науки духовное развитие народов Востока той эпохи.

Развитие торговли, ремесел, строительство городов, ирригационных сооружений требовали напряженного умственного труда. На этой основе бурно развивались математика, физика, оптика, астрономия, география, химия, медицина и другие теоретические и прикладные науки. Интеллектуальные запросы общества не могли быть удовлетворены господствовавшим в то время религиозным мировоззрением, и арабские философы, вырываясь из оков мусульманской ортодоксии, вырабатывали способы познания мира, независимые от религии.

Волею исторических судеб арабы оказались на пересечении философских традиций античного Средиземноморья, Индии, Ближнего и Среднего Востока, и синтез этих традиций на почве арабского мира, переживавшего период расцвета, вызвал ту самую революцию умов, которая позволила позднейшим исследователям науки назвать эту эпоху средневековым восточным Ренессансом.

Яркой чертой ее было свободомыслие, крайне смелое для времени, когда господствовала религиозная идеология, отказывавшая человеку в способности разгадать тайны мира. Выдающиеся мыслители мусульманского средневековья — естествоиспытатели, философы, поэты — первыми среди них назовем Ибн Сину, Ибн Рушда, аль-Бируни, аль-Фараби, аль-Кинди, ар-Рази, аль-Маарри — в решении вопросов бытия, смысла жизни разрушали религиозно-фаталистические представления о мире и месте в нем человека, утверждали вечность мира, его независимость от божественного произвола, отвергали божественное происхождение нравственности, объявляли и своим творчеством доказывали превосходство разума над религиозной верой, отстаивали свободу мысли от религиозных догм.

Вольнодумством были отмечены не только естественные науки и философия, оно проникало и в богословские труды, в которых бог нередко был лишен каких бы то ни было положительных качеств.

Материалистические взгляды ученых средневекового мусульманского Востока намного опередили свою эпоху [1]. Философское учение о превосходстве разума, знания над религиозной верой проникло в Европу и оказало там огромное влияние на развитие наук, способствуя утверждению светского начала в мировоззрении. Тысячелетие отделяет нас от той эпохи, но ее духовное наследие актуально и сегодня, оно привлекает идеологов различных направлений и нередко становится предметом острой идеологической борьбы.

Традиции духовной жизни играют огромную роль в странах распространения ислама. Творческое наследие ученых арабского средневековья свидетельствует о том, что на Востоке еще в те далекие времена сильны были материалистические и атеистические тенденции. Но именно этот смысл духовного наследия прошлого искажают, фальсифицируют те, кому хочется видеть во всей истории народов Востока безраздельную власть ислама, религиозной идеологии.

Они отрицают свободомыслие и рационализм эпохи «революции умов», искажают философское наследие ее выдающихся мыслителей, чтобы доказать, будто материализм — явление чисто западное, не имеющее прочных корней в истории восточной культуры.

В духовной жизни народов средневекового Востока, утверждают они, всегда господствовали идеи ортодоксального ислама, а главным в мусульманской философии было учение о божественном единстве, трансцендентности бога по отношению ко всем его творениям, признание единого бога. Профессор Каирского университета О. Амин утверждает, что исламская религиозная традиция, восходящая к Корану, оказывала мощное влияние на всю мусульманскую философию от аль-Фараби до Абдо.

В оценке прогрессивной арабо-мусульманской философии современные фидеисты идут двумя путями. Первый — откровенная фальсификация духовного наследия. Наиболее яркий его выразитель — известный исламский философ С. Х. Наср, предложивший свою концепцию истории мусульманской философии. Суть ее сводится к тому, что фундаментальной целью исканий почти всех исламских философов (к ним он относит и перечисленных выше философов-рационалистов, ярких представителей восточного свободомыслия. — **Б. А.**) были поиски такого высшего типа знания, которое обеспечило бы гармонию веры и разума. «Оригинальность мусульманской философии заключается в стремлении примирить философию и религию, — пишет и сторонник этой концепции уже упоминавшийся нами О. Амин. — ...Мусульманские теологи стремились защитить религиозную веру оружием, выкованным философами». Вряд ли они могли много в этом преуспеть, ибо философское оружие выдающихся мыслителей мусульманского средневековья объективно всегда было направлено против религиозной веры.

«Все религии не соответствуют разуму, — говорил, например, поэт-вольнодумец, предшественник арабских перипатетиков Абу-ль-Ала аль-Маарри (973—1058 гг.), — разумен тот, кто отбрасывает все религии и опирается на разум... Сколько раз мир обманывал своих сыновей, сколько лжецов направо и налево цитировали изречения, но я последую за теми, кто призывает к благу, к борьбе. Ибо я предпочитаю иметь своим исламом только разум».

Другой подход к духовному наследию средневековья — путь «усеченной правды», когда некоторые моменты в истории философской мысли излагаются объективно, а другие — искаженно, так, как этого требует фидеистическая концепция превосходства веры над разумом. Наиболее полно такое отношение к духовному наследию прошлого выражено в трудах директора Ближневосточного центра Гарвардского университета Мухаммеда Мухсина.

Весьма показательна его оценка творчества замечательных представителей арабской средневековой философии аль-Кинди (800—879 гг.) и ар-Рази (865—925 гг.). Он не отделяет главное от второстепенного в мировоззрении мыслителей, в их философском наследии, а останавливается лишь на тех моментах, которые могли бы служить его фидеистической концепции. Суть ее выявляется в следующем заключении Мухсина: хотя аль-Кинди и ар-Рази были хорошо осведомлены в некоторых естественных науках, они не были достаточно компетентны в логических основаниях философии, в метафизике «и оказались не в силах заполнить пробел между философией и новой религией, создавшей контекст, способ жизни, совокупность верований и общину, которую философам предстояло понять (и прийти с ней к соглашению), а не просто принять или отвергнуть». Иначе говоря, согласно Мухсину, ни аль-Кинди, ни ар-Рази не были ни вольнодумцами, ни свободомыслящими и все «рационалистические наслоения» в их рассуждениях свидетельствуют лишь об их слабости, о тщетности попыток восполнить пробел между философией и религией.

Мухсин отмечает, что аль-Кинди различал два вида знания — человеческое познание всех вещей и божественное знание пророков, которое достигается особым способом. И это различие привело его к постановке ряда централь-

---

[1] Свободомыслие средневековой арабской философии подробно раскрыто в статье А. Сагадеева «Жизнерадостное свободомыслие Востока». «Наука и религия», 1978, № 2.

ных вопросов исламской философии: рационально-метафорического толкования Корана, отождествления бога с первобытием или первопричиной и т. д. А об ар-Рази Мухсин говорит весьма бегло, отмечая в основном, что теологи-исмаилиты выступали против его космологических учений и рациональных методов доказательства.

Такой подход к наследию выдающихся философов обнаруживает откровенную тенденциозность Мухсина, оставившего за пределами своего исследования все главное в их творчестве — то, что стяжало аль-Кинди титул «Философа арабов», а ар-Рази — славу рационалиста, отвергавшего пророческие способности.

Основоположник арабо-мусульманской философии аль-Кинди сначала был близок к мутазилитам, но со временем преодолел их сравнительно узкий теологический горизонт, из круга его интересов совсем ушла религиозная догматика и остались лишь чисто философские проблемы. Он тесно связывал философию с естествознанием, особенно с математикой, и в этом единстве не без оснований видел залог плодотворного развития философской мысли.

Система аль-Кинди впитала в себя многие элементы аристотелевского рационализма. Он высоко ставил научную истину. «В математических науках мы должны требовать не убеждения, а доказательства», — говорил он, фактически противопоставляя тем самым знание религиозной вере. Правда, в этой системе находит место и некое сверхъестественное, божественное знание, которое не подвластно ни законам математики, ни законам логики и потому стоит превыше всего. Однако на первом плане у аль-Кинди — знание философское, научное. Он остро критиковал ревнителей ислама, которые стремились подчинить научное знание религиозной вере.

Что касается ар-Рази, то его вольнодумство было столь ярким и несомненным, что он подвергся жестоким преследованиям халифа и был казнен как еретик. Ученый-энциклопедист, занимавшийся физикой, астрономией, медициной, философией, логикой, теологией, он подвергал резкой критике все религии, разоблачал как обман чудеса, приписываемые пророкам, отрицал сверхъестественное происхождение священных книг, связывал перспективы постижения истины не с верой, а с прогрессом науки.

Известный современный исследователь арабской философии француз Ж. Жоливэ связывает с именем ар-Рази формирование в ней прогрессивной линии. Он отмечает, что в исламском мышлении существуют две радикально противоположные позиции в оценке соотношения философии и религии: первая принадлежит ар-Рази, «для которого только философия, а не пророчество открывала путь к мудрости», вторая — аль-Газали, который призывал спасти веру от притязаний философов.

Многочисленные труды ар-Рази в X—XIII веках были переведены на латинский язык и оказали большое влияние на передовую общественную мысль в Европе. Как справедливо отмечает советский востоковед А. Бертельс, творчество ар-Рази, «помимо его самостоятельной ценности, — одно из важных звеньев, связывавших культуры Востока и Запада...» [2] Толкователи же духовных традиций мусульманского средневековья типа С. Х. Насра, О. Амина, М. Мухсина видят главную задачу философов того времени в восполнении пробела между философией и религией, что в их понимании означает подчинение разума вере.

С этих позиций оценивает М. Мухсин и философское наследие аль-Фараби (870—950 гг.), которого современники за широту познаний и смелость мысли называли Вторым учителем (первым считался Аристотель). По мнению М. Мухсина, главная заслуга аль-Фараби в том, что он, в отличие от аль-Кинди и ар-Рази, «отлил философию в новую, аналогичную исламской религии форму... После возникновения этой новой философской структуры стало возможным проводить философские исследования всех составных частей исламской общины: пророка-законодателя, целей божественных законов, законодательства, верований и действий. Философская космология, психология и политика были слиты им в политическую теологию, целью которой было прояснение оснований исламской общины...»

Иными словами, Мухсин рисует аль-Фараби как апологета ислама, не отрицая, правда, при этом, что он был комментатором Аристотеля и Платона, последователем афинской и александрийской школ в философии. Однако аристотелизм аль-Фараби он видит в том, что мусульманский философ якобы призывал привести учение Аристотеля в соответствие с богооткровенными истинами и указывал на бо́льшую близость идей Платона и неоплатонизма Корану по сравнению с аристотелизмом.

Объективный анализ наследия Второго учителя свидетельствует, однако, что его творчество знаменовало собой усиление аристотелизирующего рационализма в арабо-мусульманской философии. Исследователь из ГДР А. Колесник отмечает: аль-Фараби был в арабском регионе мыслителем, непосредственно способствовавшим распространению аристотелизма, и благодаря ему «Аристотель был понят не как преимущественно теологический, а как философский и научный мыслитель... Аль-Фараби не цеплялся за «чистый» аристотелизм, который отделил форму от материи и таким образом служил реакции».

Особый интерес представляет толкование современными фидеистами трудов Ибн Сины, их оценка его роли и места в духовной жизни народов Востока. Имя великого врача, философа, поэта известно всему человечеству. Он выделялся даже среди тех великих умов, которые породило арабское средневековье. Слава его не уступала славе Аристотеля, многие столетия его научный авторитет был непререкаем как для Востока, так и для Запада. Князем ученых называли его современники, он был истинным властителем дум многих поколений. Нет необходимости говорить о всех заслугах этого титана мысли — они известны. Напомним лишь, что материалистические взгляды Ибн Сины, проникновение в закономерности окружающего мира, вера в то, что разум человека способен познать тайны Вселенной, делали его в глазах фанатиков религии чудовищным еретиком. За отступничество от духа ислама его проклинал религиозный мистик аль-Газали. Как же оценивают сегодня наследие Ибн Сины мусульманские теологи?

М. Мухсин, например, пытается доказать, что «великий таджик», якобы следуя заветам аль-Фараби, стремился усилить в арабо-мусульманской философии идеи неоплатонизма, чтобы поставить ее на службу исламу и окончательно заполнить пробел между философией и религией.

Еще невероятнее выводы С. Х. Насра. Он превозносит Ибн Сину как носителя «истинного духа» ислама и объявляет его мистиком, успешно прокладывавшим путь теософской традиции в арабо-мусульманской философии. Весь ход развития арабо-мусульманской философии от аль-Кинди до Ибн Сины представляется ему как наращивание мистико-теософских элементов.

Как уже говорилось, философское и научное творчество Ибн Сины не дает ни малейшего повода для подобного рода толкований. Напротив, оно знаменовало собой усиление рационалистических и материалистических позиций перипатетизма в арабской философии. Решая вопрос о происхождении мира, он создал учение о совечности материи богу. Материя в его философской системе выступает как необходимое условие появления всякой вещи. «Все, что стало существовать, после того как не существовало во времени, имеет материю, в которой и воплощается его возможность существования» [3]. Это учение, в котором нельзя не видеть материалистическую тенденцию, подрывало основополагающий догмат ислама о творении мира богом.

Учению Ибн Сины о познании свойственно глубокое убеждение в том, что объективный мир можно познать чувствами и разумом. Он высоко ценил логику, называя ее «наукой-мерилом». «...Всякое знание, которое не взвешено на весах (разума), не является достоверным и, следовательно, не является истинным знанием. Поэтому необходимо изучать логику» [4], — писал он.

Но если учитывать это истинное содержание учения Ибн Сины, то как же сегодня поставить его на службу исламу? И фидеисты отбрасывают нежелательные для их концепций стороны его учения, гипертрофируют то, что им годится. В их подходе к средневековой арабо-мусульманской философии видно, говоря ленинскими словами, «отчаяние в возможности научно разбирать настоящее, отказ от науки, стремление наплевать на всякие обобщения, спрятаться от всяких «законов» исторического развития...» [5]

М. Мухсин откровенно не признает строго научного подхода к истории человеческой мысли. Он считает недоразумением то, что мыслители порой отказывались от тех или иных своих прошлых взглядов только потому, что они основывались на «неочевидных предпосылках» (т. е. на религии). Он пытается положить в основу всего исторического процесса (и процесса развития философской мысли в том числе) нечто иррациональное, непостижимое и сформулировать наилучший, по его мнению, подход к изучению философии ислама. «Его фундаментальная предпосылка, —

[2] «Философская энциклопедия». М., 1967, т. 4, стр. 458.
[3] Ибн Сина. Даниш-Намэ. Сталинабад, 1957, стр. 171.
[4] Там же, стр. 89.
[5] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 44.

пишет Мухсин, — следующая: последнее основание всякого человеческого мышления и действия радикально и совершенно лишено очевидности, непостижимо и... произвольно; оно радикально несвободно и определяется не разумом, разумной необходимостью или постулируемой разумной природой, но непостижимой необходимостью или роком...»

Так же примерно оценивают фидеисты еще одного крупнейшего мыслителя эпохи мусульманского средневековья — Ибн Рушда, жившего в Испании (в латинской транскрипции — Аверроэс). Он был идейным наследником «революции умов» IX—XI веков на арабском Востоке, представленной такими великими именами, как ар-Рази, аль-Кинди, аль-Фараби, Ибн Сина и другие. Философское и научное творчество Ибн Рушда было закономерным звеном в истории передовой арабо-мусульманской философии. Он развил и поднял ее на новую высоту. Как и Ньютон, он мог с полным правом сказать: «Я стоял на плечах гигантов».

Творчество Ибн Рушда — вершина передовой арабо-мусульманской средневековой философии, которая получила в его системе классическое завершение. Можно сказать, что накопление элементов рационализма и материализма привело в концепциях Ибн Рушда в известной мере к качественному скачку, значительному усилению материалистического решения ряда важнейших философских вопросов. Он познакомил Европу с настоящим Аристотелем. Его сочинения, переведенные на латинский язык, нашли широкое распространение во Франции, Италии, Германии и помогали бороться против религиозного обскурантизма, за светское начало в мировоззрении. Его учение об автономии научного взгляда на мир, независимого от религии, на протяжении нескольких столетий было знаменем прогресса и свободомыслия в Европе.

Книга Ибн Рушда «Опровержение опровержения», направленная против сочинения средневекового мистика и богослова аль-Газали «Опровержение философов», показывает нам ее автора проводником рационалистического и материалистического взгляда на мир. Будучи комментатором Аристотеля, он создал свое, вполне законченное философское учение. Исходя из Аристотелевой философии и рассуждая строго рационалистически, арабский мыслитель выдвинул целый ряд положений, противоречивших господствовавшей идеологии и мусульманской ортодоксии. Учение о вечности материи и идея совечности бога природе опровергали догмат о творении мира богом; теория активного интеллекта утверждала, что бессмертие присуще только всеобщему разуму, а человеческая душа смертна; учение о двойственности истины ставило под сомнение необходимость религиозного вмешательства в дела земного бытия. Эти и другие принципы философской системы Ибн Рушда были поразительно смелыми для своего времени, они были прямо противоположны мусульманской идеологии и оказали весьма плодотворное влияние на последующее развитие науки и свободомыслия.

Степень фальсификации наследия каждого великого арабского философа зависит от радикальности его взглядов, от того, насколько трудно поставить его на службу религиозной идеологии. Естественно поэтому, что фальсификация творчества Ибн Рушда выглядит особенно вопиющей — ведь его знаменитая теория двойственной истины была знаменем борьбы с ортодоксальной верой на протяжении многих столетий, сделалась синонимом свободомыслия и атеизма, явилась одним из идейно-теоретических источников атеизма эпохи Ренессанса. Именно вокруг этого учения и сегодня продолжается идейная борьба.

Традиционалисты и неотрадиционалисты в мусульманском богословии отвергают эту концепцию как противоречащую духу ислама. Современные модернизаторы ислама, стремясь зачислить в свои предтечи прогрессивных мыслителей средневековья, объявляют, что теория двойственной истины постулировала гармонию знания и веры на Востоке, что достижение такой гармонии и составляло цель учения этого арабского мыслителя. Но самый распространенный прием фальсификации взглядов Ибн Рушда — отсечение его наследия от арабо-мусульманской философии.

М. Мухсин, например, отрицает всякую связь Ибн Рушда с философией аль-Кинди, аль-Фараби и Ибн Сины, которых он относит к представителям восточной традиции, имея в виду не столько географическое, но главным образом смысловое значение слова Восток, особый «дух Востока». Ибн Рушда и других философов арабо-испанского направления он рассматривает вне связи с учением ранних арабо-мусульманских философов, утверждая, что это направление не имеет своих корней в мусульманском мышлении и не оказало сколько-нибудь существенного влияния на исламскую мысль.

С. Х. Наср, заявляя, что влияние Аристотеля на арабо-мусульманскую философию преувеличено и сам аристотелизм был для исламской цивилизации инородным телом, утверждает, что Ибн Рушд более принадлежит к западной философской традиции, нежели к основному течению интеллектуальной жизни Востока.

Реакционные мусульманские теологи в идейной борьбе пытаются привлечь на свою сторону духовное наследие прошлого, затушевать его революционную сущность, фальсифицировать его прогрессивное идейное содержание. В то же время революционно-демократическое направление общественной мысли Востока стремится сохранить и умножить прогрессивную линию преемственности, передовые традиции, использовать их для углубления завоеваний национально-освободительного движения, продвижения по пути социального прогресса. При этом в центре идейной борьбы стоит главным образом вопрос о судьбах прогрессивной линии преемственности и прогрессивных традиций в современном мире.

Нет сомнения, что именно передовая философия составила непреходящее достояние арабо-мусульманской культуры средневековья, ибо, как справедливо отмечает арабский марксист Аль-Алим, когда «арабо-мусульманская философия — и на Востоке и на Западе — вступила в полосу упадка, рационалистическо-эмпирическая философия также приостановилась в своем развитии». Это подтверждает, что эта философия выражала сущность арабской средневековой цивилизации и была ее активным эволюционизирующим компонентом. «Арабо-мусульманская философия находилась у истоков того движения, которое через Роджера Бэкона, Декарта, Фрэнсиса Бэкона и Галилея привело к возникновению опытной науки нового времени»[6].

Фидеистские концепции мусульманской философии не выдерживают научной критики. В развитии философской мысли народов Востока борьба материализма и идеализма нашла свое наиболее полное выражение в противоположности между религиозно-идеалистической линией аль-Газали и рационалистическо-материалистической линией Ибн Рушда. Рационалистические традиции в духовном наследии народов Востока стали сегодня достоянием их революционно-демократических сил.

г. Махачкала

---

[6] М. А. Аль-Алим. Идейные бои. М., 1974, стр. 119—120.

ДУХ «СВЯТОГО» ДЖАБАГИ

В Индерском районе на отгонном участке совхоза имени Амангельды находится могила человека по имени Джабаги. Старые люди рассказывали, что еще в конце прошлого века здесь была возвышенность — могильный холм. А в начале нового столетия произошли изменения в структуре почвы, и на месте холма образовалось углубление с солончаковыми грязями. Стали распространяться слухи, что здесь витает дух «святого» Джабаги, могилу объявили святым местом, и к ней стали приходить люди в надежде излечиться от всевозможных недугов. У могилы ночевали, молились, приносили жертвы, оставляли на веточках цветные лоскутки и записочки, которые должны были «напоминать» святому об их просьбах. Иные применяли солончаковые грязи, как потом выяснилось, без всякой пользы.

Многие ходили ночевать и лечиться к могиле до тех пор, пока не выступила районная газета «Индер» со статьей, разъясняющей людям природу образования в этих местах солончаковых грязей.

Структурные изменения почвы произошли под влиянием эрозии земли и природных воздействий, которые наблюдаются в этих краях повсеместно. Например, в недалеком прошлом зеленые поля и пастбища в Басшиках теперь занесены песками. Здесь же недалеко образовалось озеро, богатое поваренной солью. После выступлений газеты люди разуверились в святости могилы Джабаги. Паломничество прекратилось.

Кенес САХИЕВ,
зам. редактора газеты «Индер»

пос. Индер
Гурьевской области

Е. СЕРГИЕНКО

Читатель сообщает, советует, спрашивает

Ваше мнение о журнале, которое вы, дорогие читатели, выразили в ответах на анкету, помещенную в прошлогоднем декабрьском номере, порадовало нас. В подавляющем своем большинстве анкету заполняли доброжелательные люди. Социологическое и статистическое исследование этого ценного материала дано в статье главного редактора журнала А. С. Иванова «Мнение наших читателей» (№ 9). А в этом обзоре мы решили уделить внимание лишь последнему вопросу анкеты — «О чем вы хотели бы прочесть в журнале?» Пожелания читателей для редакции — основа творческого плана работы.

Многие анкеты отразили интерес наших читателей к происхождению и истории религии. Немало, кажется, за 20 лет было опубликовано в журнале и серьезных научных и достаточно популярных статей на эти темы. Однако, как видно, еще не утолили мы читательского интереса.

«Напишите, кто и зачем придумал, что есть бог»,— просит Л. С. Курылева из села Емельяново Калининской области.

«Освещайте историю религии, историю инквизиции, особенно испанскую инквизицию, а также возникновение христианских монастырей, пишите о священниках, пособничавших фашистам на оккупированной немцами территории во время Великой Отечественной войны, — просит лектор-атеист, учитель начальных классов И. П. Трусов из Донецка и добавляет: — Мне все это нужно для работы. Необходимые статьи из вашего журнала я вырезаю и храню».

«Хочется прочесть об истории русской православной церкви, о сегодняшнем ее состоянии, организационном устройстве...»—пишет инженер В. И. Павлик из Брянска.

И в других письмах содержатся столь же целенаправленные пожелания лекторов-атеистов. Запросы этой категории читателей редакция постоянно стремится удовлетворять, однако сбиваться на узкоутилитарный путь журнал не может и не должен. Не ждите, дорогие товарищи, готового текста лекции на ту или иную тему. Помощь пропагандистам мы понимаем шире, считаем, что журнал призван оказывать эту помощь всем своим содержанием, углублять их знания, расширять кругозор, показывать опыт лучших лекторов.

А вот просьба нашего верующего читателя, не написавшего своего имени, указаны лишь специальность и возраст: техник-механик, 52 года. Он хотел бы прочесть:

«О вашем покаянии и пробуждении от сна греховного... Истинные христиане должны быть такими, как это началось еще при апостолах... — далее следует восхваление вероучения, которое сам автор исповедует, ссылки на Евангелие и пожелание: «Опубликуйте что-нибудь из жизни истинных христиан!»

Рады сообщить вам, что, помещая в журнале повесть И. и М. Витковских «Потерянная молодость» (№ 4, 5, 6 за этот год), мы подумали и о вас. Ведь герой повести Алексей Угрихин и его единоверцы как раз называли себя истинно-православными христианами.

В повести показано, какой урон нанесла истинно-христианская вера жизни молодого человека, который ради «слова божьего» и славы проповедника ушел от реальной жизни.

«Хотел бы прочитать о сотворении человека. Кто появился вперед на белый свет? Мужчина или женщина? Объясните, пожалуйста»,—просит Б. С. Горковенков из Копейска (рабочий, образование 8 классов, возраст 44 года).

Мы не исключаем присутствия в этом вопросе юмора, но сам вопрос не так уж наивен и прост, как может показаться на первый взгляд. Ведь церкви недаром отводят ему одно из самых важных мест в своих вероучениях. Вспомним, что в библейской легенде о происхождении человека бог по своему собственному образу и подобию создал на земле самого первого ее жителя — Адама, а Еву сотворил затем из Адамова ребра. Именно на этой ветхозаветной легенде, по сути, зиждется проповедуемое религией главенство мужчины над женщиной, ее подчиненное и униженное зачастую положение, благословляемое церковью. Не станем приводить тут длинный ряд цитат из Библии, Корана, Талмуда, к которым в данном случае обращаются христианские, мусульманские и иудейские богословы, когда им надо «поставить женщину на место».

«Как относились к религии великие русские люди — Александр Невский, Димитрий Донской,

Петр Первый, Суворов, Ломоносов, Даль, Пушкин и т. д.?» — просит нас рассказать В. С. Грабилов, мастер производственного обучения из поселка Уруссу Татарской АССР.

Просьба закономерна. В то же время с наших страниц не сходят статьи об этом. Вот и в нынешнем году, например в № 6, к 180-летию со дня рождения А. С. Пушкина опубликована статья Б. Марьянова «Еще минута — и мы предстанем перед богом!..» Этот же автор написал и другие статьи о Пушкине, опубликованные в журнале. Рассказывал журнал и о Петре I, о Ломоносове, о Дале. Перечислить все такие материалы невозможно. Мы советуем взять в библиотеке подшивки нашего журнала за прошедшие годы и полистать их. Требовательного любителя истории заинтересуют историко-публицистические статьи нашего постоянного автора Александра Шамаро. Кропотливо работая в архивах, он отыскивает новые факты и эпизоды, характеризующие истинную роль русской православной церкви в истории нашей Родины.

Многие наши читатели перечисляют множество самых разнообразных тем. Вот о чем, например, хотел бы узнать со страниц журнала Г. П. Захарченко из города Евпатории:

«Об идеологических диверсиях под прикрытием религии на современном этапе; о влиянии солнечного и лунного притяжения на нашу планету; о вулканах и землетрясениях; о результатах исследований ученых СССР и США в опасном районе Бермудского треугольника...»

Все эти вопросы в разные годы освещались на страницах журнала. Перечень таких статей был бы слишком длинным. Напомним лишь: в нынешнем году журнал несколько раз (№ 7, 9, 10 и др.) выступал с разоблачением диверсий клерикального антикоммунизма — это постоянная наша тема. Что касается других вопросов, интересующих Г. П. Захарченко, то к ним журнал будет обращаться снова по мере того, как наука получит новые данные.

«...Я библиотекарь и знаю, как часто спрашивают публикации о магии, гипнозе, приметах, о том, как работают в настоящее время церкви (в нашем городе есть одна действующая церковь). Вот почему я прошу вас: пишите больше обо всем этом, а также о церковных праздниках и новых советских обрядах и, конечно, глубже раскрывайте духовный мир человека... И еще: давайте статьи об астрономии», — пишет Н. С. Латышева из города Гаврилов Ям Ярославской области.

Просьба Нины Сергеевны еще обширнее, чем Г. П. Захарченко (заметим в скобках, что все перечисленные ею вопросы не раз освещались в журнале). Таких анкет — большинство. Читатели предъявляют к журналу широкие требования. И это правильно: два слова на его обложке — «Наука и религия» — дают на это полное право. Религия всегда стремилась охватить все сферы жизни человека, проникнуть в его духовный мир, в процесс познания, в быт, даже в производственную деятельность и, конечно же, в политику. А сегодня апологеты различных религиозных течений всячески стараются отождествить свое миропонимание с научным мировоззрением и этим подвести под свою веру научную базу. Иначе говоря, в современных условиях научно-технической революции, развитого социализма, всеобщей образованности религиозные организации стремятся приспособить и свои вероучения к человеку второй половины XX века. Да вы это и сами отмечаете в анкетах.

Наш читатель из Мытищинского района Московской области пишет как раз об этом. Имени он своего не назвал, только возраст (45 лет), должность (председатель колхоза) и образование (среднее). Обращается он к нам от имени колхозников, выписывающих журнал:

«Мы интересуемся, как религия приспосабливается к современности. Говорят ли теперь об аде и рае, страшном суде и т. д.? Ведь нынешние люди грамотные... Помещайте в журнале критические обзоры современной религиозной печати, выходящей в нашей стране и за рубежом».

Должны признать: специальные критические обзоры религиозной литературы бывают у нас, к сожалению, редко, и это замечание редакция постарается учесть в дальнейшей своей работе. Правда, ссылки на нее в критических статьях мы даем постоянно. Не можем здесь не напомнить о посвященных этим вопросам двух статьях М. Гольденберга в рубрике «За рубежом», напечатанных в 1977 году: «Орудие «психологической войны» (№ 2) и «Успехи социализма и клерикальные злопыхатели» (№ 11).

Относительно вопроса, пугает ли современная церковь свою паству адом и страшным судом, можем ответить: пугает, хотя и в несколько иных, более мягких формах и выражениях. Чаще всего при этом под адом и страшным судом подразумеваются нравственные мучения. Священник с высшим духовным образованием постесняется обещать грешнику, что он на том свете будет кипеть в смоле или лизать раскаленную сковородку.

Москвич А. А. Юрков, пенсионер, пишет, что хотел бы прочесть о трагедии в джунглях Гайаны, которой закончилось существование религиозной секты «Народный храм». Пожелание Алексея Андреевича, как и других наших читателей, мы выполнили: в № 5 за этот год опубликована статья Л. Борисоглебского «Из мира ханжества — в небытие».

Пенсионер Блинов из Соликамска считает, что всем читателям будет интересно прочесть о возникновении современного летосчисления — «от рождества Христова», или «нашей эры», и о том, как и когда в странах Европы совершилась замена юлианского календаря григорианским. Материалы о календаре не раз печатались в нашем журнале. Есть они и в популярных книгах, например два года назад третьим изданием вышла книга С. И. Селешникова «История календаря и хронология».

Горный мастер А. Е. Резников (42 года, образование среднее техническое, житель города Кременная Ворошиловградской области) просит нас повторять интересные рассказы и статьи, опубликованные раньше. Уважаемый Анатолий Ефимович, такая форма публикаций не практикуется в периодической печати. Можно и даже нужно время от времени возвращаться к интересной теме, но зачем же перепечатывать рассказ или статью из своего же

журнала — их легко можно найти в подшивке, хранящейся в библиотеке?

Обратим внимание на анкеты наших молодых и юных читателей. Их мнение очень важно для нас сегодня в связи с теми большими задачами, которые поставлены по коммунистическому воспитанию молодежи в постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы».

Секретарь суда (23 года) просит давать статьи о религиозных праздниках с непременной атеистической оценкой их. В журнале прошел целый ряд таких публикаций, в частности циклы о православных и мусульманских праздниках. Будем постоянно продолжать освещение этой темы и в дальнейшем. Думаем, это окажет помощь не только в воспитании молодежи, но и в атеистической пропаганде вообще.

Музыкальный воспитатель детского сада (17 лет) пишет о себе: она окончила среднюю школу и продолжает учиться заочно в Хабаровском училище искусств. Девушке хотелось бы прочесть в нашем журнале о церковной музыке, с которой связано творчество многих великих композиторов, например Генделя, Баха...

О церковной музыке наш журнал писал не раз, но, конечно, тема далеко не исчерпана. Музыка всегда имела большое влияние на молодежь, которая в силу своей эмоциональности легко попадала под ее влияние. Этим объясняется, например, громадный успех за рубежом поп-оперы об Иисусе Христе. В «Науке и религии» на эту тему в свое время были напечатаны две статьи: И. Давыдов «Золотая лихорадка вокруг Христа» (1973, № 3) и Т. Голенпольский «Иисус Христос — суперзвезда» (1973, № 9). Но это было шесть лет назад, и 15-летняя Наташа Паздникова, ученица 9-го класса из поселка Сержантово в Приморском крае, наш журнал тогда еще не читала. Вот о чем она хотела бы прочесть:

«О зарубежных ансамблях, как они влияют на становление мировоззрения человека. И вообще, сделайте музыку постоянной рубрикой, молодежи это будет интересно. И пишите больше о вреде суеверий, давайте побольше примеров».

Тема суеверий — тоже постоянная в журнале, в частности в нынешнем году мы обращались к ней в обзорах писем наших читателей, приводили примеры различных суеверий, вскрывали их сущность.

По мнению С. И. Лазарева (22 года, образование незаконченное высшее), журнал «много пишет о науке и мало о религии. Хотелось бы больше читать о различных вероучениях, например о религиозно-философском учении йогов».

«Пятьдесят столетий йоги»—так называлась статья кандидата филологических наук Александра Кондратова (1975, № 11, 12). Она получила много откликов читателей. До сих пор приходят в редакцию письма на его имя. Интерес к йоге в значительной степени вызван модой, а она не всегда верно трактует свой предмет публике. А. Кондратов просто и доходчиво изложил принципы этого сложного, порой запутанного учения и его исторический путь.

Секретарь-машинистка А. С. Киселева просит рассказать «о религии в каменном веке». Эту просьбу выполнить нелегко, в раннем каменном веке религии, например, еще не было. То был так называемый безрелигиозный период человечества, когда люди еще не придумали себе богов. Но этот вопрос показывает, что в средней школе, которую окончила А. С. Киселева, не уделяли внимания атеистическому воспитанию учащихся. Такой недостаток, по-видимому, имеется и в других школах.

«Из-за чего люди вступают в религиозные секты? Почему человек верит в бога? Расскажите, пожалуйста», — просит, например, В. Бутырин, ученик 8-го класса из Орла.

Мы, конечно, будем стараться удовлетворять любознательность молодых наших читателей. Но их просьбы — еще один сигнал для учителей: больше внимания следует уделять формированию твердой материалистической убежденности у своих воспитанников. А сделать это без постижения основ научного атеизма невозможно. Вот закончит Наташа школу, выйдет на самостоятельный путь, где ее ожидают самые различные ситуации и встречи, возможно, и с верующими людьми. А она ничего не знает о религии и о том вреде, который приносит иллюзорная вера в бога...

Мы привели лишь малую часть ответов на один из вопросов нашей анкеты. Редакция продолжает изучать их, чтобы тщательно учесть в своих планах все пожелания. В заключение обратимся к анкете, которую прислала нам А. Н. Кокина:

«Я кладовщица, образование 7 классов. Как стала выписывать журнал, он мне открыл глаза, и я сейчас могу поспорить с верующим. Я хочу больше знать о настоящем и прошедшем. Журнал я читаю весь и подшиваю за каждый год, это настоящая моя школа. Я этот журнал люблю».

Спасибо вам на добром слове, уважаемая Анна Назаровна, и всем нашим читателям, кто откликнулся на нашу анкету, прислал нам ответы. Ждем ваших новых писем.

БАБУШКА

Здравствуйте, редакция!

Я — бабушка, мне 77 лет. Ваш журнал я получаю всего лишь три года. Племянница моя выписала его для меня, сказала: «Вам, тетя Дуся, тут многое будет интересно». Действительно, интересного я прочитала много. Но вот что мне не понравилось. Зачем вы напрасно обвиняете нас, старых бабушек, будто учим мы внучат верить в бога? Мы, конечно, родились при царе, испытали всю тяжкую долю той жизни, нам уже по 75 и 80 лет, но в церковь большинство из нас давным-давно забыли дорогу.

А ведь есть теперь молодые люди, кто жил и живет благополучно и сытно, как у Христа за пазухой. Не видели они ни горя, ни нужды, и нет у них причин бояться бога, однако они, эти молодые папы и мамы, несут своих детишек в церковь крестить и тоже сваливают на нас: дескать, бабушка не хочет сидеть с некрещеным дитем. Где она, такая бабушка, которая отказалась бы от внучонка, крещеный он или некрещеный?

Хотя я и старая, но уже лет 20 как в церковь не хожу. Спасибо ликбезу — выучилась читать, читаю газеты и журналы. А не будь Советской власти, так и осталась бы неграмотной.

Извините, если не понравится вам мое письмо. Поэтому фамилии своей не указываю.

г. Красноармейск
Донецкой области

И. КРЫВЕЛЕВ, доктор философских наук

ПОНИМАЯ, что ветхозаветные повествования воспринимаются современным человеком как фантастические мифы, раввины попытались помочь делу, снабдив библейский текст комментариями средневековых талмудистов, например Раши (полностью — раби Шолом Ицхаки). Они считают, что если публиковать тексты Ветхого завета в сопровождении этих комментариев, к тому же несколько препарированных, то читатель поймет, что здесь-то и заключена высочайшая истина. Для осуществления этой идеи группа раввинов предприняла под редакцией богослова Г. Брановера капитальное издание Пятикнижия на древнееврейском и русском языках (специально для советского читателя!). В 1978 году в Иерусалиме был издан выпуск, в котором дана первая глава ветхозаветной книги Бытие. Автором перевода и составителем является раввин Хаскелевич.

Надо отдать ему должное — он достаточно активен в перефразировке библейского текста и не ограничивается наследством средневековых комментаторов, а прилагает здесь и собственные усилия. Показательна в этом отношении та манипуляция, которой он подверг библейское слово «элохим».

Это слово фигурирует уже в первой фразе Ветхого завета и потом повторяется много раз. Оно обозначает «боги» — от единственного числа «элоха» — бог. Для понимания всей истории иудаизма факт наличия этого термина в Ветхом завете имеет очень большое значение. Он показывает, что на протяжении длительного исторического периода эта религия базировалась на вере в то, что мир создан и управляется не одним богом, а целой их группой. Как же расправляется раввин Хаскелевич с таким конфузным для «строго монотеистического» иудаизма фактом? При помощи элементарной фальсификации.

В древнееврейском тексте выпуска сказано «элохим». А в сопровождающем его русском переводе Хаскелевич заменяет это слово написанным древнееврейскими буквами неизвестно откуда взявшимся «элоким», которое тут же переводит как «всемогущий». Получается достаточно почтенный и внушительный смысл: всемогущий создал небо и землю, а за ними и все остальное, включая и человека!

С сотворением первочеловека дело тоже не обходится без трудностей.

Используя, однако, талмудические комментарии, раввин Хаскелевич победоносно со всеми трудностями расправляется.

В первой главе книги Бытие, как известно, говорится об одновременном сотворении богом мужчины и женщины: «И сотворил бог (в русском синодальном переводе Библии слово «элохим» переведено как «бог». — И. К.) человека... мужчину и женщину сотворил их» (ст. 27). Во второй же главе вместо этого вдруг идет подробное повествование о том, как сначала создал господь бог (в подлиннике—Яхве элохим. — И. К.) «человека из праха земного», а через некоторое время, наведя на него сон, взял из тела его ребро и создал из этого материала Еву.

Библейская историческая критика нашла причины этого противоречия: первое повествование содержится в одном из источников, вошедших впоследствии в Пятикнижие, второе — в другом, а смонтированы были эти варианты лишь через несколько столетий. Но согласиться с этим объяснением, истинность которого не может быть опровергнута никем, раввины не могут и поэтому встают на путь таких приемов фантазирования, которые по своей замысловатости могут поспорить с фантастическими измышлениями самих авторов Библии.

Применяется прием, дающий возможность «примирить» оба варианта мифа: «Вначале человек был сотворен бесполым — муж и жена, соединенные спинами (наподобие сиамских близнецов). Лишь затем всевышний разделил их». Без хирургической операции, стало быть, дело все же не обошлось, хотя текст, связанный с ребром, подвергается Хаскелевичем некоторой трансформации.

Древнееврейское слово «цела» можно, утверждает раввин, перевести не только как «ребро», но и как «сторона»; а если принять такое толкование, то можно считать, что бог разделил Адама и Еву по «сторонам» их спин. И волки сыты и овцы целы: и сразу созданы мужчина и женщина, и не сразу. При помощи небольшой натяжки достигается большой результат: затушевывается вопиющее противоречие, обнаруживающее действительное происхождение библейских текстов.

Заодно раввин раскрывает и побудительные мотивы действий того самого змия, который совратил первых людей с пути истинного. Разделившись, повествует автор, наши первопредки сразу же предались любви во исполнение богова предписания плодиться и размножаться. Делали они это, однако, совершенно безгрешно, «без страсти» и «на виду всех животных», составлявших население рая. А такое их поведение «вызвало завидущую страсть змия». Под ее влиянием он и предпринял свои преступные деяния.

Что ж, можно и так придумать. Главного же не объясняет ни Хаскелевич, ни кто бы то ни было другой из апологетов Библии: предвидел ли всеведущий, что змия охватит «завидущая страсть» и он совершит свое предательское деяние, а Ева с Адамом окажутся настолько слабовольными и глупыми, что поддадутся на уловку врага рода человеческого и тем самым нарушат волю бога? И если он предвидел, что так будет (а другое невозможно себе и представить), то как же он это допустил? Дело-то ведь серьезное! От него зависела вся судьба человечества вплоть до нашего поколения. Раввин Хаскелевич мог под руководством профессора богословия Брановера придумать новое объяснение самой механики происшествия. Но может ли он оправдать его смысл? Миллиарды человек тысячелетиями мучаются, переживая всевозможные биологические и социальные бедствия и страдания. И все из-за «завидущей страсти» змия, которую бог не предусмотрел или не захотел предотвратить.

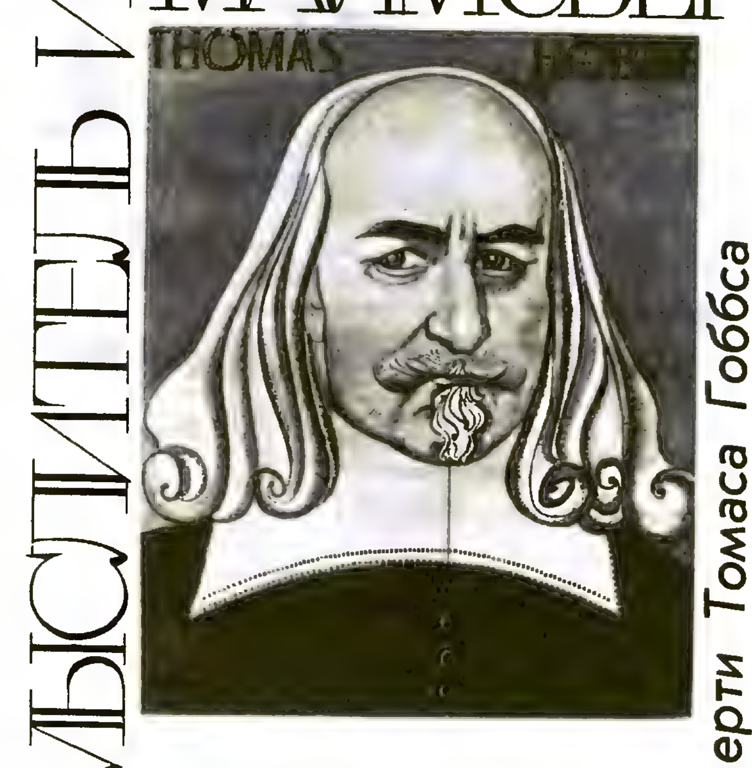
Есть один пункт в привлекаемых раввином комментариях к Ветхому завету, который имеет животрепещущее идеологическое и политическое значение. Сионистам нужно на основании Библии доказать «историческое право» Израиля на владение Палестиной. И вот Хаскелевич привлекает такие тексты из комментария Раши: «Если придут народы мира и скажут евреям: «Вы захватчики, ибо присвоили себе земли семи народов», евреи им ответят: «Вся земля принадлежит создателю. Он ее создал и отдал тому, кому ему было угодно. Затем он волей своей отнял ее у них и отдал нам». А затем, опираясь на комментарии средневекового талмудиста Гур-Ари, современный раввин сообщает верующим, что библейская история избрания Авраама, Исаака и Иакова дает «основания для законного права евреев на владение Священной Землей в глазах всех народов». Ну, уж если сам бог отдал евреям всю Палестину и это обстоятельство удостоверено Библией, то деваться некуда: надо признать угодной богу и предопределенной им всю агрессивную, захватническую политику государства Израиль...

Перед нами яркий пример того, как используется сионизмом и еврейским национализмом иудейская религия и основной ее вероисповедный документ — Ветхий завет.

МЫСЛИТЕЛЬ ИЗ МАЛМСБЕРИ

Герман СМИРНОВ

300 лет со дня смерти Томаса Гоббса



АНГЛИЯ XVII века встретила известие о смерти одинокого 90-летнего Томаса Гоббса сотнями издевательских эпитафий, пародий, эпиграмм. На смену знаменитым мыслителям, почитавшим за честь спорить с Гоббсом, пришли ничтожные писаки и куплетисты.

«Неужели, неужели он умер, наконец?» — восклицал автор пародийной элегии. Другой спешил опубликовать издевательскую оду «Правдивое и достоверное описание чудовища из Малмсбери». Остряки упражнялись в выдумывании шутовских эпитафий: «Здесь погребен Том Гоббс — пугало народа, со смертью его атеизм вышел совсем из моды». И как приговор современников прозвучало мнение английского священника Джона Фелла о творчестве Гоббса — «монстросиссимум» — наичудовищнейшее.

Человеку, который составил бы себе представление о Гоббсе по этим высказываниям, личная встреча с философом принесла бы приятное разочарование. Вместо злобного, уродливого существа, он увидел бы высокого, очень прямого для своих лет старца с благородной формы лбом и прекрасными глазами.

Современники с удивлением отмечали, что читал Гоббс сравнительно мало. Да он и сам не отрицал этого и нередко говорил: «Если бы я читал так же много, как и другие, я был бы так же невежествен, как и они». Такое странное для кабинетного ученого заявление объясняется довольно просто: у Гоббса была уникальная возможность компенсировать недостаточность чтения беседами с самыми крупными мыслителями своего времени. В его время на сравнительно небольшом пространстве Западной Европы жили и работали такие философы, как Фрэнсис Бэкон, Декарт, Паскаль, Гельвеций, Мерсенн... Живой разговор, остроумие, блеск ума, над которым, казалось, безвластно даже время, заставляли собеседника Гоббса забывать о его возрасте. И лишь паралитическое дрожание рук — мучительное препятствие для работы — напоминало гостям, что перед ними очень старый человек.

Тем не менее до последних дней Гоббс почти не нуждался в посторонней помощи. В 60 лет он перешел к предельно умеренному образу жизни. Каждый день он поднимался в 7 часов утра, съедал бутерброд и гулял в парке до 10 часов. В 11 ему подавали обед, после он удалялся в кабинет.

На улице мог завывать зимний ветер, царить веселая весенняя распутица, сиять летнее солнце или лить нескончаемый осенний дождь, но в этой комнате ровно в полдень всегда плотно занавешивали окна и зажигали свечу. Сидя в кресле, расхаживая в комнате, покуривая трубку, Гоббс размышлял, листая книги, или, пытаясь унять дрожь в руках, писал до вечера.

Он коротал время, переводя Гомера, занимаясь историей, перекладывая на стихи свою биографию.

Возможно, он вспоминал не даты, а наиболее яркие, запомнившиеся на всю жизнь впечатления. Пребывание в университете для него навсегда осталось связанным с переплетными мастерскими и книжными лавками Оксфорда, где он часами лежал на полу, разглядывая географические атласы и карты. Главным, что делало ненужным любой университет человеку, живущему в доме графа Девонширского, была великолепная библиотека. Быть может, наконец сделать решающий выбор Гоббсу помогло знакомство с Бэконом Веруламским — великим философом и незадачливым канцлером. Отставной канцлер утверждал, что никто не понимал его так хорошо.

Наверное, в памяти Гоббса навсегда осталось событие, которое помогло понять веяния времени, хотя впоследствии и принесло неисчислимые страдания. Ему перевалило уже за сорок, когда он впервые столкнулся с математикой. В библиотеке одного из своих друзей он случайно увидел «Начала» Евклида, раскрытые на 47-й теореме. Прочитав ее, Гоббс воскликнул: «Клянусь! Этого не может быть!» Тут же он прочел доказательство, отсылавшее его к предыдущей теореме. Он прочел и ее, потом следующую, и т. д., пока с изумлением не убедился, что все правильно.

Магия строгого доказательства зачаровала Гоббса. Он едет во Флоренцию к ослепшему, поруганному, умирающему Галилею — великому человеку, «который первым открыл ворота натуральной философии». Во время своего очередного путешествия на континент он ищет знакомства с хлопотливым аббатом Мерсенном. Не будучи сам крупным математиком, Мерсенн оказался идеальным посредником, через которого переписывались и у которого встречались лучшие философы и математики Европы — Ферма, Паскаль, Декарт, Гюйгенс, Гассенди. Мерсенн принял Гоббса с распростертыми объятиями, он познакомил его со своими друзьями. И у него Гоббс впервые мог обсудить идеи, над которыми прежде размышлял один.

Именно в это время у Гоббса созрел великий замысел: создать универсальную систему философии. Он решил, что личность можно рассматривать как мост между мертвой природой и обществом. Поэтому труд его жизни должен состоять из трех частей: «О теле», «О человеке», «О гражданине». Это уникальное произведение покажет миру, что его автор одинаково силен в математике и естественных науках, в психологии и морали, в политике и в богословии. И он не станет довольствоваться лишь наблюдением мира.

Он будет доказывать свои положения с такой же неодолимой последовательностью, которая придает почти мистическую достоверность математическим доказательствам. Но с выполнением этого грандиозного плана следовало спешить — философу уже шел пятидесятый год...

1637 год застает Гоббса на родине: он горит желанием погрузиться в работу. Но в это время во всей Европе невозможно было найти страну, которая меньше подходила бы для тихих кабинетных занятий, чем Англия. Более чем десятилетняя борьба короля с парламентом близилась к кровавой кульминации. В списке событий, предшествовавших великой революции, уже заполнена большая половина строк. Уже многократно Карлу I отказано в субсидиях, уже не раз по его приказу насильственно взимались незаконные поборы, уже убит королевский фаворит герцог Бекингемский, уже получили высокие посты новые фавориты, ненавидимые народом, — епископ Лод и граф Страффорд, уже томятся в заключении лидеры оппозиции.

Гоббс слишком хорошо знал историю Греции и Рима, чтобы не предвидеть грядущих событий. Связанный с се-

мьей Девонширов, он, естественно, был сторонником короля. И вот, желая предупредить соотечественников об ожидающих их бедствиях, он забрасывает работу над великим замыслом и пишет краткое изложение своих политических взглядов, защищая в них привилегии короля. И когда три года спустя парламент настоял на аресте Страффорда и Лода, когда взволновалась Шотландия, Гоббс понял, что настало время бежать...

Он появился в Париже в конце 1640 года, и последующие 11 лет оказались периодом самой напряженной и продуктивной работы. События заставили его изменить очередность: через два года появляется третья часть его труда — трактат «О гражданине». Затем он погружается в изучение математики, механики и оптики. И уже через два года в парижских научных кругах о нем говорят как о физике новой школы, желающем применить механические принципы к психологии и этике, как об одном из математиков, наиболее хорошо знакомых с проблемой квадратуры круга. Этой репутацией Гоббс был обязан работе над первой частью замысла — трактатом «О теле», опубликованным в 1655 году.

В то время как Гоббс в тиши парижского кабинета решал проблемы силы и движения, совсем другие проблемы решались в Англии силой меча. По дорогам, горным перевалам и полям страны двигались грозные полки «Новой модели» — революционной армии, созданной Оливером Кромвелем. «Железнобокие» одерживали одну победу за другой, и рассеянные в боях роялисты толпами прибывали в Париж. В 1646 году здесь появился наконец сам принц Уэльский — сын Карла I. Его появление оказалось спасением для Гоббса, лишенного к этому времени всяких средств к существованию. Он с радостью принял предложение обучать принца математике, и эта служба через много лет пригодилась ему в Лондоне не меньше, чем в Париже.

Крутой поворот событий на родине, который завершился глухим ударом топора, снесшего с плеч голову Карла I Стюарта, властно отвлекал Гоббса от его академических трактатов. Он лихорадочно работал над новой книгой, о которой в эмигрантских кругах ходили самые чудовищные слухи. Наконец один из известнейших роялистов будущий историк граф Кларендон решился в упор спросить у Гоббса, каким проблемам посвящена работа. «Боюсь, что вам не понравятся эти идеи», — ответил философ. И когда Кларендон осведомился, зачем Гоббс публикует их, тот грустно заявил: «Все дело в том, что я собираюсь вернуться домой...»

Эта книга Гоббса — знаменитый «Левиафан» — вышла из печати в Лондоне в 1651 году. Эмиграция встретила ее появление «дикими криками озлобленья». «Хитрой лестью Кромвелю» назвал ее Кларендон. А один из ближайших советников принца маркиз Ормонд передал Гоббсу отказ принца принять его, объяснив это тем, что на философе лежит тяжелейшее обвинение в неверности и безбожии.

После 11-летнего добровольного изгнания у отвергнутого эмигрантами-роялистами и преследуемого французскими клерикалами Гоббса оставался лишь один выход — вернуться на родину, которую он оставил в свое время с такой готовностью, и искать защиты у революционного государства, противодействию которому он отдал столько сил. Жестокие зимние штормы не остановили его. В 1651 году он пересек Ла-Манш и вернулся домой, чтобы никогда больше не покидать зеленых берегов своего отечества. Здесь в 1658 году изданием трактата «О человеке» он завершил дело своей жизни. Здесь его застала смерть Оливера Кромвеля и последующая реставрация монархии. Здесь до конца своих дней он вынужден был нести бремя нападок, издевательств и насмешек, быть может спасаемый от физической расправы лишь благоволением короля Карла II, бывшего принца Уэльского, которого он учил математике...

Главной причиной всех злоключений и страданий Гоббса оказались его философские идеи. Но, как это ни парадоксально, они же принесли ему мировую известность и спасли от многочисленных житейских невзгод. Одни и те же принципы сделали его «первым среди тех, кто покинул Англию» в преддверии революции, и помогли ему вернуться на родину, свергшую королевскую власть. Одни и те же труды заставили принца Уэльского отказаться от встречи со своим бывшим учителем и с радостью приветствовать его после реставрации монархии. Понять эти странные на первый взгляд причуды судьбы невозможно, если не сопоставить биографию Гоббса с веяниями того беспокойного века.

Грозные и сложные события предшествовали полутайному возвращению Гоббса на родину холодным декабрьским днем 1651 года. Именно в том году после победы при Вустере революционный генерал Оливер Кромвель достиг вершины своей славы и популярности. Его влияние, проницательность и властность начали беспокоить парламент молодой республики. И однажды, когда он резко заявил о необходимости избрать новых членов парламента, ему жестко ответили, что не менее необходимо избрать и нового генерала. На этот раз парламент считал себя способным сделать больше, чем он мог на самом деле, ибо сила была на стороне Кромвеля.

Он уже давно раздумывал над двумя открывшимися перед ним возможностями: дать полный простор революции, вознесшей его на такую высоту, или попытаться остановить ее, взяв бразды правления в свои руки. Он ни на секунду не сомневался в том, что может возвратить стране спокойствие и порядок. Но этот «грубый и мужиковатый воин, которого таланты соответствовали всем высочайшим обязанностям воина и государя», понимал, с какого сорта трудностями столкнется во втором случае.

Генерал предвидел, что многие друзья и соратники обвинят его в предательстве и станут смертельными врагами, если он решится взять в свои руки верховную власть. И теперь, в 1651 году, он хотел бы найти человека, который мог бы теоретически обосновать его право на власть.

И как это ни дико звучит, такое обоснование дал Томас Гоббс — живший в эмиграции философ, известный приверженец короля, только что издавший книгу «Левиафан»...

В 1647 году в Париже, когда аббат Мерсенн пришел к долго болевшему Гоббсу, врачи сказали ему, что положение больного безнадежно. Добрейший аббат стал убеждать Гоббса как можно скорее получить отпущение грехов у католического священника и неожиданно услышал твердый раздраженный ответ: «Отец! Я давно решил для себя эти вопросы и не собираюсь теперь обсуждать их. Вы можете сообщить мне нечто гораздо более интересное. Скажите, давно ли вы видели Гассенди?» Спустя два дня Гоббс причастился у англиканского священника...

Этот полусмешной, полупечальный эпизод — великолепная иллюстрация практического применения теоретических построений самого Гоббса. Судя по всему, он был неверующим человеком. И если тем не менее он исповедовался, предпочтя при этом англиканского священника католическому, то у него должны были быть серьезные причины поступить именно так.

Одна из важнейших особенностей английской революции — сплетение в один клубок политических и религиозных проблем. Сами названия борющихся партий — католики, пресвитериане, индепенденты, квакеры — свидетельствуют о том, что мощные, неосознанные еще классовые противоречия вылились здесь в форму религиозных столкновений. Не удивительно поэтому пристальное внимание к ним Гоббса.

Обязательными для исполнения Гоббс считает предписания гражданской власти. Ведь если бы граждане подчинялись не законам государства, а канонам церкви, то государства просто распались бы. И если они все-таки существуют, то лишь потому, что церковь сама подчиняется гражданской власти. «Должен быть один верховный правитель, иначе необходимо возникнут в государстве мятеж и гражданская война между церковью и государством, между приверженцами духовной власти и приверженцами мирской власти, между мечом правосудия и щитом веры».

Таким верховным правителем, конечной инстанцией во всех разногласиях должно быть, по мнению Гоббса, лишь государство. «Страх перед невидимой силой, придуманной умом или воображаемой на основании выдумок, допущенных государством, называется религией». То же, «почерпнутое из выдумок, не допущенных государством, называется суеверием». «Церковь, собравшаяся в каком-либо государстве, запретившем ее собрание, является незаконным собранием». «Ересь — упрямо защищаемое частное мнение, идущее вразрез с тем мнением, которое государственное лицо постановило пропагандировать!»

«Нет на земле такой универсальной церкви, которой все христиане были бы обязаны повиноваться, так как нет такой власти на земле, по отношению к которой все другие государства были бы подданными». Эти слова философа можно было бы принять за тонкий намек по адресу католической церкви и ее главы папы римского, если бы Гоббс не счел необходимым еще больше прояснить свою мысль: христианские короли «могут поручить управление своими подданными в делах религии папе, но тогда папа подвластен в

этих вопросах им, и он выполняет это поручение на чужой территории именем гражданского суверена, а не именем бога...»

«Вера не имеет отношения к принуждению и приказаниям и не зависит совершенно от них...»

Наказывать подданных может лишь гражданский суверен. Но он не имеет власти над верой. Он может требовать лишь формального выполнения обрядов и предписаний церкви. И если бы нам в нехристианском государстве предписали «выражать языком или внешними знаками исповедания, противные христианству, то мы должны были бы повиноваться законам государства, сохраняя в сердце веру в Христа». Здесь слова Гоббса не расходились с делом. Именно об этом свидетельствует случай с аббатом Мерсенном, когда философ предпочел англиканского священника католическому.

Можно понять бешенство и озлобление католического духовенства. Ведь то было время, когда отлучением от церкви папы римские низлагали и унижали королей, по собственному усмотрению распределяли короны. Время, когда на кострах инквизиции тысячами сжигались люди, не угодившие церкви. И вот теперь дерзкий англичанин, можно сказать, между делом, перечеркнул вековые привилегии церкви. Больше того, он — глубокий знаток Библии — показал, что все притязания Рима на власть над христианами во всем мире зиждятся на нагромождении ошибок в толковании Библии.

Рассмотрев Библию с позиций своей теории государства, он предложил толковать понятие «царство божие» как гражданское царство, то есть как государство, которым правит сам бог, как суверен, через уполномоченного своего Моисея. Потом израильтяне, как известно, отказались от такого правления и избрали на царство Саула. Но согласно предсказаниям пророков за этим царством — царством человеческим — грядет царство Христово, то есть такое, в котором Христос будет гражданским сувереном. Такое буквальное толкование царства божия разом отсекает утверждения духовенства, будто церковь уже сейчас есть царство Христово, низводит ее до уровня собраний, разрешенных государством, и, что обиднее всего, отнимает у нее все мирские привилегии. И Гоббс не преминул их перечислить.

Прикрываясь именем служителей бога, папа заставил христианских государей верить, что неповиновение ему есть неповиновение самому Христу, и стал в итоге универсальным монархом всего христианского мира. Назначая сам, независимо от гражданских правителей, епископов, папа в каждой стране имеет множество влиятельных агентов.

Папы, претендующие ныне быть государями государей, в свое время сами получили свое имя и титул из рук гражданского суверена — императора Константина. У греков и римлян христиане заимствовали обычай носить иконы во время процессий, применять свечи и святую воду. «Всякий, кто займется вопросом о происхождении этой великой церковной власти, легко заметит, что папство представляет собой не что иное, как привидение умершей Римской империи, сидящее в короне на ее гробу. Ибо папство внезапно появилось из развалин этой языческой власти».

29 мая 1660 года, разглядывая через окна кареты толпы ликующих лондонцев, Карл II — сын казненного короля, возведенный на английский престол интригами генерала Монка, — иронически заметил: «Я сам виноват, что не вернулся раньше, так как каждый уверяет меня, что страстно желал моего возвращения».

Новый король — беспутный, легкомысленный весельчак, который, нуждаясь в деньгах, с легкостью готов был за кругленькую сумму отречься от престола и которого порой лишь редкая обходительность спасала от народного гнева, — не был злопамятен. Его встреча с Гоббсом — яркое тому подтверждение. Однажды, проезжая по Стрэнду, он увидел на улице Гоббса. Тут же велел остановить карету и сердечно приветствовал своего бывшего учителя, которого в свое время отказался удостоить аудиенции. Через неделю, позируя художнику, Карл принял Гоббса в своем кабинете и был настолько очарован его тонкой и остроумной беседой, что велел свободно пропускать Гоббса в свои покои. Позднее он даже заказал себе портрет Гоббса и назначил ему пенсию, которая, впрочем, не всегда регулярно выплачивалась.

Гоббс нравился Карлу чисто по-человечески, но были у короля и более веские причины поддерживать философа. Карл II ненавидел англиканское духовенство, которое налагало ограничения на стремление к свободе действий этого беспутного монарха. В пику епископам он сам стал заниматься в специально оборудованной лаборатории изучением свойств ртути и принял под свое покровительство те полутайные сборища ученых, которые вошли потом в историю как Королевское научное общество — британская академия наук. Удивительно ли, что Гоббс оказался находкой для Карла?

Благоволение короля создало моду на Гоббса. В разных слоях лондонского общества появились молодые люди, именовавшие себя «гоббистами». Эта популярность привлекла внимание парламента к персоне философа. Парламент 1660 года, собравшийся после реставрации монархии, естественно, оказался настроен весьма верноподданнически. И одним из самых важных стало его решение защищать англиканскую церковь и от нападок воинствующего протестантства, и от притязаний папства. Парламент лишний раз подтвердил мысль, которую укрепила в умах англичан революция: верный роялист не может не быть верным сыном англиканской церкви. Именно здесь и лежит корень злоключений Гоббса на склоне его лет. Философа, не стесняющегося приписывать все смуты в государствах распущенности духовенства, едва ли кто-нибудь рискнул бы назвать верным сыном церкви. В то время как в близких ко двору кругах к основоположнику «гоббизма» относились с уважением, в клерикальных кругах его провозглашали архиврагом морали и религии.

Гоббсу нравилась роль неофициального контролера, проверяющего каноны и решения духовенства. Со времени «каждый молодой воинствующий богослов спешил испробовать свои доводы, обрушивая их на сияющий стальной шлем Гоббса». Но очень скоро эти споры перешли из теоретического богословия в сферу практической политики. И Гоббс обнаружил себя оправдывающимся в своих писаниях перед королем: «Мое единственное утверждение — церковь должна быть подчинена государству, что, я надеюсь, Ваше Величество не сочтет ни атеизмом, ни ересью». Гоббс, всю жизнь хохотавший над суевериями, неожиданно стал их жертвой. В 1666 году распространился слух, будто чума и великий лондонский пожар — божья кара за безверие и богохульство. Парламент в срочном порядке принял решение о борьбе с атеизмом и признал «Левиафан» вредной книгой, подлежащей запрещению и уничтожению. Сначала Гоббс, уверенный в благоволении короля, не принял этих событий всерьез. Но когда Карл потребовал от него не публиковать сочинений, касающихся религии и политики, он понял: настают тяжелые времена.

И действительно, затяжные ожесточенные споры с оксфордскими математиками, членами Королевского общества и крупнейшими богословами, теперь выродились в жалкий фарс. Лишенный возможности отвечать ударом на удар, Гоббс, клокоча от негодования, читал злобные измышления своих противников. «Мою славу, поскольку она уже давно распространилась по свету, уже нельзя отнять у меня», — грустно сказал он как-то одному из друзей. В другой раз, задетый за живое, он выразился резче: «Чего стоят мои труды — не им судить. Но теперь, когда меня вынудили, я должен сказать им, что ни они, ни я сам уже не сможем погасить тот свет, которым мои исследования осветили мир».

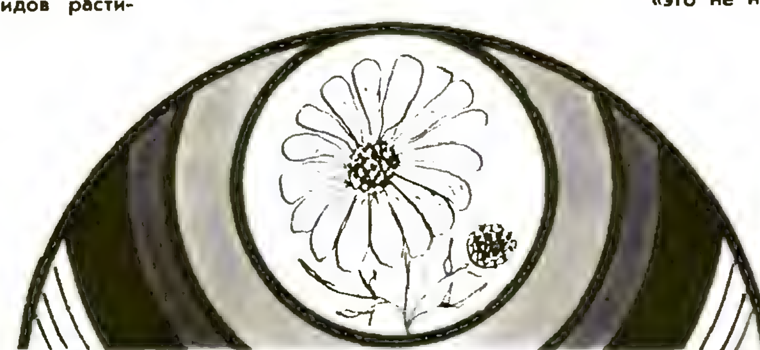
Гоббс ждал смерти и не боялся ее. Однажды он даже предложил своим друзьям придумать для него эпитафию. С удовольствием и смехом читал он предложенные варианты, из которых ему больше всего понравилась такая: «Вот поистине настоящий «Философский камень».

Три имени украшают XVII век английской философии — Фрэнсис Бэкон, Гоббс и Локк. Бэкон умер в 1626 году, труды Локка появились лишь в девяностых годах. Поэтому творчество Гоббса представляло собой высший взлет британской философии в течение более чем полувека.

Понадобились столетия, чтобы злоба дня отлетела от имени философа и чтобы потомки смогли по достоинству оценить его идеи. Французские энциклопедисты были в большей или меньшей степени его учениками. О нем как о первом последовательном материалисте отзывались Меринг и Фейербах. Его неумолимой логикой восхищался Маркс, его острые слова любил повторять Энгельс.

В закоснелой свирепости мысли своей, писал о Гоббсе А. Герцен в 1845 году, не нашел доказательства ничему божественному. Примерно в то же время английский историк Бокль пришел к выводу, что Гоббса по праву следует считать «страшнейшим из противников, каких встречала до тех пор духовная иерархия».

Ю. ШКОЛЕНКО, кандидат философских наук



Экологическая мораль природы

ДАВНО прошли времена, когда люди относились к природе с позиций, по выражению Маркса, «наивной непосредственности»[1], потребляя ее блага, казавшиеся неисчерпаемыми. В наше время хозяйственная деятельность человека по своему размаху и интенсивности сравнялась с глобальными природными процессами, а быть может, и начала превосходить их. Вот почему природа не всегда и не везде успевает перерабатывать отходы производства и быта и возвращать чистыми воду и воздух, возобновлять леса и поголовье диких животных.

Сегодня экология, занимавшаяся ранее «академическим» исследованием условий существования видов растительного и животного мира, превращается в отрасль знания, которая рассматривает острые проблемы сосуществования человечества и биосферы Земли. Она становится комплексной наукой, в развитии которой участвуют не только специалисты в области естествознания, но и обществоведы, не только ученые, но и политики и юристы. Охрана природы, бережное отношение к ней стали конституционной обязанностью советских граждан (статья 67 Конституции СССР). Законодательные акты об охране природы приняты и во многих зарубежных государствах.

Однако дело сбережения, развития, улучшения нашей природной среды не обеспечивается одними лишь законодательными актами. Речь идет о перестройке некоторых сторон нашего мировоззрения, которое должно включать в себя не только созерцание природы, потребление ее богатств, но и ответственность человека за ее сохранение и совершенствование.

Может ли и должен ли человек взять на себя такую ответственность? На Западе выходит множество исследований и публицистических работ, в которых фигурирует понятие «экологического кризиса», якобы неотвратимо наступающего на человечество. Группа бизнесменов, ученых, экспертов, деятелей культуры, известная под названием «Римский клуб», разрабатывает программу «выживания» человечества, не очень веря в ее успех, и выпускает издания, которые рисуют апокалиптическую картину взрыва противоречий между растущим населением и производством, с одной стороны, и гибнущей, хотя и сопротивляющейся природой — с другой.

ЭТИКА ПРИРОДЫ ИЛИ ЭТИКА ЧЕЛОВЕКА!

Если человеческая деятельность достигла масштабности естественных процессов и в этом смысле как бы сравнялась с природой, не значит ли это, что природа стала субъектом этики «на равных» с человеком? Этика всегда была ориентирована на человека, всегда была антропоцентрической, занимаясь рассмотрением отношений между человеком и человеком, человеком и обществом. Теперь же предметом не только экономических, научно-технических и т. п., но и нравственных оценок становятся отношения между человеком и природой.

В этой связи в зарубежной философско-этической литературе поднимается вопрос о желательности отказа от традиционного антропоцентризма в этике, о создании «этики природы». Предметом, центром и целью ее должен выступать не человек, а природа как целое, лишь частью которой является человек. Еще в 20-е годы нашего века известный врач, просветитель и философ Альберт Швейцер выдвинул в качестве главного этического принципа принцип «благоговения перед жизнью», имея в виду всякую жизнь — людей, животных, растений. «Благоговение», по Швейцеру, предполагает также и самоотречение индивидуума ради жизни и существования всего окружающего. Такая этика, писал он, «осмеливается признать, что самоотречение должно совершаться не только ради человека, но и ради других существ, вообще ради любой жизни, встречающейся в мире и известной человеку. Эта этика поднимается до идеи отношения человека к человеку лишь как выражения его отношения к бытию и миру вообще».

Альберт Швейцер заслужил глубокое уважение современников и потомков своим личным подвигом: он посвятил жизнь созданной им больнице для прокаженных в деревушке Ламбарене в Экваториальной Африке. Но справедлива ли его «этика природы»? Если центром и целью нравственных правил и моральных норм считается не человек, а «мир вообще», то не лишним ли оказывается сам человек в «этике природы»? Американский философ У. Блэкстоун, выступивший на 16-м Всемирном философском конгрессе (Дюссельдорф, 1978 г.), утверждает: и животные, и даже такие объекты природы, как деревья, реки, горы, океаны, обладают не меньшей ценностью и правом на существование, чем человек. Другой философ из США Дж. Фейнберг идет еще дальше — допускает, что если бы человечество уничтожило себя, но без вреда для остальной земной природы, то «это не нарушило бы ничьих прав».

Подобное ценностное, юридическое и этическое уравнивание людей со всеми прочими объектами природы и, тем более, допущение, что исчезновение человечества ничем не повредило бы природе, — симптом деградации нравственности, в частности упразднения человеческой ответственности перед природой, точнее — ответственности перед другими людьми и поколениями через посредство природы. А такая ответственность предполагает не только вмешательство человека в дела природы и даже не только сбережение природы, но и ее развитие в нужном и пригодном для человека направлении, ее «очеловечение». Еще молодой Маркс писал, что **«природа,** взятая абстрактно, изолированно, фиксированная в оторванности от человека, есть для человека **ничто»**[2]. Это совершенно не означает некоего человеческого «эгоизма» по отношению к природе. Но если Швейцер «сквозь» человека видел природу вообще, то Маркс всегда видел человека «сквозь» окружающую нас природу.

Строго говоря, этического отношения человек — природа не существует, а есть отношение человек — человек, человек — общество. Если бы та или иная форма пользования природой не вредила человечеству (в хозяйственном, физиологическом, научном, мировоззренческом, эстетическом и многих других отношениях), то она никогда не была бы предметом этического рассмотрения и осуждения. Например, подсечно-огневая система земледелия (одна из древнейших) заключалась в уничтожении лесов огнем и использовании под посевы отвоеванных таким образом

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, стр. 463.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 42 стр. 172.

площадей. Историки не осуждают за это первых земледельцев. Но теперь этот способ грозит стереть с лица планеты некогда пышные тропические леса. Да и культивированные таким способом земли вскоре становятся непригодными для хозяйственного использования. Проблема сбережения лесов стала поэтому не только хозяйственной, но и этической: мы не должны оставлять пустыни грядущим поколениям. Но это не есть «этика природы». Это есть этика человека.

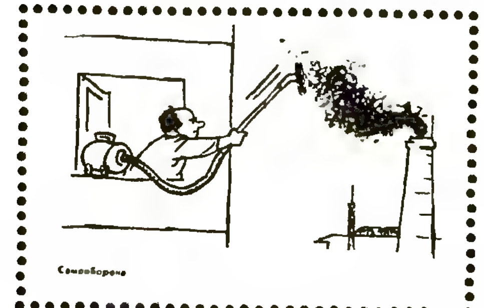
ОТ СОЗЕРЦАНИЯ.— К ПРЕОБРАЗОВАНИЮ

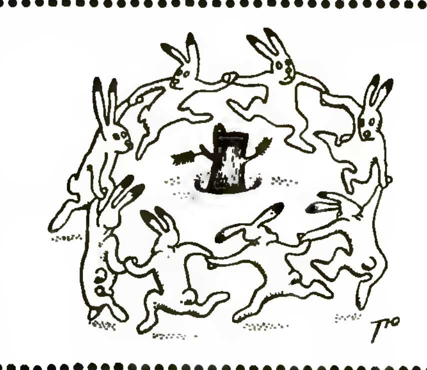
Итак, оставаясь центром этики в нравственном подходе к окружающей его природе, человек исходит из того, что ему нужна не всякая, а лишь «гуманизированная», «очеловеченная» природа. Естественная, нетронутая среда — не всегда самая лучшая среда для нашего обитания. Безводная пустыня нуждается в орошении, болота — в осушении, ледяная и скудная тундра — в благоустроенных поселках и оранжереях, своенравные реки — в дамбах и плотинах и т. д.

Сегодня человек может жить и работать в арктических льдах, в глубинах океана, в Космосе. Ойкумена (сфера обитания) первобытного человека была невелика — места с готовыми в пищу растениями и животными, водой, естественными укрытиями от непогоды и хищников. Человек не мог расширять свой пространственный мир, не переделывая его для своих нужд и своей безопасности. Можно согласиться с изречением из Евангелия от Луки: «Ибо что пользы человеку приобрести весь мир, а себя самого погубить или повредить себе?» (гл. 9, ст. 25). Современный человек «приобретает мир» не голыми руками, а с помощью техники и науки, с помощью ледокола, батискафа, космического корабля. Если нет готовой среды, пригодной для его обитания, — он создает ее, преобразуя «нечеловеческую» природу.

Среди экологов идет сейчас большой спор: нужно ли преобразовывать природу, и если нужно, то в какой степени? Вопрос этот не прост. С одной стороны, есть случаи, когда человек не может жить в природе, не трансформируя ее, не создавая свою микросреду — жилище, кабину и т. п. С другой стороны, его существование оказывается непрочным и уязвимым в слишком искусственной среде. Известны нежелательные физиологические следствия жизни в крупных и неблагоустроенных городах: повышенный уровень сердечно-сосудистых заболеваний, нервных и психических расстройств, травмы от избытка углекислоты, шумов, транспортных происшествий.

В XX веке ежегодно безвозвратно исчезает в среднем один вид животных или растений, не выдержавших превращения биосферы в биотехносферу. А между тем именно весь разнообразный и многочисленный мир флоры и фауны нужен человечеству в его практической деятельности, для психического равновесия и эстетического воспитания. Очевидно, путь прогресса общества в его взаимодействии с природой пролегает по золотой середине — между трансформацией и сбережением природной среды. А вдумчивое и заботливо-осторожное отношение к природе — это и этическое отношение к ней.





Правда, известный американский эколог Барри Коммонер сомневается в способности человека разумно находить такую золотую середину. «Природа знает лучше»,— вот один из сформулированных им законов экосферы. Он разъясняет этот закон следующим образом: «...Похоже, что структура организма нынешних живых существ или организация современной природной экосистемы — наилучшая, в том смысле, что они были тщательно отобраны из неудачных вариантов и что любой новый вариант скорее всего будет хуже существующего ныне». Отвечая Коммонеру, академик Е. К. Федоров считает, что данный закон «справедлив лишь для прошлого, уже теряет свое значение для настоящего и безусловно не может сохраняться для предстоящих этапов взаимодействия общества и природы». И в самом деле, природа добивается той или иной структуры, организации, равновесия долгим и мучительным путем «проб и ошибок»; сам Коммонер признает, что она производит отбор из неудачных вариантов.

Конечно, природа реально действует по всей «сумме законов» естественного мира, всей совокупности которых мы не знаем. Но природа не знает этих законов совсем, она не действует целенаправленно, телеологично, и упомянутая формула Коммонера оказывается лишь литературным оборотом, лишенным научного и методологического значения. Если же мы снова обратимся к Швейцеру, то даже он, призывая вывести человека из центра этики, признает, что «в мировом процессе не обнаруживается той целесообразности, которая могла бы подчинить себе деятельность человека и человечества». А если целесообразность есть свойство исключительно человеческой деятельности, то и этическая категория ответственности (а без нее этике не обойтись) тоже применима лишь к человеку.

Разумеется, человеку тоже свойственно пробовать и ошибаться, но он делает несравненно меньше ошибок, чем природа, ибо сначала ставит перед собой цель и, как правило, размышляет над ней на теоретическом уровне.

Самооборона. Без слов.
Рисунки Н. Капусты.

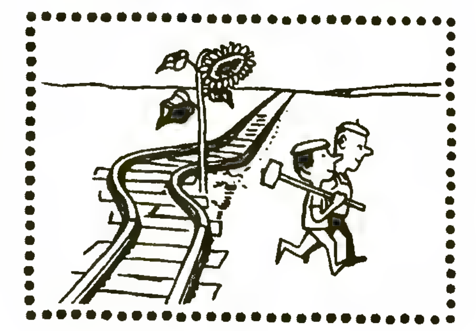
Без слов. Без слов.
Рисунки С. Тюнина.

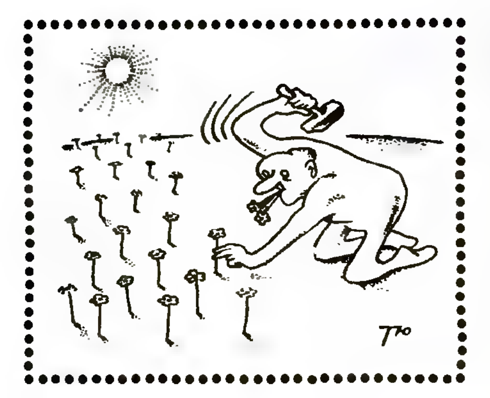
Надо сказать, что, будучи активным преобразователем природы в своих интересах, человек ныне все более и более выступает также и в качестве вдумчивого ученика природы. Скажем, одна из новейших отраслей науки — бионика изучает природные механизмы, чтобы использовать их в технике: ультразвуковая локация и ориентация дельфинов и летучих мышей имитируется в приборах наведения и контроля, нервная система высших животных и самого человека остается идеалом для электронно-вычислительных систем и т. п.

Вернемся, однако, к этике. Не оказывается ли трансформация природы, совершаемая в интересах человека, ее уродованием и угнетением? Действительно, еще английский философ-материалист XVI—XVII веков Фрэнсис Бэкон считал воздействие человека на природу наложением на нее некоего «ига». Он писал: «Во всем, что создано силой искусства, природа принимает иго, налагаемое властью человека, ибо никогда такого рода вещи не могли бы возникнуть без человека. Но, — продолжал Бэкон, — труд и усилия человека дают возможность увидеть совершенно новый облик предметов, как бы иной мир (universitas) или иной театр вещей».

Сразу же оговоримся: этот «иной театр вещей» может выступить и в виде признаков экологического кризиса, что мы и наблюдаем в наше время, когда шлейфы пыли и газа над промышленными центрами видны даже из Космоса, а песчаные и меловые пляжи Западной Европы чернеют от нефтяного прибоя после крушения супертанкеров. Но, к счастью, бывают «театры вещей» другого рода: ровные ряды посадок, обилие лосей в Подмосковье, зубры в Полесье, появление овцебыков на Таймыре и многое другое. Бэкон сделал подлинное открытие — показал, что воздействие человека на природу всегда открывает новые качества и «таланты» самой природы, которые без участия человека, быть может, не проявились бы никогда. Человек выступает постановщиком в театре природы.

Живая природа не стоит на месте. Она развивалась до появления человека и уже тогда безвозвратно теряла многие виды (динозавры, докаменноугольная растительность и т. п.) и создавала новые. Но «косная» природа в своем развитии имеет «энтропийную» склонность к упрощению и, в конечном счете, естественному затуханию и гибели.





Ученые полагают, что, если бы природа Земли была предоставлена самой себе, ее историю завершили бы насекомые — как существа, наиболее неприхотливые и стойкие к внешним воздействиям.

Так что трансформация природы человеком, если эта трансформация разумна, не есть уродование и, следовательно, ослабление живой природы. Напротив, она может и должна означать укрепление и обогащение природы, противостояние и противодействие энтропии. Именно такая природа нужна человеку, и эта наша потребность не противоречит, а отвечает «интересам» самой природы.

Когда-то созерцание природы считалось уделом поэтов. Оно родило наскальную живопись, древнюю философию, астрономию. Когда-то это было и этически благородным занятием. Оно не перестало быть таковым и теперь. Но сейчас неэтично ограничиваться одним созерцанием, необходимо оказывать помощь природе, а помощь всегда была тоже нравственной категорией.

ЭТИКА ОТЧУЖДЕНИЯ

Вопросы нравственности, норм поведения человека занимают важное, можно сказать, основное место во всех вероучениях. Как же соотносятся между собой в наше время религия и задачи охраны и развития окружающей среды? Говоря о религии, мы будем преимущественно иметь в виду христианскую традицию, примыкающую к так называемой «западной культуре», охватывающей большинство промышленно развитых капиталистических стран, где экологическая проблема принимает наиболее тревожные формы.

В первобытных верованиях люди отождествляли себя с другими представителями животного и растительного мира. Это находило отражение в различных видах тотемизма (до сих пор, например, у лопарей Кольского полуострова живы устные предания о происхождении этого народа от оленя).

С возникновением единобожия перед человеком выступал уже не сонм богов, каждый из которых олицетворял конкретный вид или силу природы, а единый владыка, находящийся вне природы и над нею, создатель ее и человека. Тезис о человеке, созданном богом по подобию божьему, конструировал умозрительную систему человек — бог, в которой реальным компонентом был лишь человек и единственно человек. И он оказывался поистине одиноким, ибо для него Земля была безразлична — как временная среда телесного существования души. Этот антропоцентризм в его религиозном преломлении, быть может, был первым симптомом и одной из предпосылок небрежения к земной природе, отчуждения от нее.

Ныне некоторые западные экологи, пытающиеся привлечь церковь к решению проблем окружающей среды и формированию «экологической морали», предлагают сделать символом единения теологии и экологии святого Франциска, якобы умевшего разговаривать со зверями и птицами (аналогичным образом покровитель путников святой Христофор уже считается патроном астронавтов). Что же касается православной церкви, то, например, М. С. Иванов, преподаватель Московской духовной академии, в статье «Христианское отношение к природе» подчеркивает необходимость отличать позитивное отношение религии к мирозданию, природе, с одной стороны, от ее негативного отношения к «миру», «мирскому», нерелигиозному — с другой. Однако он признает, что смешение этих понятий сильно укоренилось в сознании многих христиан[3].

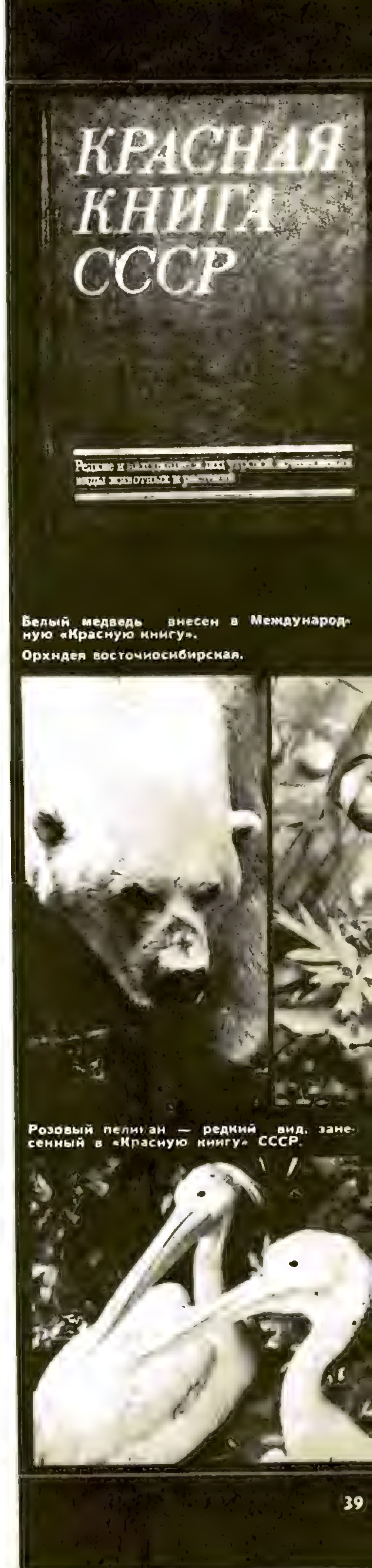
Зарубежные исследователи прямо вынуждены признавать принципиальное безразличие христианской доктрины ко всему земному, включая земную природу. Показательны в этом отношении рассуждения американского философа У. О'Брайента. Говоря о кризисе окружающей среды, он полагает, что трудности в его преодолении связаны с наличием двух исключающих друг друга точек зрения: религиозной, согласно которой человек, по существу, находится вне природы, и научной, по которой человек — часть природы. «Кризис окружающей среды, — пишет он, — есть один из аспектов гораздо более глубокого кризиса нашей культуры — нашей неспособности быстро, эффективно и действенно разрешить эту дихотомию».

Казалось бы, данная дихотомия разрешается недвусмысленно в пользу науки, тем более что О'Брайент уже охарактеризовал религию как строй идей, отчуждающих нас от природы. Тем не менее он делает неожиданный вывод, низводя науку до вспомогательной роли, до роли «служанки богословия» в духе установки неотомистской философии, и возвышая религию до положения руководителя в нынешней сложной экологической ситуации. Он пишет: «Наука и техника могут дать нам средства, но религия и философия должны определить цели».

Каким же образом религиозная идея отчуждения человека от земной природы может указывать нам экологические цели? Вот действительно неразрешимая дихотомия!

Попытки приобщить идею бога к поистине всемирному движению в защиту природы, против обеднения и деградации биосферы во многом объясняются стремлением скрыть истинного виновника экологического неблагополучия — частнособственническую психологию, принцип прибыли вместо принципа человеческого блага — то есть все то, что порождено и порождается системой капитализма — первого и главного виновника кризисных явлений в природе. Капитализм оказался сам затронут ими в наибольшей степени и теперь пытается выправить положение, «экстраполируя» свои врожденные пороки на все человечество.

[3] См.: «Журнал Московской патриархии», 1976, № 2, стр. 41—43.



Белый медведь внесен в Международную «Красную книгу».

Орхидея восточносибирская.

Розовый пеликан — редкий вид, занесенный в «Красную книгу» СССР.

чество и привлекая для предотвращения экологической катастрофы «божественные» средства.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ СЦЕНАРИЙ БУДУЩЕГО

Метод «сценария» стал в наше время одним из методов научного прогнозирования. Он состоит в проецировании на будущее некоторых тенденций современности и в изображении соответствующей картины грядущего. Разумеется, содержание картины зависит от понимания действительности и намерений самого художника. Сценарии упомянутого нами в самом начале «Римского клуба» представляют собой полные тревоги изображения «демографического взрыва», истощения ресурсов, голода и затухания жизни на окончательно загрязненной планете. Сценарии великих утопистов Томаса Мора, Томмазо Кампанеллы, Н. Г. Чернышевского рисовали коммунистическое грядущее гармонично развитого и примиренного с природой человечества.

Есть свой «сценарий» и у христианства. Это — ветхозаветные и новозаветные откровения (апокалипсисы). Научные исследования истоков и содержания Библии имеют богатую литературу, в том числе и касающуюся «прогнозов» пророков. Мы рассмотрим их со своеобразной точки зрения, которую условно назовем «экологической», памятуя о том, что образы, картины и высказывания, которые мы сейчас приведем, остаются канонизированными, «действующими» поныне текстами, ориентирующими верующих на длительную перспективу.

В книге Левит бог грозит евреям за неповиновение самыми разными карами, среди которых не последнее место занимают бесплодие и деградация природы: «Небо ваше сделаю, как железо, и землю вашу, как медь» (гл. 26, ст. 19). Эпитеты сильные и вполне пригодные, чтобы обрисовать современные кризисные феномены в окружающей среде — запыленный воздух и «рукотворные» пустыни. Но если здесь угрозы бога еще можно истолковать как предостережение против неразумного природопользования, то в книге ветхозаветного пророка Даниила будущая «экологическая ситуация» заранее и определенно квалифицируется как «мерзость запустения» — выражение, вошедшее в поговорку.

Наконец, новозаветное откровение Иоанна Богослова, важнейший из апокалипсисов, буквально перенасыщено сценами и символами голода, мора, дыма, смрада, предшествующими «заключительному акту» человеческой истории — Судному дню. И лишь в нерукотворном царстве небесном ожидают немногих спасшихся праведников животворные воды, поток которых, не замутняясь, проходит через огромный город («мегалополис» — по нынешней терминологии), а по берегам потока растут деревья, плодоносящие 12 раз в году.

В данном случае мы привели эти выдержки и описания с единственной целью показать, что христианская доктрина, а следовательно, и христианская этика, предлагают сценарий такого хозяйствования человечества в природе, которое завершается крахом и омертвением биосферы. Удачные и смелые экологические решения даются в готовом виде, но уже не на Земле. Земле же уготовано эсхатологическое (связанное с учением о конечной судьбе мира и человека) решение экологической проблемы. И поэтому, между прочим, представляется неправомерным утверждение М. С. Иванова, на чью статью в «Журнале Московской патриархии» мы уже ссылались, что самим замыслом творца, бога, «предусматривалось совместное восхождение к совершенству и человека и природы». Во всяком случае, «сценарий» апокалипсиса говорит об обратном — о падении, деградации и человека и природы.

Иной сценарий предлагает нам научная прогностика и вся история материальной культуры. Изначальная природа была «дана» человеку далеко не такой идеальной и благоустроенной в экологическом отношении, как может представляться ныне. Она обрекала первобытного человека на непрерывную борьбу против голода, непогоды, хищников, землетрясений, извержений вулканов, наводнений.

Не так давно один из институтов общественного мнения в США провел опрос: довольны ли люди благами современной цивилизации и не хотели бы они возвращения к жизни в первозданной природе? Большинство опрошенных ответили отрицательно на обе части вопроса. Веками человек не только и не столько опустошал Землю, сколько благоустраивал ее, делал ее «комфортной». Задача эта, конечно, была и остается чрезвычайно сложной, о чем свидетельствуют нынешние кризисные явления в окружающей среде, возникающие уже на общепланетном уровне. Но наука и практика показывают, что эти явления не выступают предвестниками конца мира и человечества, а свидетельствуют о своего рода «кризисе роста», когда приходится намечать новые пути дальнейшего прогресса, учитывать относительные пределы природных возможностей, одновременно открывая новые свободы в использовании природных ресурсов и закономерностей. И здесь в полной мере сказываются социальные различия между капитализмом как обществом потребления и погони за прибылью и социализмом с его плановым характером развития экономики, заботой о благе народа.

Да, Земля была «дана» человеку. Но он не сразу оценил и даже до сих пор еще не измерил всех ее богатств. Когда он увидел ее из Космоса, то не сразу различил следы своей деятельности на планете — деятельности, которая на Земле казалась ему грандиозной и даже устрашающей. Нас еще ждут минералы и геотермальная энергия глубинных недр, биомасса и сырье Мирового океана, обильная и чистая энергия Солнца, которую можно направлять на Землю в виде микроволнового излучения от установок в Космосе. Мы разрабатываем и в недалеком будущем наладим разветвленную сеть экологических производств — производства растений в пустынях, увеличения численности и одомашнения диких животных и даже «производства» тишины в городах. Все это в силах человека, хотя и требует от него большого труда, организованности, знаний, бережливости и той «экологической этики», о которой у нас шел весь разговор. И такого сценария мы не ждем в качестве «пришествия», а сегодня готовим его сами. У нас будут прозрачные реки в городах и плодоносящие деревья на набережных.

В ПОСЕЛКЕ ЛИСТВЯНКА

ЛИМНОЛОГИЧЕСКИЙ* институт — единственное в своем роде научное учреждение Сибирского отделения Академии наук СССР — расположился на берегу озера Байкал, в поселке Листвянка. Уже давно этот уникальный водоем, самое большое в мире хранилище чистейшей пресной

Г. И. Галазий — директор института.

воды, стал объектом пристального внимания ученых института, который в 1975 году отпраздновал свое 50-летие. Когда-то это были малочисленные экспедиции, маленькие лимнологические станции, сейчас здесь сотни сотрудников, прекрасно оборудованные лаборатории, свой флот — 11 судов. Ученые изучают историю возникновения и развития органического мира в Байкале, биологическую продуктивность и водные ресурсы бассейна озера. И конечно, много внимания уделяют охране вод — ведь за последнее время на берегах Байкала построены большие предприятия.

Большой комплекс исследований проводят они также на Ангаре и огромных рукотворных сибирских водохранилищах — Красноярском, Братском, Иркутском. Ведутся исследования и на других озерах края, в частности разрабатываются рекомен-

* Лимнология — от греческого «пруд» «озеро» — озероведение.

экспонатов, характеризующих жизнь озера Байкал. И тысячи экскурсантов со всей страны ежегодно знакомятся с ними. Так, помимо решения своих основных задач, научные сотрудники воспитывают у людей бережное отношение к природе.

В. ОПАЛИН

Фото автора.

В лаборатории гидрологии и гидрофизики.

Залив Байкала.

дации по использованию водных ресурсов на трассе БАМа.

Один из наиболее интересных объектов для исследователей Байкала — местная нерпа, уникальное животное для пресных вод. Было время, когда она начала исчезать. В результате усилий ученых поголовье этого зверя составляет уже 70 тысяч.

В прекрасном музее Лимнологического института собраны сотни

В музее института.

В специальном бассейне моделируются условия жизни в Байкале.

— Крапивное заговенье? — удивится читатель. — Разве может быть такое?

В самом деле. Ведь заговенье — своего рода рубеж, от которого начинается время какого-либо большого поста. Так при чем же здесь крапива?

Оказывается, в некоторых местах старой России к одному из заговений — началу летнего поста «петровки» — было приурочено немало обычаев, непременной участницей которых была крапива. Так, в Ярославском Пошехонье, как сообщал в Общество любителей естествознания, археологии и этнографии известный собиратель старины А. Балов, в воскресенье, предшествовавшее петрову посту, «молодые обоего пола жгутся крапивою». Можно представить, сколько смеха, веселой беготни, а возможно, слез и обид было во время этого развлечения!

А в некоторых местах на той же Ярославщине крапивное заговенье праздновалось по-особому. После обедни в этот день следовали родственные угощения — сват угощал свата, муж — жену, теща — зятя и т. д., но не дома, а «на миру», сразу после выхода из церкви. Специально для этой цели женщины приносили с собой пряженцы, яичницу, вареные яйца и другую снедь, считавшуюся лакомой в крестьянском быту.

Особыми хороводами отмечалось крапивное заговенье в Заозерной части Переяславского уезда. Они также кончались тем, что участники жгли друг друга крапивой. Потому-то это веселое воскресенье называлось в народе «крапивным воскресеньем», или «крапивным заговеньем». Объяснение этому обычаю предложил владимирский краевед М. С. Смирнов: к этому времени в хозяйстве крестьянина истощались запасы капусты и в «петровки» щи варили из крапивы.

Другая группа обычаев, связанных с этим растением, носила ярко выраженный предохранительно-очистительный характер. Эти обычаи примыкали к иванову дню (24 июня ст. ст.). Так, среди южнорусских жителей на Ивана Купалу принято было вместо соломы набрасывать в баню жгучую крапиву и на ней париться. Больных приносили в баню на крапиве, парили целебными травами.

Аналогичные обычаи были известны в Архангельской, Новгородской и Московской губерниях. Крапивные бани в разных вариантах были распространены повсеместно в старой России. Например, в рязанских деревнях магико-очистительные купания в реках и озерах, крапивные парилки совершались 23 июня, на «Аграфену-купальницу». Этот день называли даже так: «Аграфена-купальница — лютые коренья». А в Петербургской губернии крапиву вплетали в свежие березовые веники. Здесь «купальский» веник было принято составлять, наряду с крапивой, из разных целебных трав: мяты, полыни, ромашки, иван-да-марьи, купальницы и других растений. Вплетая их в веник, приговаривали: «Приехала купаленка на семидесяти тележеньках, привезла нам купаленка добра и здоровья, богатства и почестей». Такой наговор — один из характерных примеров того, как, обращаясь к исполнению какого-либо обычая, хотя бы и рационального в своей основе, человек верил, что действие

«Божественные» растения: правда и вымысел

Крапивное заговенье

должно быть подкреплено магической силой слова.

Своеобразную трансформацию получил другой купальский обычай — прыгание через костер. Так, в Харьковской губернии в ночь на Ивана Купалу собирались не у купальского костра, а у крапивной кучи или куста, через которые и перепрыгивали, веря, что таким образом очищаются от болезней, сглаза.

Ночь на Ивана Купалу, по народным поверьям, особая: в этот момент все растущее на земле достигает полной зрелости, сокровенных соков и целебности. Человек верил, что эти свойства растений способны не только сохранить здоровье, молодость, красоту, но и помочь в поисках богатств и кладов. Потому-то в такую ночь не дремлют разные злобные силы, стараясь всячески повредить человеку и его хозяйству. Тогда на помощь людям приходят растения, обладающие, как считалось, чудодейственными, предохранительными свойствами. Среди них колючие и жгучие растения — репейник, можжевельник, крапива, шиповник. Поэтому на Ивана Купалу, наряду с другими растениями-оберегами, на воротах, окнах, в щелях хлевов и домов было принято раскладывать крапиву.

К крапиве обращались за «помощью» и в такой ответственный момент, как высаживание рассады. В подмосковных селениях, например, огурцы и капустную рассаду было принято высаживать на «Арину-рассадницу» (5 мая ст. ст.). Накануне, с вечера, справлялся такой магический обряд: на грядки, на самую середину огорода выносили надтреснутый горшок вверх дном. Это предохраняло рассаду от «завидущей» силы, чтобы она не прикасалась к трудам человека. Высаживая рассаду, приговаривали: «Рассадушка-рассада, не будь голенаста, а будь пузаста; не будь пустая, а будь тугая; не будь красна, а будь вкусна; не будь стара, а будь молода; не будь мала, а будь велика».

Обращались к крапиве и во время заговоров. Один такой заговор от зубной боли опубликовал А. Е. Бурцов в книге «Народный быт великого Севера», вышедшей в 1898 году. В нем крапиву называют уважительно: «Матушка-крапивушка, святое деревце!» В другом случае, когда сюжет требовал не жалеть красок для изображения жестокой свекрови, народная песня начиналась словами: «Злое зелье крапивное, еще злее да люта свекра!»

Итак, перед нами крапива в роли магического оберега, крапива-целительница. Особой магической силой люди наделяли ее в период летнего солнцестояния. И это не случайно. День Ивана Купалы был у восточных славян своего рода праздником летнего солнцестояния, охраны здоровья. Аналоги такого праздника широко известны у разных европейских народов. Огонь (купальские костры), вода (обрядовые купания, обливания, парения в банях) и лекарственные растения — главные элементы праздника. Что касается обычаев крапивного заговенья, то, без сомнения, это явление более позднее по названию, а не по содержанию. Оно возникло в связи с заменой языческих празднеств в честь Ярилы, Костромы, Кострубоньки, семика и других олицетворений летнего солнцестояния христианским петровым постом. Недаром это заговенье называлось еще «яишным» — девушки в это воскресенье «раскумливались» и угощали друг друга яичницей или крашенными в желтый цвет яйцами, а также «русалочьим» (игры в «русалок», то мстительных, то добрых олицетворений растительности, были приурочены к троицко-семицким празднествам). Обычаи крапивного заговенья — составная часть языческих празднеств, посвященных солнцу, растительности, окончанию весны. У восточных славян крапиве в этом празднике выпала двойная роль: вымышленная магическая и реальная целебная.

Целебные свойства крапивы известны с древности, но люди не умели объяснять их, поэтому связывали со сверхъестественными силами. В народной медицине настои из листьев крапивы рекомендовались при болезнях почек, печени и желчных путей, как мочегонное средство, при простудных заболеваниях, суставном и мышечном ревматизме, малокровии, истощении, фурункулезе, головных болях, при кровотечениях.

Только относительно недавно удалось установить, что крапива содержит витамины С, К, B_2, каротин, активное биологическое начало — гликозид уртицин. Эти вещества и выступают причиной «чудодейственных» свойств растения. Сегодня крапива находит широкое использование в жизни людей. Вещества, содержащиеся в ней, входят в состав поливитаминных препаратов, жидкий экстракт из листьев применяют внутрь как кровоостанавливающее средство, стебли идут на изготовление волокон для веревок и грубых тканей.

Загадки этого растения разгаданы — в них не осталось ничего сверхъестественного.

Л. ТУЛЬЦЕВА,
кандидат исторических наук

МАГИЯ? НЕТ, ПРИРОДНЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ!

Нашему биологическому мышлению не хватает какого-то фундаментального факта, если не нового аспекта.

А. Сент-Дьёрдьи, лауреат Нобелевской премии

А. КАТКОВ,
кандидат медицинских наук

ДАВНО ПРОШЛИ времена, когда человек молитвенно стоял на коленях перед окружающим его сложным миром. Но по-прежнему одна за другой встают перед нами загадки, требующие познания. Большие и малые. От незнания к знанию человечество идет через постижение таинственных явлений, окруженных магическим ореолом и, как правило, используемых служителями культа в качестве доказательств существования и всесилия творца. И только сила разума показывает истинную роль и механизм действия таких явлений как естественных процессов, обладающих вполне материальными природными закономерностями.

Характерная черта современного естествознания — постоянное стремление все глубже проникнуть в суть явлений микромира, познать важнейшие свойства вещества и энергии, их взаимоотношения и взаимовлияния. Решение многих актуальных проблем, возникающих сегодня перед человечеством, уходит в биологию. Именно бурное развитие современных отраслей науки о живом раздвигает горизонты в мире Неизвестности. И здесь, по нашему мнению, важную роль предстоит сыграть биоэнергетике — новейшей отрасли знания, изучающей специфику энергетических процессов, присущих биологической форме движения материи, в том числе и так называемой биосоциальной, свойственной лишь человеку как венцу природы.

Попытаемся взглянуть сквозь «магический кристалл» последних достижений этой отрасли науки на некоторые «таинственные» явления, которые и сегодня тревожат воображение людей. Заранее предупреждаем читателей: это всего лишь попытка истолкования, не претендующая на категоричность истины в последней инстанции, ибо не все еще окончательно установлено, не все открыто и подтверждено. Мы пока стоим на пороге важных открытий в области биоэнергетики, которые наверняка либо изменят в корне, либо существенно дополнят наши сегодняшние о ней представления. Ясно только одно: ничего мистического, надматериального исследователи тут никогда не находили и безусловно не найдут.

Обратимся к работам биофизической лаборатории Казахского государственного университета в Алма-Ате. Здесь пересеклись творческие пути доктора медицинских наук Александра Семеновича Ромена и доктора биологических наук Виктора Михайловича Инюшина. Они основательно занялись изучением материальной основы таких явлений психики, как гипноз, самогипноз,— областью жизни человека, трудно поддающейся исследованию и поэтому окруженной до сих пор суеверными домыслами и представлениями. В основу своих исследований ученые положили концепцию биологической плазмы и биологического поля.

Под биологической плазмой понимают существование живой материи в поляризованном состоянии, то есть в виде ионов и делокализованных («свободных») элементарных частиц, главным образом электронов. На первый взгляд, такое определение может показаться весьма парадоксальным. Но ведь «научные истины,— как писал Ф. Энгельс,— всегда парадоксальны, если судить на основании повседневного опыта, который улавливает лишь обманчивую видимость вещей»[1].

Принято считать, что плазма — это ионизированный газ, который может быть получен или с помощью нагревания до достаточно высокой температуры, или под влиянием ультрафиолетового излучения, или же — в электрическом разряде. В древности считали, что мир состоит из четырех элементов, или стихий: земли, воды, воздуха и огня. Переводя язык древних на современный, можно сказать, что земля, вода и воздух — это твердое, жидкое и газообразное состояния вещества. Четвертая же стихия, или огонь,— это плазма. Живой организм представляет собой тоже своеобразный «огонь», а жизнь — это постоянно поддерживаемое «пламя обменных процессов».

У великого ученого-энциклопедиста Бируни есть изречение: «Тело человека — подобие мира». Иначе говоря, человек не противостоит миру, в котором живет, не представляет собой нечто обособленное, исключительное, а по сути своей — его микрокопия. Очевидно, это справедливо. А если макрокосмос Вселенной наполнен, как известно, плазмой, почему же микрокосмос жизни должен составлять тут исключение?

Но если предположить, что вещество в плазменном состоянии может существовать в живых организмах, то что тогда служит источником образования такой биоплазмы? Откуда берутся делокализованные элементарные частицы в живой клетке? Не так давно, исходя из открытия явления сверхпроводимости в органических проводниках при обычной комнатной температуре, некоторые ученые высказывали предположение о том, что таким же свойством могут обладать и биологические молекулы — белки и нуклеиновые кислоты. Однако дальнейшие исследования не подтвердили этой гипотезы. Оказалось, белки и нуклеиновые кислоты — диэлектрики, а их электропроводность в условиях живого организма объясняется наличием ионных примесей.

Очевидно, считают некоторые исследователи, источник «свободных» электронов в условиях живого организма, как и в неорганической плазме,— газ, а точнее — ионизированный кислород. Да, тот самый кислород, без которого невозможно существование «пламени жизни», как и любого пламени вообще. Еще А. Л. Чижевский, основоположник гелиобиологии, установил: поддерживать нормальную жизнедеятельность может только ионизированный кислород, то есть кислород, несущий отрицательный электрический заряд. Его отрицательно заряженные ионы имеют на своей самой верхней орбите по два электрона, с которыми они в условиях жизнедеятельности организма легко расстаются, пополняя тем самым запасы биоплазмы.

Исследования, проведенные в Алма-Ате под руководством В. М. Инюшина, позволили ему высказать мнение о том, что биоплазма обладает свойствами максимальной упорядоченности, необычайной устойчивости при насыщенности энергией и сверхпроводимостью[2]. Подчеркиваем: мнение В. М. Инюшина и его учеников еще достаточно дискуссионно, его разделяют далеко не все ученые. Однако на данном этапе гипотеза биоплазмы позволяет с материалистических позиций объяснять некоторые таинственные явления в жизни человека, которые до сих пор пребывают еще в разряде магических. Такие, например, как проявление сверхсилы, сверхвыносливости, хождение по огню и другие, как иногда говорят, скрытые резервы нашего организма.

Исследования В. М. Инюшина и А. С. Ромена тесно связывались также с различного рода психическими феноменами человека, особенно с такими, в основе которых лежит систематическая тре-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 131.

[2] Подробнее см.: В. М. Инюшин, П. Р. Чекуров. Биостимуляция лучом лазера и биоплазма. Алма-Ата, 1975.

нировка в самовнушении. Одна из форм ее проявления — аутогенная тренировка. А. С. Ромен изучал ее влияния на организм человека[3]. Вот только один фрагмент из этой работы, проведенной А. С. Роменом совместно с В. М. Инюшиным.

Опыты проводились с добровольцами, которые в результате регулярных занятий аутогенной тренировкой научились при помощи самовнушения снимать у себя чувство боли. Некоторые из них даже демонстрировали феномен «каталептического моста»: физически неподготовленные люди в состоянии аутогипнотического самопогружения удерживали свое тело навесу, опираясь лишь пятками и затылком на спинки стульев. С помощью высокочастотной фотографии, или электробиолюминесценции, определяли наличие «свободных» электронов у участников эксперимента. Были зарегистрированы строго специфические изменения «коронного свечения» кончиков пальцев рук.

Анализ полученных данных дал возможность предположить: под влиянием тренировки в самовнушении можно научиться управлять процессом биоплазмообразования в своем организме, то есть в нужный момент резко увеличивать количество «свободных» электронов (в норме, по данным электробиолюминесценции, их содержится 12—15 процентов). Как тут не вспомнить различного рода феномены сверхсилы и сверхвыносливости, когда человек в состоянии эмоционального аффекта на какой-то промежуток времени может стать прямо-таки сказочным богатырем.

Кто знает, может быть, именно такого рода эмоциональный фактор умели использовать в Древнем Египте, когда рабов заставляли перемещать гигантские каменные глыбы, предназначенные для строительства храмов и пирамид? В пользу такого предположения может свидетельствовать интересный случай «коллективной сверхсилы», зарегистрированный во время Великой Отечественной войны: при обороне Севастополя небольшая группа наших воинов вкатила на вершину Сапун-горы тяжелое орудие. Позднее, когда бой закончился, значительно большее число людей не могли даже сдвинуть это орудие с места.

Такое состояние сверхсилы у воинов было вызвано большим эмоциональным подъемом. Но, очевидно, человек может вызывать его у себя и произвольно — с помощью самовнушения. В журнале «Наука и религия» (1975, № 12) рассказывалось о тибетских йогах лун-гом-па, которые в состоянии аутогипнотического погружения пробегают по узким горным тропинкам свыше 200 километров в течение одной ночи. Откуда они берут столько энергии? Если учесть, что феномен этих йогов воспроизводится только в состоянии глубокого самогипноза, и сопоставить это с результатами исследования биоэнергетики эффекта аутогенной тренировки, проведенного А. С. Роменом и В. М. Инюшиным, то ответить на этот вопрос, с известной долей осторожности, можно: по-видимому, во всех случаях эмоциональных или самовнушенных феноменов сверхсилы и сверхвыносливости в организме увеличивается количество биоплазмы, обладающей очень высокой насыщенностью энергией.

Тесную связь с самовнушением имеет, наверняка, и феномен огнехождения. Ведь без соответствующего психологического настроя огнеходец получит от

Зафиксированное «коронное свечение» пальца человека.

раскаленных углей такие же ожоги, как и нетренированный человек. Самовнушение, связанное с процессом биоплазмообразования в организме, дает основание для такого объяснения этого непонятного явления: от сильных ожогов кожу подошв огнеходцев спасает ее сверхпроводимость, возникающая под влиянием увеличения биоплазмообразования в результате целенаправленного самовнушения.

А теперь обратимся к другому неясному явлению — эффекту крутящейся палочки, или, как его еще называют, «жезлоносительству». Он заключается в том, что человек держит в руках палочку или проволочную рамку, которая начинает поворачиваться вблизи залежей полезных ископаемых или источника подземных вод. Так их издавна искали, и люди, обладавшие такой способностью, окружались ореолом мистики, их считали колдунами, наделенными способностями связываться при помощи жезла с потусторонними силами и т. п. То, что это явление имеет место, многократно доказано на практике. Но материалистического объяснения, достаточно убедительного, не было. Как же оно выглядит в свете гипотезы биоплазмы?

Ученые обследовали 12 «жезлоносителей» — людей с феноменальной способностью вращать при определенных условиях проволочную рамку. Их на машине перевозили через широкую (800 м) и интенсивную геофизическую аномалию. В этот момент рамка в руках всех испытуемых вращалась. А самое главное здесь заключалось в том, что после предварительных занятий аутогенной тренировкой эти «жезлоносители» с помощью самовнушения могли увеличивать число оборотов рамки в единицу времени.

Почему? Вспомним школьные уроки физики. Проводник, изогнутый в виде рамки, совершает вращательные движения в магнитном поле только в том случае, если по нему проходит электрический ток, то есть поток электронов. Скорее всего именно это и происходит в случае «жезлоносительства». На биополе человека влияют какие-то изменения в магнитном поле данной местности, а он уже, сам того не подозревая, очевидно, передает рамке через ладони рук свои «свободные» электроны. Они-то и ведут к ее вращению. А если под влиянием самовнушения рамка в руках «жезлоносителя» вращается быстрее, то это может косвенно свидетельствовать о более интенсивной передаче ей «свободных» электронов человеком-феноменом.

Еще один пример «магических» действий. Как известно, руки некоторых людей-феноменов могут оказывать какое-то действие на другого человека. Речь идет о лечении наложением рук, которым и сегодня еще пользуются некоторые знахари. В XVIII веке во Франции, Германии и других европейских странах было широко распространено представление о «животном магнетизме», или месмеризме (по имени австрийского врача Ф. Месмера). Месмер считал, что плавные движения рук над участком тела пациента действуют на него посредством магнитной силы, и человек, владеющий этой силой, способен излучать ее на других людей.

Сейчас твердо установлено: главную роль тут играло гипнотическое внушение. Но известно еще, что и сам магнит может оказывать лечебное действие без какого-либо участия человека. Курсы магнитотерапии улучшают деятельность системы кровообращения, нормализуют сон, уменьшают нервную возбудимость, рассасывают тромбы, устраняют головные боли, травматические отеки и послеоперационные рубцы. А если обратиться при этом непосредственно к лечению наложением рук, то и оно находит материалистическое объяснение с точки зрения биоэнергетики. Добавим только, что оно может подействовать в сочетании с внушением, гипнозом, который тоже вызывает нередко терапевтический эффект.

Как же может действовать руконаложение?

На поверхности нашего кожного покрова имеется множество так называемых точек акупунктуры, или иглоукалывания. Полагают, что в них сосредоточено наибольшее количество «свободных» электронов организма. Во время болезненного процесса в каком-либо из органов увеличивается его положительный электрический заряд, в то же время в определенных точках акупунктуры происходит компенсаторное увеличение отрицательного электрического заряда, по-видимому, за счет опять-таки «свободных» электронов. Эти изменения улавливаются кончиками пальцев особо чувствительных (или тренированных специально) людей. Более того, случается, что такие люди весьма правильно ставят даже ориентировочный диагноз заболевания: могут определить, что в таком-то органе происходит болезненный процесс. А само лечение тут скорее всего заключается в том, что «свободные» электроны передаются с их пальцев в нужные точки на поверхности тела пациента.

Естественно, и здесь исследователи еще не проникли в потаенную суть происходящих восстановительных процессов. Такое объяснение — лишь материалистическое предположение, основанное на современных экспериментах биоэнергетиков. Тут еще многое предстоит изучить и уточнить. Однако при этом следует сказать: сейчас подобные процедуры медики выполняют с помощью специальных приборов — тобископов. Они позволяют с высокой точностью отыскивать на поверхности тела точки акупунктуры, а затем воздействовать на них слабым электрическим током или же лазерным излучением. И в том и другом случае

[3] См.: А. С. Ромен. Самовнушение и его влияние на организм человека. Алма-Ата, 1970.

происходит как бы «подзарядка» организма биоплазмой. Ведь такие воздействия, так же как и их древний предшественник — иглоукалывание, способствуют увеличению количества «свободных» электронов в месте воздействия.

Специальные исследования показали: при лечении руконаложением — в момент концентрации внимания лечащего на поверхности своих рук — изменяется картина электробиолюминесценции — на кончиках пальцев усиливается, причем значительно, электростатическое поле. Более того, бывает, что руки таких людей-феноменов испускают ультрафиолетовое излучение. Очевидно, однако, что отдельные случаи излечения в такой ситуации служат источником слухов об универсальности этого способа, что создает благоприятные возможности для знахарей-шарлатанов. На деле же руконаложение действует не всегда. Более того, бывает, что люди, которым нужен другой вид лечения, веря в руконаложение, не обращаются к врачам и вредят своему здоровью.

Интересно, что еще в 1923 году профессор А. Г. Гурвич открыл аналогичное ультрафиолетовое излучение, исходящее от корешка луковицы и способствующее усилению деления клеток корешка соседней луковицы, расположенной от нее на расстоянии 2—3 миллиметров. Позднее, путем фиксации этих лучей на фотоэмульсии, удалось установить, что ультрафиолетовое излучение становится максимальным в момент гибели корешка луковицы. Вполне возможно, что этот последний всплеск ультрафиолета — следствие дополнительного выделения энергии при разрушении биоплазмы. Аналогичный результат был получен при изучении электробиолюминесценции растений: в момент отделения листа от стебля живого растения наблюдалась ее резкая вспышка с последующим быстрым затуханием. Такое же изменение электробиолюминесценции наблюдалось при нагревании живых клеток крови до критической температуры.

А вот открытие, сделанное не столь давно новосибирским ученым В. П. Казначеевым. Он и его сотрудники обнаружили так называемый цитопатический эффект, который, согласно тексту диплома № 122 на открытие, формулируется следующим образом: «Экспериментально установлено неизвестное ранее явление дистантных межклеточных электромагнитных взаимодействий между двумя культурами ткани при воздействии на одну из них фактором биологической, химической или физической природы с характерной реакцией другой (интактной) культуры в виде «зеркального» цитопатического эффекта, что определяет клеточную систему как детектор модуляционных особенностей электромагнитных излучений». Иными словами, в этих опытах было показано, что если каким-либо способом умертвлять одни ткани, то аналогичный процесс происходит и в тканях-«свидетелях», на которые действует некое излучение.

Примеры с дистантными взаимодействиями между биологическими объектами невольно наталкивают на мысль о существовании какого-то биологического поля, связанного, возможно, с нашим мыслительным процессом. Иначе как, например, можно объяснить кажущиеся фантастическими и тем не менее описанные в научной печати результаты наблюдений ленинградского ученого Г. А. Сергеева: один человек-феномен в полной темноте мысленно засвечивал на фотопленке в 30—40 сантиметрах от своей головы определенную букву?

Проще всего было отмахнуться от всех этих фактов по принципу «этого не может быть, потому что этого не может быть никогда» и отдать их на откуп сверхъестественной силе, богу, мистике и т. д. Значительно труднее их объяснять. Но делать это необходимо — в частности, и потому, что все не объясненное наукой берет в свой арсенал религия, которая всегда использует белые пятна на карте познания как аргумент в свою пользу.

Разработка гипотезы биоплазмы и биополя, как видим, весьма перспективна в свете современных знаний, и дальнейшее изучение их свойств позволит ученым глубже проникнуть в тайны микрокосмоса живого организма, лучше разобраться в закономерностях, причинах и следствиях многих его природных явлений, в том числе и тех, которые вот уже много веков несут репутацию магических. Постигая их истинную материальную суть, наука не только раздвигает горизонты познания, но и превращает чудеса в естественные явления.

КОРОТКО ОБ ИНТЕРЕСНОМ

ЕЩЕ ОДИН СЮРПРИЗ МОЗГА

Ученых давно интересует механизм действия лекарственных средств на головной мозг. Всесторонне изучая его особенности, исследователи уделяют пристальное внимание характеру передачи электрических импульсов от одной части мозга к другой, движению их по системе нервных клеток — нейронов. Связь между нейронами обеспечивается через участки их взаимодействия — синапсы.

Чтобы пересечь синапс между двумя нервными клетками, электрический сигнал, как установлено, превращается в химический носитель, называемый нейропередатчиком. На следующем нейроне он соединяется с рецептором, специальным чувствительным образованием, и с его участием снова превращается в электрический сигнал и продвигается дальше. Природа устроила так, что нейропередатчики соединяются только с теми рецепторами, которые предназначены для их приема.

Усилиями многих исследователей в научных лабораториях мира уже обнаружено до 20 нейропередатчиков. С избытком или недостатком их в организме человека связывают происхождение многих психических болезней. Недавно было сделано интересное открытие — в головном мозгу обнаружили специфические рецепторы опиатов, обезболивающих веществ. Особенно много их оказалось в тех частях мозга, где фиксируются сигналы сильной постоянной боли и где принято видеть участок контроля эмоциональных ощущений. Вскоре из мозга свиней выделили два начала, при проверке оказавшихся естественными опиатами. Родственные им вещества с этими ценными свойствами найдены и в мозгу верблюдов, известных своим высоким порогом чувствительности к боли.

Предполагают, что наличием в головном мозгу опиатов, этих природных обезболивающих средств, можно объяснить загадочные, непонятные случаи отсутствия боли при ампутации конечностей. Дальнейшее изучение рецепторов естественных опиатов открывает путь к изучению биохимических особенностей других нейропередатчиков и разработке методов диагностики и лечения психических болезней.

НАВЫКИ СОХРАНЯЮТСЯ

Американский хирург Роберт Уайт пересадил головы крыс и обезьян на туловище других животных и поддерживал жизнь этих существ в течение нескольких дней. Перед операцией обезьяны прошли специальную тренировку, в ходе которой их обучили системе определенных реакций на различные раздражители. После трансплантации головы животного эти навыки сохранились, что еще раз свидетельствует о головном мозге как материальном носителе психической жизни.

НА РОДУ НАПИСАНО

Индийские врачи считают, что по отпечаткам пальцев, индивидуальным у каждого человека, можно определить характер некоторых болезней. Анализ отпечатков пальцев они используют для изучения связи заболеваний с наследственной их природой. Вот какую земную, реальную информацию извлекают врачи из того, что, согласно старинным, мистическим представлениям, будто бы на роду, на руке человека написано.

ВИДИТ УШАМИ!

По сообщению китайского научного журнала, у одной восьмилетней девочки обнаружена необычная особенность «видеть ушами». Когда к ее уху подносят лист бумаги, она, «послушав» написанное, воспроизводит текст даже с имеющимися орфографическими ошибками.

В РУКАХ ЧЕЛОВЕКА — ЧИСТЫЙ РЕНИН

Независимо друг от друга две группы исследователей из Бостона и Нэшвилла получили очищенный ренин человека — наиболее сильное из всех известных сосудосуживающих средств. Этот фермент, способствующий повышению давления крови, вырабатывается в почках и обычно распадается до того, как его удается выделить и очистить. С помощью чистого ренина можно определять содержание его в крови пациентов, страдающих гипертонией, и получить ответ на неясный до сих пор вопрос, почему в крови одних людей с повышенным давлением этого фермента много, а у других — мало.

Алексей ЕЛЬЯНОВ

ТРИЗНА

Ленинградский писатель Алексей Ельянов, автор книг «Заботы Леонида Ефремова», «Чур, мой дым» и других, закончил новый роман о становлении молодой семьи, о первых трудностях и радостях. Немалое место отводит прозаик отображению народных обычаев, обрядов, появлению новых трудовых традиций.

Редакция предлагает читателям главу из романа «На золотом крыльце».

ПО ОБЕИМ СТОРОНАМ тропы густо разросся подорожник и высокая трава, побуревшая, прибитая дождями к земле. Петр случайно оказался на этом пути, сокращая дорогу от станции к причалу, где должен был ожидать пассажиров почтовый катер. Неспеша он обогнул двухэтажное бревенчатое здание — «Дом для престарелых», возле которого сидели, греясь на солнце, его обитатели в пижамах, помятых халатах, длиннополых пальто. «Какое счастье, что деду не пришлось здесь быть и часу,— подумал Петр.— Все шестьдесят семь лет он был в работе».

Распахнулась широкая бухта, покрытая почти сплошь от берега до берега сплавным лесом. Лесоповал был где-то там, далеко, в верховьях бурной порожистой реки Кемь, по которой в период нереста с великими усилиями, обдирая бока, не жалея жизни, поднимается голодная семга, сначала «икрянки», потом «молочники». А вниз по течению, сщибаясь друг с другом, несутся бревна. В бухте их сортируют баграми расторопные женщины. Они одни в основном трудятся на этой мокрой, требующей терпения и сноровки работе. Лес похуже вяжут в плоты, а лучшие сорта древесины загружают в гигантские лесовозы и отправляют студеным морем дальше, во все концы света.

Белесая спокойная вода поблескивала под солнцем. «Больше он не увидит этого всего... дереву, рыбам и чайкам дан почти такой же век, что и человеку, разве это справедливо? Мгновенно пролетает утро людской жизни — детство, незаметным кажется отрочество, жадно спешит куда-то юность. А потом работа, работа... В зрелые годы и головы, бывает, некогда поднять человеку, чтобы просто так, в безделье, посмотреть на небо, на солнце, на птиц, на кружение, парение беззаботных мыслей своих и чувств. Вработался, вжился человек и вдруг — смерть...»

Петр услышал шаги за спиной, обернулся. Рослый молодой мужчина в щегольском клетчатом полупальто догнал его, перебросил с руки в руку кожаный чемодан, спросил с легким грузинским акцентом:

— Скажите, пожалуйста, катер в Гридино теперь ходит отсюда, я правильно иду?

Широкоскулое славянское лицо и горский акцент не вязались друг с другом. «Кто бы это мог быть? Неужели тоже едет на похороны?» Но Петр не стал ни о чем расспрашивать, махнул рукой:

— Правильно, вон там виднеется причал.

Незнакомец поблагодарил, зашагал широко, размашисто.

Катер был виден невдалеке от массивного валуна, на котором сидел, поджав колени, пожилой мужчина. Он смотрел на женщин возле пирса и на двух дюжих парней, перетаскивающих тяжелые ящики, наверное, с пивом и вином на борт суденышка. По узкой палубе прохаживался коренастый, грузный капитан, знакомый еще по прошлому рейсу. Вспомнился его спокойный голос во время шторма: «У нас тут завсегда море балует...» Но пока оно было спокойным, тихим, и рейс ожидался без излишних испытаний.

— Скоро уйдем? — крикнул Петр мужчине, сидевшему на камне.

— Уйдем, ежели отойдем,— неопределенно бросил тот. И по легкому заиканию Петр узнал своего родственника, мужа Нины,— Пахома, Пахомушку.

— А ты, значит, Петро? Анютин муж? Чего один?

— Ребенка не с кем было оставить,— Петр запрыгнул на валун.

— На родинах не встретились, так хоть на похоронах,— вздохнул Пахом.— Завтра вынос. Ежели катер не пойдет,— не успеем.

— А чего бы ему не пойти, все, вроде, готово...

— У них семь пятниц на неделе. Тут как-то дён десять не ходил, на банку спьяну напоролись, винт погнули.

— Отремонтировались?

— Выйдем в море, посмотрим. Отойти бы от берега, а там уж как-нибудь доскребемся,— пообещал словоохотливый Пахомушка, вытирая рукавом пот с лица. Неожиданно здесь, в северных краях, в октябре сильно потеплело.

— Ну и жарища выдалась,— сказал Петр, доставая сигареты.— На, закуривай.

— Да ну ее, бросил эту отраву, лучше пить, чем курить. А жар на время, подует ветер с моря — все смахнет. Однако тепло такое — невидаль.

Петр вспомнил слова тетки Евдокии, что, мол, попивает Пахом от горя, «жена красавица, а сам без выгляду». Ничего такого особенно некрасивого не увидел Петр в своем родственнике: мягкий, чуть вздернутый широкий нос, отчетливо очерченные припухлые губы, умные, быстрые, все понимающие глаза. Бросалась в глаза неряшливая одежда. Будто нарочно не следил за собой Пахом. Засаленный бушлат без верхней пуговицы, рукава в залысинах и пятнах. Такими же неопрятными были видавшие виды брюки и стоптанные ботинки. И если бы не памятный весенний вечер с игрой в «Пахомушку», Петр, наверно, отнесся бы к родственнику сдержанно, даже брезгливо. Сам он был в обычной дорожной куртке, в джинсах. Анюта дала ему новую белую рубашку с широким модным воротом. Нарочно не надел он ничего темного, траурного. Пережив первое острое чувство горя, он настроился ехать в Гридино не оплакивать неизбежное, а проститься с добрым, полюбившимся ему человеком сурово и мужественно.

Дед и сам о смерти своей, бывало, говорил с шуткой: «Начнет обходить стороной — поkличу... почто, старая, чураешься, чем я тебе не люб, не хуже других, погляди... Придет...»

Петр поставил попрочнее на разогревшийся камень свой наполненный «гостинцами для поминок» чемоданчик, присел, закурил, расслабился. Кончилась его спешка в поезде, здесь все располагало к неторопливости.

— Эх, Петр, деда ты не застал, как следует быть. На все бы лето к нему, никто, как он, не знал поморскую да всякую здешнюю жизнь. Бывало, за ухой да за чаем чего-чего только не рассказывает. И все у него складно, с весельем получалось.

— Он погостил у нас в Ленинграде, тоже наговорились.

— Знаю, что бывал в Питере. На месте надо человека слушать, когда избу рубит, сети вытягивает, когда по льду, по торосам пойдешь с ним за зверем — за тюленем, белухой. Промысел трудный. Охотник далеко идет, прыгает с льдины на льдину с шестом. Чуть ветер переменится — поминай как звали, унесет в море. Тут особую надо иметь сноровку, смелость. С дедом идти не боялись, он загодя все чуял, отважен был, да осторожен. Не раз бригаду спасал от верной смерти. Не он, так и моя жизнь давно бы камушком ко дну.

— Тоже на охоте спас?

— Какой из меня охотник. После ранения нога подволакивается, не напрыгаешься по торосам...

К пирсу отправились неспеша. Уже началась посадка. Катерок покачивался, терся боком о высокие, слегка разлахматившиеся сваи. На корме возле ящиков сердито подергивал чалку какой-то суетливый старик.

— Игнат Матвеич! — удивился Пахом.

— Да никак ты в матросы подался?

— Подашься, когда пенсию не дают, — сурово ответил старик.

— Как это не дают? Ты сказывал, давно на законном отдыхе.

— А вот порылись в моих бумагах начальники, вышло по-ихнему, что незаконно я хлеб ем, двух месяцев не хватает до полного стажу. Вот и дергаю энтот чертов конец.

— Трудновато тебе дорабатывать после отдыха. Как это вовремя они не доглядели? — посочувствовал Пахом.

— Да тьфу мне на их всех! — ярост-

но сплюнул старик, рывком дернув чалку.— Все одно подыхать. Много ли твоему тестю на пенсии пожить довелось?! Все высчитано, износился — на слом!

Старик был сухонький, бородатый, с маленькими колючими глазами.

— Отпущай конец! — крикнул он сипло пареньку в майке и морской фуражке, стоявшему на причале. Рыкнули дизели, палуба вздрогнула, затряслась. Немного помедлив, катер отошел от берега, направляясь вдоль бухты, мимо заторов сплавного леса к горлу Белого моря. Город, широко разбросанный по берегам с невысокими деревянными и кирпичными домами, с трубами котельных и лесопильных заводов, начал удаляться.

Петр чувствовал себя осиротевшим. Старый рыбак казался прочным, вечным, а вот нет его, и зыбким, рискованным, полным бед и случайностей стал мир.

— Пойдем-ка на нос, там будет потише,— предложил Пахом и пошагал, прихрамывая, по вздрагивающей палубе к широкому ящику для спасательных поясов.

Они сели рядышком, помолчали, послушали, как все громче шипит и пенится вода, сминаемая носом суденышка. Долгий впереди был путь, само время начинать какой-нибудь неспешный разговор.

— Теперь, значит, катер каждые сутки ходит в Гридино, раз уже знает о смерти деда тот сердитый старик матрос,— сказал Петр.

— Плохие вести летят быстро,— ответил Пахом.— Уж, почитай, весь берег извещен. Дед первым мастером был, когда рыбу брать, да избу ставить, да оленя врачевать. Он и заговоры знал.

И хоть никогда не принимал Петр всерьез подобное лекарство, поинтересовался:

— В самом деле, помогает?

— Помогает — не помогает, а лечились люди в старину. Вон и теперь каких только нет болезней от всяких нервных расстройств. Человеку посочувствовать надо, обнадежить — все легче. Других-то лекарств мало тут было, край дальний. От погоста до погоста сотни верст. А кругом топи, мхи, камни, жить приезжему человеку ох как трудно. Еще и теперь не вдруг доберешься до больницы, если что. Оленьи кочевья большие, долгие. Вот и живут и лечатся люди кому как на ум придет. Старинку не вдруг вырвешь. Я когда фельдшерил в одном тут местечке, всякого нагляделся.

— Направили после техникума?

— Ну да, по распределению из Петрозаводска. Закинули меня, пацана, почитай, к самому краю света...

Пахом рассказывал о себе охотно, обычное его легкое заикание стало почти незаметным, голос звучал густо, приятно.

Он посмотрел куда-то в небо, потом вдаль. Петр тоже стал оглядываться, увидел еще пока близкий берег, обставленный домами. У причалов грузились огромные лесовозы. «Такие вот строил когда-то я сам с Титовым», — припомнил он зычный голос своего мастера: «Поезжай, поезжай в Гридино к моему Титычу, будет тебе помор не подпорченный...» Где он, что теперь с ним? Столько не виделись.

Мощные портальные краны переносили с берега на суда связки бревен. Легкий катер подрагивал. Кружились чайки, молча и старательно высматривая добычу.

Игнат Матвеич подходил несколько раз к Пахому и Петру, сочувствовал, вздыхал, да все сворачивал разговор на свои пенсионные дела. Капитан за стеклом рубки устало смотрел на море, раскачиваемое все более холодным и крепким ветром.

— Значит, ты врачевал здесь людей, помогал им выжить? Это хорошо, просто замечательно, Пахом. Через болезни ты и людей узнавал изнутри и понимать их умеешь, наверное, как никто, и светлое и темное,— все тебе известно.

Когда-то еще в первую встречу Анюта рассказывала Петру о местных поверьях и знахарстве...

— Ты, наверное, и народную медицину знаешь?

— Да какая тут медицина. Старухи знахарки не ведают толком, где печень, а где сердце. Просто так, наговоры, заговоры всякие.

— А сам пробовал?

— Бывало в молодости. Через это я и с Ниной познакомился. Приехала она на практику чистенькая, беленькая, разбитная. А у нас тиф, сыпняк. Она на последнем курсе мединститута, знающая, с характером, всех враз хотела вылечить современными средствами. Больничную обстановку ей подавай, чтоб все стерильно было... — Пахом поерзал на ящике, сел поудобнее. — Вытаращила Нинка глаза на мою медицинскую комнату: тут грязь, там не то — и пошла, и пошла. Я не поддавался. Молодой был, тоже с огнем. «Что же ты, говорю, кричишь на меня, война кругом идет, какие тут условия да обстановки? Лечи, как есть. А она отвечает: «Война не война, людей в чистоте надо держать».

И взялась лечить по-городскому, по-институтски, себя не жалела, да и прихватил ее тиф. Сбрили русые косы наголо. Микстуры, таблетки, ничего не помогает, вянет девка, вся в поту, в жару. Тут и пришел я к ней с последним средством, с заговором. Веришь, не веришь, а попробовать надо, когда человека на смерть потянуло. Сел возле койки, зажал нож промеж зубов, при мне ольховая кора и узелок с золой, потьфукал три раза и забормотал: «Вери, вери, открывайте двери...»

Анюта читала этот наговор «от всех самых страшных болезней...»

— Помогите, дьяволы, из больного песок вынять, из песку мертвое тело поднять...— громко, с пришептыванием наговаривал Пахом.— Читал я, забылся, а она проснулась, пришла в себя да как закричит страшным голосом: «Уходи, дурак, ты не фельдшер, а колдун, невежда! Уходи!» А я обрадовался, подумал, раз так кричать еще способна, значит выживет. И веришь ли,— пошла на поправку...

Он слушал и думал о том, как переплелись в рассказе Пахома старые поверья и его жизнь, как легко, будто подшучивая над собой, вспоминает он радостное и трагическое, как молод он в этих воспоминаниях, крепок, жизнелюбив и в то же время стар, безразличен теперь, не скрывает ничего от помятого облика до вздохов и помахивания рукой насчет нынешней расстроившейся жизни. Все в нем перемешалось — ум, знания, вера и неверие, хитреца и прямота.

— Пахом, расскажи, как любимых приговаривают? Слышал, да не знаю.

— Это просто любимого-то заманить, — мотнул головой Пахом.

— Выходит, ты на самом деле не фельдшер, а колдун. Приворожил бы свою жену, чтоб, как в юности, полюбила.

Глаза Пахома потускнели:

— Нету такого зелья на свете, когда любовь кончилась. А когда она кончается, кто ее знает,— он тяжело выдохнул эти слова.— Ежели нет промеж мужем и женой души горячей, ничем не подмажешь. Теперь, должно быть, скоро разлетимся мы, Петро. Дед помер, мирить некому.

— Что же все-таки произошло? Почему так вышло? Не ошибаешься ли ты. Мы вон тоже ссоримся...

— То все другое у тебя. Держись, сберегай свою счастливую птицу, не упусти из души. Первая жена — жена, а вторая — так, по необходимости, завсегда память будет вспять улетать...

— Я и не собираюсь разводиться, и тебе не желаю.

— Спасибо на добром слове. Только это не от меня теперь зависит... Сам-то я давным-давно с коня своего спрыгнул, а баба в мужике квашню не любит. Меня, бывало, по всему Заонежью да и тут по берегу знали, в газетах писали,— и врачевал старательно, и душу людям веселил, а теперь — был, да сплыл. Вроде, при жизни помер.

Поежился, потер себе лоб, шею, что-то мучительно искал он в себе. Можно было подумать, что со смертью деда впервые пришли к нему какие-то прояснения, выводы, только теперь он повзрослел, подобно тому, как по-настоящему взрослеет сын после смерти отца. И наставительно, как говорил когда-то дед, сказал:

— Ты, Петро, свою мечту высоко, далеко неси. До самой смерти. Разуверишься, перетерпи, разводи огонь в костерке, пока заново пламя не вспыхнет. У тебя и жена хорошая, и сын теперь — для него еще пожить надо, как Титыч вона умел жить для стольких... — И замолчал, будто прислушался к ветру, к постукиванию клапанов дизеля, к шороху и шлепанью волны о борт, к тайному голосу, который заговорил в нем, задышал, как проснувшийся вулкан.

Увиделась вдруг Петру его комнатка, пеленки возле окна на тонких веревках, Анюта в халате, опоясанная передником, беззубый Данилка, подрыгивающий пухлыми ножками в кроватке, слюнявые пузыри на его губах, синие, большие, смеющиеся глаза, и теплее, солнечнее стало во всем мире. «В самом деле, надо еще и сына поставить на ноги... и себя... надо искать свой минимум высоко...» Он не раз думал об этом, верил в будущее, но в глубине души в нем еще таился страх перед самим собой, перед своими силами и возможностями.

— Нравится мне, как ты песни поешь, — нарушил молчание Пахом.— Хорошие песни, жизненные, веселые.

— А на самом-то деле я люблю больше старинные романсы.

— Досюльная песня, со слезой... У нас бабы заведут, будто запричитают. А уж когда покойника оплакивают, отпевают,— кожа сходит от крика. Кто от горя большого опевает да плачет, кто от умения. Тетка Евдокия на это мастерица. До колотья, до падучей заходится, еще увидишь. Помню, дед рассказывал о колядованиях.

— На это он был мастер, по избам ходил вместе с ряжеными.

— А еще, вроде, такое бывало. Дед сказывал, будто жену свою на субботнике выглядел.

— На каком таком субботнике, на том, который...

Пахом перебил Петра:

— Не то, не нашенский... На святках субботники тоже были, субботеи. Как-то к тетке Евдокии пришли девки да бабы незамужние, лавок понатаскали для гостей. Фонарь цветной засветили на потолке. Посередке горницы скамейки поставили для девок-молодух, а по краям, по стенкам,— для парней. Замужним да женатым туда ходу не было. Приходили женихи — девки враз песню запевали: «Дунай, Дунай! Многолюдствуй! И с твоею полюбовницей!» За ту честь женихи деньги платят хозяйке, тетке Евдокии, значит, заплатили, а себе невест выглядывают. Вот и приглянулась Титычу Надежда Ильинична в семнадцать лет. А ему девятнадцать было.

Странно вдруг все повернулось в сознании Петра. Будто ехал он не на похороны, а на свадьбу, и еще вся жизнь деда была впереди, вся молодость с песнями, игрищами, колядованиями, — и надежды впереди, и дети, и работа с испытаниями.

— Золотая парочка вышла, складная, будто колечко обручальное,— сказал Пахом со вздохом.— Надежда-то Ильинична на хорошего мужа загадала. Колечко по полу катала, да вот курица ей счастье и выклевала. Раньше-то как было, никаких тебе электрических да вычислительных сватов не нужно, — ночью темной за ворота выбегали на четыре дороги, кочергой круг очерчивали, да ухом землю слушали — бубенцы звенят, богатый, стало быть, жених будет, а ежели телега скрипит — бедный муженек. Или на блюдо положат хлеба, да соли, да колечек с сережками, накроют блюдо полотенцем и песню поют надблюдную:

Летит сокол из улицы,
Голубушка из другой,
Сплеталися, целовалися,
Сизыми крыльями обнималися...

Да и выхватывают с блюда, что попадет. Всякая вещь свое значение имела. У кого колечко — по полу зачнут катать. К дверям покатилось — парню дорога, девке — замуж. А еще кур затаскивали в горницу, воду ставили на пол, хлеб клали, кольца золотые, серебряные да медные...

«Прямо, как у римлян, гадание на курах: клюют — воевать, а не клюют — не будет войны...» — подумал Петр.

— Чейная курица станет воду пить,— продолжал Пахом,— значит, муж будет пьяницей. Это, выходит, про меня. А чья хлеб есть зачнет — муж бедней бедняка, — это тоже про меня... А ежели серебряное кольцо ухватит — муж среднего состояния, как ты, Петро, к примеру. А вот ежели золотое клюнет — богач муженек, работящий. Это про деда вышло. Хоть и не был он богатым на деньги, а душой, делом богаче и не знал я на своем веку. И жили они оба с женою в согласии — никто никого не забивал. Она тихая, а он громкий, да отходчивый. Попетушится, покуражится, как у всякого мужика бывает, и опять же — под ейное крыло. Как она теперь жить будет без мужика-то? Дом-то какой, хозяйство... И зятья все из городских или вроде меня беспутного... все из гостевых мы. Посидели, поклевали и полетели по своим местам...

Петр расстроился. «Значит, и про меня так думает, но ведь прав. Приеду и улечу обратно в шумный свой город, а как же иначе быть... Вот Илья ни за что не оставил бы мать... он бы придумал... надо попытаться переманить ее к себе... но куда... в одну-то комнату...»

— Эх, гадай не гадай, а жизнь живешь, как живется,— сказал Пахом и вдруг заметил:— Никак, гроза впереди? Небыль в такую-то пору.

Над головой еще ярко светило солнце, а по ходу суденышка, ближе к горизонту нависало что-то косматое, тяжелое, будто приподнялась, вспучилась вода до самого неба.

— Значит, снова покачает.

— Авось, пронесет стороной. А ежели смочит — не беда, не растаем. Как же рыбаки по полгода в море болтаются, в дождь.

На носу судна с начала рейса неподвижно стоял и смотрел на море нарядно одетый мужчина, которого Петр встретил невдалеке от пирса.

— Видать, тоже на похороны. Не Сенька ли это? Смотрю, смотрю на него, что-то есть знакомое... Дед его с мальчонок воспитывал, сиротой остался, а теперь вот — в люди вышел... Да Сенька ли? Тот был тощий, а этот — сажень в плечах.— И отвернулся Пахом, стал смотреть по сторонам, с усталостью и безразличием на лице.

Все заметнее раскачивалось море, все выше взлетал катер, хоть и не ощущалось его продвижение посреди безбрежных просторов.

Где-то справа показались Соловецкие острова. Тяжелокаменный древний северный монастырь, некогда властитель здешних краев, стоял одиноко и сиро. Петр думал о том, что сила духа, нравственная чистота всегда жили и живут в народе, в умельцах, в извечных пахарях, плотниках, рыбаках... И Александр Титыч из таких вот золотых частиц людского океана...

Капитан невозмутимо стоял у штурвала, покуривал. «Это еще не волна, вот как окунемся по рубку, считай, что заштормило...»— пришли на ум его слова.

— Смотрю это я, смотрю на того мужика, расспросить охота, чего это он от моря не отрывается? Может, Сенька пропащий и есть?

Пахом поднялся, поддернул брюки, зашагал по шаткой палубе, широко расставляя ноги. И Петр пошел вслед, давно пора было размяться.

— Гридинский, что ли? — крикнул Пахом. Мужчина будто бы и не услышал.

— Гридинский, спрашиваю?!

Незнакомец порывисто приподнял руки над головой, обернулся:

— Тише! Не кричи так!

— Сенька, что ли? — негромко спросил Пахом.

Крупное, коричневое от южного загара лицо молодого мужчины просветлело.

— Дядя Пахомий, дорогой! — И Семен бережно обнял Пахома сильными руками. Вскоре эту добрую, ласковую силу Петр почувствовал и на себе.

Слева на лацкане клетчатого полупальто была приколота в траурной рамке фотография Александра Титыча, сделанная еще в молодые годы. Коротко остриженная голова, широко раздувались ноздри от смеха.

— Такой он у меня в сердце остался, понимаешь, Пахомий, — сказал Семен. — Самый веселый, самый хороший. Я его на новоселье пригласил, квартира у меня в Тбилиси, сын родился. Сашкой назвал. Ждем с женой телеграмму, мол, встречай, выезжаю, а послали совсем другую. Поверить не могу. Памятник ему надо поставить, большой памятник.

— Памятника никакого не надо, — сказал Пахом. — По старому обряду похороним, как всех поморов, — крест да земля. Люди памятью его жить будут.

Грозовая туча придвинулась к самому солнцу, ветер задул порывами, с холодом и сыростью.

Вдруг потемнело, хлынул ливень с градом. Волей-неволей пришлось спуститься в кубрик, в душный полумрак, молча качаться, взлетать и падать с волны на волну, пока не вошли в бухту.

Горестно и зычно завыла сирена на катере. Притарахтели две моторки, с трудом выбирались пассажиры на мокрый берег, чтобы в темноте карабкаться вверх по каменистым тропам, шагать под ливнем по белым скользким мосткам — каждый к своему дому.

Дед лежал в просторном гробу на широкой лавке под образами. Крупная голова с коротким седым «ежиком» покоилась на белой подушке. Высокий лоб чист, без морщин. Ноги прикрывала старая рыбачья сеть.

Выступала в полумраке большая печь с тускло поблескивающей посудой на полках, таращились лукавыми глазами котенка остановленные ходики в простенке между окнами. Надежно держали потолочные перекрытия широкие темные квадраты балок; таинственно, приглушенно поигрывал отблесками свечей протершийся местами лак на половицах.

Никто не плакал, даже не вздыхал, только слышны были осторожные шаги и приглушенные разговоры за массивной дверью в соседней комнате, где женщины готовили еду к завтрашним поминкам. Можно было подумать, что все боятся разбудить деда, обеспокоить. Еще не нарушена была связь с громкоголосым, энергичным, быстрым на шутку и движения человеком, которому нужно было в доме то подтянуть гирьку часов, то покурить и покашлять или раскатисто посмеяться, или рассердиться на кого-нибудь из домочадцев. Тот «он» был еще в каждом и повсюду, но в то же время и не здесь, не совсем полностью в доме. Его дыхание, голос, энергия шагов и жестов притаились где-то рядом, но уже разлетелись во все стороны.

Петр ощущал в себе такую же сумрачную, притаившуюся тишину, какая была разлита по всему дому. Он вышел в темные сени, на ощупь спустился по крутым ступеням к хлеву, пристроенному к дому под одной крышей. На улице все еще лил дождь, и внезапно треск и грохот прокатились над головой. Петр вздрогнул. Что-то мягкое и теплое коснулось его руки, и он чуть не упал на Джека, вертевшегося под ногами.

Собака начала повизгивать, бить хвостом, подпрыгнула и лизнула Петра в губы.

— Эй, Петро, забирайся к нам, — послышался чей-то знакомый голос

сверху, из-под крыши, где был сеновал.
— Тут вот лестница сбоку.

Старая крепкая лестница поскрипывала, Петр все явственнее слышал приглушенные голоса, шуршание сена, шепот.

— Дед, слава богу, легко помер. Засмеялся, вскинулся вдруг и упал, — услышал Петр.

Остро пахло водорослями, вяленой рыбой. Кто-то держал зажженную сигарету или папиросу высоко над собой, огонь, как светлячок, покачивался во тьме.

— Загаси! Сдурел что ли, сгорим еще!

— Здорово, Петро. Здравствуй. Будь здрав, — слышалось со всех сторон. И совсем неожиданно кто-то поздравил:
— С первенцем тебя.

И отодвинулось, разлетелось горе. Все будто ждали этой минуты передышки. Вопросы, советы навалились на Петра со всех сторон. Каждому хотелось узнать, сколько весит малыш, как ест, как выглядит, на кого похож, все ли в порядке.

Снова возникли в памяти веселый вечер на широком дворе Александра Титыча, благодушное чаепитие со всей семьей, рассказ о спасительном куске хлеба в трудную минуту и слова деда: «В любом мальчонке надо видеть большого человека, отца, продолжателя рода людского...»

Заговорили о старом и новом, о море и рыбаках, о дальних дорогах и родственной связи всех людей и родных мест огромной страны. И только один резкий голос все отметал, язвил и разрубал сплеча: «Все это лирика. Жить надо по-современному, старое безжалостно рубить под корень и на чистом месте строить все заново...»

— Ему бы топор в руки. И так все порубано... — сказал негромко Пахом.

Петр промолчал, он слушал удаляющиеся раскаты грома, поскуливание и подвывание Джека и думал, что все это вечно: дом, собака, дождь по крыше, смерть, жизнь и споры про то, про се... О чем бы ни говорили, ни судачили на сеновале, о хорошем ли, о плохом, все это само собой становилось воспоминанием об Александре Титыче, потому что он тоже когда-то говорил и про то, и про это, и не хуже, а лучше говорил, и теперь можно только подивиться его уму, меткой шутке, прозорливости и точности. Дед — рыбак, а его дети ученые, даже на Семена хватило добра и сил, выучил его, поставил на ноги. И у каждого в памяти есть какая-нибудь история, случай, событие, что-то главное в жизни, — и все это связывает и еще долго будет напоминать о человеке. Быть может, в этом и есть бессмертие.

Долго лежал Петр с открытыми глазами, его покачивало, точно он был еще на катере.

Гроб выносили рыбаки в оранжевых прорезиненных робах. Никого больше не подпускали рослые, молчаливые, крепкие люди к своему кормчему, который, быть может, завещал им похоронить себя по тому ритуалу, какой сам пожелал.

Все Гридино пришло провожать старого помора. Местные и горожане слились в одну пеструю толпу, вытянувшуюся справа и слева от дома на высоких прочных мостках.

Гроб бережно положили на старые сети, концы которых соединили, связали в нескольких местах, продели две прочные еловые жерди под узлы, и четверо дюжих рыбаков подняли тяжелую ношу. Кто-то скомандовал «шагай», и короб, покачнувшись, поплыл над мостками под громкий плач.

Сразу за гробом шагал Семен. Спина его напряглась от тяжелой ноши, на плече он держал добротно оструганный крест с козырьком в виде ладьи. А под козырьком была прикреплена фотография деда и маленькая бронзовая иконка старинного литья.

Утро выдалось прохладным, ясным. Петр шел вслед за Семеном, подталкиваемый со всех сторон, и щурился от солнца. Оно уже высоко поднялось над бухтой, над елями и соснами, над серыми валунами, над двускатными крышами домов, горело над мостками и черными карбасами, дремлющими на спокойной «низкой» воде. «Какое счастье видеть все это...» — думал Петр, и сердце его сжималось, когда повторял он невольно: — «В последний раз, в последний путь...»

Когда-то Александр Титыч собрал и разложил по коробочкам все болтики, шурупы и гвозди, разбросанные в старом сундучке, обстоятельно и вдумчиво восстанавливая за столом свою жизнь от самых первых воспоминаний детства, словно проверяя, взвешивая, укладывая события за событиями, год за годом — все по своим местам — со смыслом и значением, какое только с возрастом можно было придать прошлому, чтобы понять прожитое. Теперь особое значение приобрел и его приезд в Ленинград, к давней, еще юношеской и слишком долго неосуществленной мечте, и встреча с крошечным внуком, единственным мальчиком, кровным наследником — мужчиной в его роду, тоже было что-то вроде встречи с мечтой. Дед завершил свой круг дел, надежд и мечтаний, увидел деревни и города, пережил голод, войны и мирное благоденствие, повстречал злых и добрых людей, сам народил огромную семью, целое племя, наслушался слов, шума волн, криков чаек, громыхания гроз, песен и плачей.

...Гроб опустили в могилу на крепкой сети; так, что она укутала весь короб. Загремели горсти земли. «Ни чешуи, ни рыбы тебе, Титыч», — услышал Петр негромкий шепот и удивился этой знакомой присказке, пожеланию рыбакам на удачу.

Верят ли, не верят люди в загробную жизнь, а вот остался древний обычай. Воина хоронили с оружием, женщину с украшениями и предметами ее домашнего очага, князя или царя с его символами власти. Рыбака хоронят с его сетью, которой он за долгую свою жизнь воистину повластвовал трудолюбиво и щедро.

— Теперь все в доме соберутся на тризну, — сказал Пахом. Тепло и торжественно прозвучало старинное слово — не просто поминки, а именно тризна, горестное и в то же время шумное пиршество с плачем и разговорами о былом. Дела, случаи и, может быть, даже песни и шутки припомнятся там, все лучшее, что было дорого Александру Титычу и его близким. Это и печаль, и разрядка для души и сердца после долгого угнетения горем в часы расставания. Языческое ли, христианское — не в том дело — людское это, соучастие в беде, оно размягчает, сплачивает, роднит, дает новые силы для продолжения жизни, полной опасностей и борьбы.

Обратно возвращались парами, группами, в одиночку к дому деда. На широком дворе были уже накрыты столы, стояли бутылки. Рассаживались молча, только изредка переговариваясь, перешептываясь. Старики побрякивали орденами на груди. Человек восемьдесят или все сто пришли на прощальное застолье.

Время перевалило через полдень, потекло к вечеру. Тризна шла по своей воле. Люди приходили и уходили со двора, гости разбились на пары, на группки. Дети, совсем еще малыши, сидели на изгородях вместе с петухами и курами. Мужики басили, размахивали руками, подергивали, подталкивали друг друга, вспоминая, споря.

Петр прислушивался к шелесту ветра, шороху волн, к многолюдной тризне, которая все больше теперь напоминала по выкрикам и гомону свадьбу или день рождения.

Незаметно прошел через двор, — гости ходили, курили, пошатываясь, обнимались.

...Он стал спускаться к морю мимо клуба к рядам банек, высоко приподнятых на сваях, к черным карбасам на привязи. Джек увязался за ним, шел впереди, повиливая хвостом, оглядывался, будто зазывал.

Хорошо были видны в мягком вечернем свете глыбы скал, выпуклые, лобастые, серые с зеленью и красными прожилками, огненными пятнами осени. Стояли серые низкорослые домики вразброс — жилища лопарей.

Переходил с одного ряда мостков на другой, кое-где прыгал с камня на камень. И вот уже песок на берегу, водоросли, ламинарии, которые когда-то собирала Анюта.

Все тут памятно... И мальчишки с длинными кривыми удочками в руках стоят, как всегда, ловят рыбу, неизменную прибрежную мелюзгу. Почти на каждом карбасе стояли основательные, стационарные моторы и не были убраны ни весла, ни бачки с бензином. «Все тут просто, открыто, как и двери домов».

И дедов тут, должно быть. Может, вон тот с острым, устремленным вперед носом, или вот этот... еще новый, устойчивый с широким развалом.

— Это чей карбас? — крикнул Петр мальчишкам и услышал:

— Дядьки Саши будет.

Петр подтянул лодку к мосткам за толстую цепь, прыгнул на сиденье. Заскочила и собака, привычно разлеглась на носу полукольцом, поглядывая то на Петра, то на воду. И так захотелось завести мотор и отправиться в море хотя бы на полчаса, что Петр не сдержался, дернул заводной ременной шнур. Звуки глухих выхлопов разлетелись во все стороны, до краев наполнили высокую чашу бухты. Поднялись чайки с камней, оглянулись мальчишки.

Петр шестом оттолкнулся от берега, потом сел за руль, увеличил обороты мотора и мягко заскользил по легкой зыби. Поплыли вспять берега.

Управлять было легко. Покой, просторы моря, красота берегов, суровых серы скал, величавая стройность сосен и карабкающихся вверх домов, амбаров, сараев, мостков, срубленных и отбелен-

ных бревен и досок, небольшие сады, огороды с медными пятнами осени вновь поразили Петра. «Что будет здесь через сто, двести лет? Высотные каменные дома? Гостиницы и рестораны?..» Трудно было все это представить. Хотелось, чтобы навсегда сохранилась своеобразная красота древнего северного поселения. И только от них, от этих вот мальчишек зависит, останется ли жить Гридино с его чеканной посудой, с кадрилями и «Пахомушкой», с приметами и обычаями старины, с понятием «я местный» — значит, кровно сросшийся с этой суровой скалистой землей, с поморским делом, с говором.

Вот уже горло бухты, два мыса друг против друга. Звук мотора усилился, сжался, и карбас вылетел на простор, на волны открытого моря.

Он свернул влево, пошел вдоль берега, густо заваленного ошкуренными бревнами, наверно, они падали когда-то с лесовозов или шторм разбивал плохо связанные плоты. Впереди был залив и знакомые черные скалы. Волны звонкими шлепками били о правый борт, прохладный ветер порывами хлестал по лицу, пенистый бурун оставался за кормой.

Оказалось, что к скалам пристать невозможно. Черные, гладкие, с коричневыми прожилками, с одной стороны они круто уходили в воду, а с другой были окружены мелями и выступами. Только в одном месте открывался узкий проход, по которому Петр не решился идти к берегу. Он предпочел не рисковать, заглушил мотор.

Попробовал воду рукой. Она была студеной, обжигающей, как будто бы густой, наполненной вечерним солнцем, его светом, но не теплом. Петр омыл лицо, шею и представил — будь другое время, решился бы, прыгнул в волны и саженками, по-собачьи, как придется, добрался бы до скал, нашел какие-нибудь уступы, вскарабкался вверх на четвереньках, а через несколько минут уже бегал бы, кричал, подобно чайкам, взлетевшим с камней. А потом распахнул руки, загораживая солнце. «Благодарю вас, вода, небо и солнце, за жизнь».

Джек перебрался с носа на корму, стоял, поскуливая, подняв умную лобастую морду.

Начинало темнеть, пора было поворачивать к дому. Длинный скалистый мыс, за которым Гридино, со стороны моря оказался неожиданно далеко. Петр ухватился за деревянную, засаленную ручку заводного ремня, дернул, послышались чихание, выстрелы. Дернул еще раз, мотор взревел, заглох и больше не заводился. «Ерунда, проверим, отладим».

Надо было проверить, почистить карбюратор или взглянуть на свечу, снять нагар, но под рукой не оказалось никаких инструментов. Обыскал всю лодку — ничего похожего. Тогда стал искать по карманам перочинный нож, и того не нашлось, одни монетки — серебро и медь попадались в пальцы. Он попробовал «двушкой» отвернуть винты карбюратора, долго приспосабливался, напрягался, пыхтел, злился, но толку было мало. Снова начал раскручивать маховик, дергая что есть силы ременной шнур. Мертвое молчание и сгущающаяся темнота вокруг. «История, — подумал Петр, — неужели придется грести на веслах?»

Пока он возился с мотором, массивный карбас отнесло в море и надо было спешно выгребать к берегу, где поменьше ветер.

Два длинных узких весла, выструганных из цельных лесин, Петр вложил между отполированными колышками на борту, сел и взялся за дело. С первых же взмахов он понял, что работа будет трудной, изнурительной, на несколько часов.

Пока были свежими силы, вода кругами ходила под лопастями весел, карбас тяжело переваливался с волны на волну. Петр оглядывался, туда ли гребет и далеко ли до берега. Далеко, даже слишком. «Чертова посудина! И сам болван! Ни у кого ничего не спросил, никому ничего не сказал, теперь греби, выгребай, как галерный каторжник...»

Море темнело, суровело. Иногда хотелось отбросить весла, сидеть смирно, тихо, отдавшись волнам, течениям и все более крепчавшему ветру, или забраться в самый угол кормы, обнять собаку, укрыться лоскутом брезента и уснуть — будь, что будет.

Джек как будто понимал, что происходит. Он пристально смотрел на Петра мудрыми, сострадающими глазами, обнюхивал мотор, повиливал хвостом и подбадривал, с покорностью ложился на дно карбаса, мордой на лапы, и терпел, пережидал, перебирался на нос и вглядывался в далекий еще берег. «Ну что, Джек, впервые ты с таким олухом? Терпи, выгребем», — успокаивал его Петр, радуясь близости живой души. «Выгребем, выгребем, надо уметь выгребать», — повторял он с каждым взмахом.

Никогда еще Петр не оказывался в таком положении, чтобы от его сил, упорства и воли зависела жизнь. Он понимал, что это не самый крайний случай... спохватятся, спасут. Но тяжелая густая вода была рядом. Белое море схватывается штормом внезапно, слепые случайности подкарауливают со всех сторон.

Сняв куртку, он греб изо всех сил, однако карбас будто стоял на месте. Казалось даже, что его уносит в море течением и волнами. Ломило руки, спину, а Петр взмахивал и наваливался на длинные весла теперь уже с отчаянием и тупой остервенелостью. «Выгребу, выгребу...»

Взмокла рубашка, горели ладони. Кричи не кричи, до берега далеко, густая темень непроницаема уже ни для глаз, ни для крика. Поселок за высокой скалистой горой, где пьяны или спят до утра, а тогда, быть может, начнутся поиски. А к тому времени, если опустить весла, отливом унесет далеко в море.

Петр попробовал еще раз завести мотор, спешил, ярился, несколько раз хлестнул себя случайно заводным шнуром по рукам и щеке. Плюнул, сел, опустил голову в ладони. Глупо, горько и страшно было покачиваться на волнах в бессилии, в ожидании чуда или какого-то выхода. Начался тихий звон в ушах, он все разрастался и разрастался до гула. Петр поднял голову, огляделся. Волны вокруг и едва приметные над водой два берега бухты — один низкий, почти сливающийся с морем, другой все такой же высокий, скалистый, с мрачной щетиной деревьев. И тишина.

«Без паники, только без паники», — сказал вслух Петр, вспомнив отважного мореплавателя Бомбара, испытавшего не раз свою выносливость и волю в морях и океанах на утлой резиновой лодочке с названием «Еретик».

Джек то ложился, вытянув лапы, то привставал и вертелся, поскуливая. «Выплывем, выгребем. Только не надо спешить...» Наверно, сотни раз люди ходили по морю на этой посудине. Она была податливее под сильными взмахами Титыча и его товарищей. Петр вспомнил, как тетка Евдокия говорила о себе: «Я и за мужиков веслами помахала...» Как же это ей удавалось отправляться за много верст на похожку, брать, вытаскивать рыбу из тяжелых сетей и возвращаться к ночи. Это так же, как и то, что женщины во время войны пахали землю на себе. Он греб упорно и долго, пока не услышал за спиной шуршание, потом удар — карбас ткнулся в берег.

Петр долго сидел, опустив голову и руки, приходил в себя, а потом, тяжело переступая через сиденья и перемычки, перевалился через борт. Встал на камень, обмотал цепь вокруг влажного валуна и побрел вверх по склону.

Джек побежал, заспешил, а Петр пошел за ним вслед по каменистой тропе. Впереди был лес и тьма, едва просветленная звездами. Одна вдруг сорвалась с небосвода и белым росчерком сгорела в далеком пространстве. Петр шагал и шагал, переступая с камня на камень и все более проникаясь странным чувством страха и восторга, безбрежностью Вселенной над головой, вечной жизнью неба и кратким, но осмысленным своим существованием.

Собака забегала в кусты, шуршала ветками, что-то нюхала, будто шла по следу. «Надо продвигаться осторожно, по камням и кореньям», — сообразил Петр. Забравшись на гору, он оглянулся. Уже были видны первые признаки рассвета. Долгой была борьба с морем. Но теперь он не чувствовал усталости, саднили только ладони. Он перебрался через болотце, вышел на пригорок. Деревья расступились, вновь показалось небо, и крошечная, немигающая белая точка поплыла в просветленной вышине. «Что же это такое? Комета? Но где ее хвост? Звезда? Но почему так медленно и не сгорает? Да это же самый обыкновенный космический корабль, каких теперь много», — обрадовался пораженный Петр. И еще явственнее пришло к нему бесстрашие, как будто это он сам пролетал сейчас по небу над планетой, затерянным, почти неприметным во Вселенной и таким огромным, теплым, уютным домом землян.

Петр стоял, смотрел, думая о человеке, который сейчас летит где-то там, преодолевая страх и неизвестность, с космической скоростью. Пригнувшись, чтобы сучки не попали в глаза, он направился дальше. Шел быстро, спотыкаясь о коренья, камни. И опять зашагал бодро.

Когда высокие ели остались позади, тьма внезапно просветлела, высветилось, озарилось все и в нем самом, как будто совершил подвиг.

Миновал сарай, поднялся на вершину перевала, увидел яркую зарю рассвета. Небо яснело не справа, где было Гридино, а слева, со стороны моря. Он вспомнил тропу, по которой шел когда-то к берегу, где встретился с Анютой, собиравшей водоросли, шагал мимо валунов, елей, сосен, низкорослых, с

облетевшей листвой березок к скалистому откосу. Еще издали увидел залив и карбас, уткнувшийся в камни.

Он сел на уступ скалы, закурил.

Из прибрежных кустов, подобно крошечным челнам, выплыла боевым строем, острым клином птичья эскадра. «Утки!» — прошептал Петр. Неожиданно вспыхнул азарт охотника, но сразу же погас, как только птицы начали нырять, плескаться, привставая на хвосты, радостно забили крыльями над просветлевшей водой. «Какие крупные, как гуси... Да это же гагары!» — удивился Петр.

Мягко, нежно, неторопливо уплывала стая от берега на открытую воду. Жируются. Мороз придет — улетят. Вот ведь как... Нет ничего теплее гагачьего пуха, а тоже боятся холодов. Не холод заставит их улететь из родных мест в другие страны — зов предков, зов еще дочеловечьего прошлого. Птичьи дороги неизменны. Что за ориентиры, какой компас у них в крови? Какая память? Говорят, что одна птица без стаи не найдет нужный путь, заблудится — вожак только смелее других, отважнее, выносливее. Скоро гагары помчатся над континентами и океанами, чтобы потом переждать в местах обильного корма и тепла суровые северные вьюги и вернуться к родным берегам, высидеть птенцов, выкормить, и, спрыгнув с берега, вольно, легко поплыть к открытому морю.

Нет, не менее трудна их битва жизни, чем у человека. Чтобы прокормиться, спастись от опасностей, продолжить род свой в веках, им даны лишь лапки-весла, клюв, крылья да мягкие теплые перья, а у человека....

Идут по морям и океанам стойкие траулеры, черпают гигантскими сетями сельдь, треску, сардины, таранят, ломают льды мощные ледоколы, бегут по земле тяжело груженные составы поездов, мчатся машины, распахивают землю мощные тракторы, жарко плавится сталь в мартенах и румянятся караваи хлеба в печах. Силен человек в битве за жизнь.

На восточной части неба погасли звезды, и вот уже почти все оно наполнилось розово-голубым светом. Просветлели, потеплели камни на берегу, вспыхнули ели и сосны. «У меня тоже свои маршруты перелетов, — думал Петр, — все время в пути... дороги, дороги... от рождения до смерти.

Встречусь еще со многими людьми, будем вместе шагать, работать, выручать друг друга.

Мой компас — счастье близких мне людей, их радостные глаза, голоса, память о лучшем... И наш дед навсегда в моем сердце.

Целый мир дел и отношений он оставил, завещал нам всем. Так из зерна рождается колос, а из колосьев зерна, а из зерен — целое поле жизни. Все это просто и вечно. Но самое-то сложное жить, соблюдая эти простые законы. Теперь мой черед пахать поле, создавать свой мир во имя будущего, которое в сыне моем и, если доживу, в моем внуке и правнуке, которому хотел бы завещать те же простые, вечные желания, какие пришли ко мне на этом берегу».

Всходило солнце. Оно рождалось из воды, из Белого, студеного моря, рыбьим выпученным глазом поднимаясь над розовеющей гладью.

Фото 20-х годов.

Чародей смеха

90 лет со дня рождения Остапа Вишни

Павел Михайлович Губенко родился на хуторе Чечва на Полтавщине. В семье у отца, отставного солдата, было еще 16 детей. Рано узнал крестьянский мальчик нужду, голод, заботы трудовых людей. Любознательность и смекалка помогли Павлу выучиться. Окончив фельдшерскую школу в Киеве, начал работать в больницах. По отзывам однокашников и коллег, молодой фельдшер имел все данные, чтобы сделать врачебную карьеру. Но случилось иначе: он прославился не как врач, а как писатель — под именем Остапа Вишни.

То, что успел он за свой недолгий век в литературе, мог совершить только человек, наделенный незаурядным талантом и трудоспособностью. Первые фельетоны, подписанные «Остап Вишня», появились в украинских газетах в начале 20-х годов, и за 10 лет 23 книги фельетонов и юмористических рассказов выдержали 42 издания, их общий тираж достиг шестизначной цифры — по тем временам громадной.

Читатели газет и журналов в те годы, особенно на селе, ждали появления на страницах фельетонов Остапа Вишни. И он стремился выполнять все социальные заказы времени. В остроумных, проникнутых народным юмором фельетонах откликался на самые злободневные для молодой Республики Советов проблемы, обращал острие своего смеха против организаторов антисоветских походов и блоков, белогвардейцев и петлюровцев, против мещанства и бюрократизма, против шкурников и карьеристов, приспособленцев и очковтирателей, рвачей и бездельников.

Особое место в творчестве Вишни заняла антирелигиозная тема. Он срывал покровы святости с религиозных догм, выводил на чистую воду реакционное духовенство. За четыре года сборник его антирелигиозных фельетонов «Дела небесные» переиздавался шесть раз. Многие из них переводились на русский и другие языки.

Неутомимым тружеником пера Остап Вишня оставался до последних дней своей жизни.

Прошли годы с тех пор, как ушел от нас этот большой писатель, а все трудно свыкнуться с мыслью, что его нет среди нас. В моей рабочей комнате в редакции «Перца» висит портрет Павла Михайловича. Смотрю на него, и кажется, что вот сейчас войдет, опираясь на резной гуцульский топорик, наш любимый, как мы говорим, «одноперчанин». Поздоровается шутливо и весело, как всегда:

— Привет, ребятушки! Как жизнь молодая — цветет?

— Цветет, Павло Михайлович! Садитесь!

Сядет, протрет платком очки, достанет из кармана коробку неизменного «Казбека», закурит. Потом как бы невзначай заметит:

— Вы, Федор Юрьевич, живого варвара давно видели? А я — сегодня.

И расскажет какой-то возмутивший его эпизод, пообещает написать в «Перец».

Сам он был человеком большого сердца, благородной души, ценил доброту, очень чутко реагировал на любое зло, беззаконие, равнодушие. Помню, как-то в начале лета читатели «Перца» прислали Вишне письмо — просили призвать к порядку своего земляка-браконьера, нарушающего сроки охоты и безжалостно истребляющего дичь. Павел Михайлович, сам заядлый охотник и автор прославленных «Охотничьих усмешек», прочел письмо и зашелся от гнева. Он тут же написал фельетон «Утята плачут», в котором страстно обличал нарушителя закона. И это был не единственный случай, когда писатель тотчас откликался на просьбу или жалобу. Литературная слава и популярность его были таковы, что выступление Остапа Вишни всегда становилось событием. И естественно, многие стремились обратиться непосредственно к «самому Вишне». За 10 лет нашей совместной работы в «Перце» я не упомню случая, чтобы он кого-то не принял, чтобы сказал: «Сегодня у меня много дел — приходите в другой раз». Он откладывал даже самые неотложные дела. А ведь в редакции сатирического журнала от посетителей, что называется, всегда отбоя нет.

Частенько бывало и так. Входит человек и спрашивает:

— Могу я видеть Остапа Вишню?

— Можете.

— А где он?

— Да вот он, перед вами.

— Простите, я в Киеве проездом, просто захотелось взглянуть на вас.

А Павел Михайлович уже не отпустит гостя, побеседует, расспросит, кто он, где живет, кем работает, что слышно в его краях. С посетителями он умел разговаривать удивительно непринужденно и искренне, очень любил и ценил веселых и остроумных людей. Часами мог слушать их рассказы и хохотать до слез.

Встречи с людьми, путешествия по стране были для него истинным наслаждением:

— Не люблю келий, кабинетного уюта. Только живая жизнь может подсказать литератору настоящую тему.

И это он доказал на деле не одной сотней тем и сюжетов для своих блестящих фельетонов, юморесок, очерков.

Талант Остапа Вишни, необычайная популярность его произведений оказали немалое влияние на творческий рост молодых украинских сатириков и юмористов. Для творческой молодежи он был мудрым учителем, не жалел для общения с писателями ни времени, ни сил, ни опыта.

— Все мы выросли из Вишневого корня, — заметил как-то талантливый украинский юморист Юрий Вухналь.

Думаю, что сказано верно, без преувеличения. «Вишневый корень» дал целую плеяду литераторов-юмористов в двадцатые годы, из «Вишневого корня» потянулась молодая поросль и нынешних украинских сатириков и юмористов.

Остап Вишня был и навсегда останется в украинской литературе звездой первой величины. И слово его, чарующее, искрометное, и смех, то язвительный и едкий, то поэтичный и ласковый, всегда истинно народный юмор будут жить вечно, потому что сам писатель был живой, радостной улыбкой своего народа.

Федор МАКИВЧУК,
главный редактор журнала «Перец»
г. Киев

Предлагаем вниманию читателей две юморески Остапа Вишни, воссоздающие дух антирелигиозной борьбы тех лет, когда только зарождался Союз воинствующих безбожников.

ПРО БЛАГОДАТЬ, ПРО КАНОНЫ И Т. П.

Речь пойдет о благодати, о церкви, о канонах — одним словом, о божественном.

1) Что такое благодать?

Не знаю. Знаю только: это что-то такое, что «нисходит» сверху. Не разглядеть его даже под микроскопом, зато в делах божественных большой вес имеет: без него и патриарх, и митрополит, и простой священник — как без рук. Не может ничего угодного богу сделать. А если и сделает что-то без благодати — все впустую, без пользы для прихожан. Благодать имеет свойство на ком-то «почивать».

2) Что такое канон?

Не знаю. На Галичине так называют пушку. Но по-церковному это что-то совсем другое. Если бы это была пушка и по-церковному, то такие каноны перепугали бы и самого господа-бога. Каноны — это что-то вроде таких трубок, по которым «нисходит» благодать. А вот если благодать «низойдет» не через канон, а как-то иначе, — она недействительна. Как видим, и канон — тоже немаловажная штука.

3) Что такое церковь?

Знаю. Да и вы знаете.

Чтобы церковь была богу угодна, необходимо, чтобы на ней «почивала» благодать.

Благодать «нисходит» по канону сверху, с неба, на патриарха. Он, патриарх, эту благодать принимает, сортирует и — уже по меньшим канонам — наделяет ею митрополитов, оставив себе надлежащую толику. Митрополиты в свою очередь наделяют благодатью епископов, а те — священников. Дьяконам и дьякам-псаломщикам благодати не полагается...

Благодать, как видим, в церкви главнее всего. Святость, правдивость, так сказать, правильность церкви зависит от благодати. От той же благодати зависят и качества самой церкви, ее характер, ее особенности. Одним словом: какова благодать — такова и церковь.

К чему это я так подробно?

А вот к чему.

У нас теперь церковь «революционная» — «живая» церковь.

Ну, хорошо.

А кто той церковью управляет?

Те митрополиты и епископы, что от Тихона отступились.

А какая на них благодать?

Тихоновская — та, которой он, как патриарх, их всех наделил.

А что самое главное в церкви?

Благодать.

А что характеризует церковь?

Благодать.

А какая благодать «почиет» на «живой» церкви?

Тихоновская.

А какова «живая» церковь? «Революционная»?

Нет, хватит. Запутался совсем.

Не специалист я в этих делах, вот и запутался...

ВСЕ ПОНЯТНО

В одном селе на Киевщине дьяк, прослуживший 70 лет, заявил, что ему вопрос с религией непонятен, и оставил службу.

Из газет

Вот тебе и на!

Семьдесят лет, бедняга, славословил, воспевал, свечи возжигал, ладаном курил, иконы целовал, и вдруг — трах себя требником по лбу:

— Что же это я творю? Кого славословлю, кого воспеваю?

Зашвырнул Псалтырь, сел и запел что-то веселое.

— Что с вами, дьяче?

— Темное дело с религией, ребята. Ни черта я в этом вопросе не понимаю!

Пропали семьдесят лет! Весь век служил человек, чтобы теперь сказать:

— Не понимаю!

А что в этой религии такого непонятного?

Что там такого сложного, чтобы за целых семьдесят лет не разобраться?

Да это же простейшая штука — религия...

На небе — бог, сын и дух.

А на земле — «во человецех благоволение».

Вот и все!

Бог — это же понятно. Эдакий себе дед с седой бородой, в подряснике, босой, без шапки, а вокруг головы вроде тоненькие колышки понатыканы.

Сын — помоложе, с русой бородкой, в сандалиях, вокруг головы желтый обруч.

А дух — это голубь белый, из породы турманов, а из хвоста у него вроде дым идет...

Вот этой троице и надо молиться.

Самая лучшая молитва:

— Подай, господи!

Молиться нужно для того, чтобы на земле было это самое «во человецех благоволение».

«Благоволением» называются дензнаки выпуска 1923 года, пшеница, пироги, мед, сушеные груши и курица.

Прежде (до революции) к «благоволению» относился и поросенок; теперь он оттуда вычеркнут.

Вот вам кратенькая схема религии.

Как видим, ничего непонятного здесь нет.

И зря тот дьяк бросил службу.

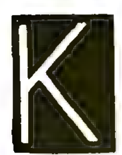
Служил бы себе дальше...

Перевел с украинского Б. МАРЬЯНОВ

ОТ ТЕОКРАТИИ

Е. БАВРИН

Площадь Сухэ-Батора в столице МНР.



К ВЛАСТИ НАРОДА

Монголия стала первым государством, которое вслед за Советской Россией включилось в исторический процесс социального обновления, открытый Великим Октябрем. Революция здесь была подготовлена всем ходом предшествующего развития и явилась результатом созревших в монгольском обществе объективных и субъективных предпосылок.

Тесные узы дружбы и всестороннего сотрудничества между рабочим классом и трудовым крестьянством России и монгольскими аратами-скотоводами установились с первых же дней победы народной революции. И поэтому закономерно, что, когда вторгнувшиеся в Монголию белогвардейские банды Унгерна посягнули на завоеванную трудящимися свободу, советский народ пришел на помощь своим монгольским братьям. Совместными усилиями красноармейских частей и воинов Монгольской народной армии оккупационный режим белогвардейцев был ликвидирован, и это открыло перед страной путь к политическим, экономическим и социальным преобразованиям.

Дореволюционная Монголия была феодально-теократическим государством. Вся полнота светской и духовной власти находилась в руках неограниченного монарха — богдо-гэгэна. Основу экономики составляло отсталое кочевое скотоводство. В стране полностью отсутствовали промышленность, современный транспорт, а ее главное богатство — скот принадлежал в значительной части светским и духовным феодалам. Феодальные формы эксплуатации тесно переплетались с колониальным гнетом иностранного, главным образом китайского, торгово-ростовщического капитала. Только один процент монголов умели читать и писать, да и то это были монахи-ламы. В стране свирепствовали эпидемии, уносившие десятки тысяч жизней. Численность населения неуклонно сокращалась.

Широкие массы трудящихся были опутаны закоснелыми предписаниями ламаизма. На 600 тысяч населения приходилось 780 монастырей-дацанов, в которых жирели за счет народа 112 тысяч тунеядцев-лам; связанные монашеским обетом безбрачия, они составляли 45 процентов всех мужчин-монголов.

Такова была вкратце социально-экономическая и политическая обстановка в Монголии накануне революции. Она наглядно показывает, какую огромную созидательную работу предстояло осуществить Монгольской народно-революционной партии (МНРП) и народному правительству, чтобы вывести страну на путь прогресса. Определяющее значение для выработки правильной программы действий монгольских революционеров имели советы В. И. Ленина по вопросам государственного, партийного и хозяйственного строительства, высказанные во время его беседы с Сухэ-Батором и другими членами монгольской делегации в ноябре 1921 года.

Учитывая тогдашнюю религиозность монголов и авторитет, каким среди них пользовался богдо-гэгэн, МНРП и народное правительство приняли решение провозгласить страну ограниченной монархией. По соглашению, подписанному народным правительством с богдо-гэгэном, за ним было сохранено право на руководство всеми делами ламаистской церкви, но он был лишен светской власти. После его смерти в 1924 году была упразднена монархия и Монголия провозглашена республикой.

Сразу же после победы революции в стране начал последовательно осуществляться комплекс мероприятий по демократизации общественной жизни и обеспечению политических прав и свобод трудящихся. Были приняты, в частности, законы об отмене крепостной зависимости, о лишении феодалов политической власти в центре и на местах, отменена феодальная налоговая система, национализирована земля, введено обложение налогом феодальных хозяйств, ограничены привилегии дацанов и т. д. Затем, опираясь на безраздельную поддержку трудового аратства, народная власть провела поэтапную экспроприацию скота, принадлежавшего феодалам, и передала его беднейшим хозяйствам. Это положило конец феодальному укладу.

В те же годы в стране, по существу на пустом

месте, была создана разветвленная система народного образования. Повсюду открывались школы, специальные училища и техникумы, организовывались кружки по ликвидации неграмотности среди взрослых. Тогда же были сделаны первые шаги по налаживанию медицинского обслуживания населения.

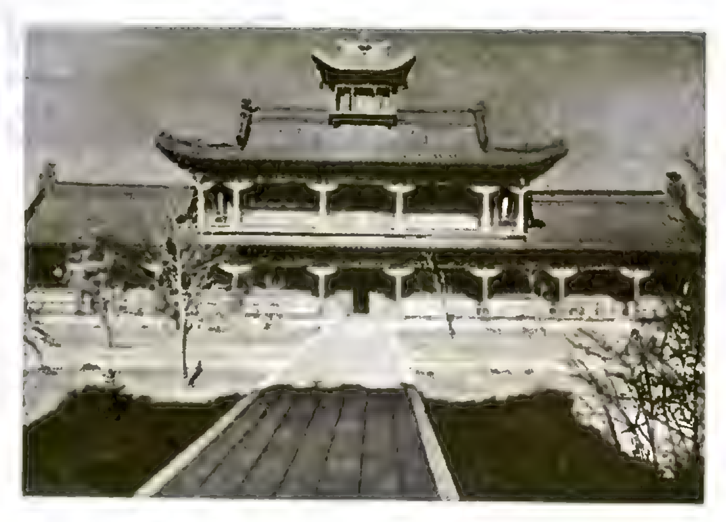
При всесторонней помощи Советского Союза в МНР началось строительство первых промышленных предприятий, современного транспорта и связи. Результатом этого стало рождение рабочего класса, численность которого с тех пор непрерывно росла. В стране были созданы первые госхозы, а в животноводство стало постепенно внедряться кооперирование.

Особую сложность в условиях Монголии приобрел вопрос ликвидации засилья ламаизма в общественной жизни. Провозгласив отделение церкви от государства и школы от церкви и последовательно осуществляя наступление на политические и экономические позиции духовенства, народная власть в то же время умело проводила политику дифференцированного подхода к монашеству, изолируя его реакционную верхушку от низших и средних лам.

Тактично, с учетом национальных и исторических особенностей началась борьба за преодоление влияния буддизма на сознание людей. Идеологическую работу партийные организации в центре и на местах увязывали со всем ходом социально-экономических и политических преобразований. При этом особое внимание обращалось на правильное ведение атеистической работы среди бедняков. Высвобождая таким образом постепенно общественную и культурную жизнь из-под влияния религии, народная власть всячески избегала возникновения каких бы то ни было конфликтов на этой почве. Монгольское государство с большим уважением относилось к чувствам верующих и законодательно гарантировало еще в первой Конституции МНР (1924 г.) всем его гражданам свободу совести и вероисповедания.

Однако нормализации отношений между церковью и государством препятствовало высшее духовенство, встретившее с опаской победу народной революции. Оно сразу же повело бешеную контрреволюционную пропаганду, встречая в штыки любые мероприятия, направленные на раскрепощение трудящихся и улучшение их положения. В своей борьбе против народной власти ламаистская верхушка блокировалась с внутренней и внешней реакцией, стремясь объединить всех врагов МНР и с помощью империалистов уничтожить завоевания народа. В стенах дацанов скрывались от справедливого возмездия контрреволюционеры, из которых сколачивались террористические группы.

В середине 30-х годов обстановка на восточных границах МНР сильно обострилась в результате агрессивных действий японских милитаристов. В этих условиях остатки контрреволюционных сил в стране, базируясь на дацанах, предприняли попытку вооруженного мятежа, рассчитывая с помощью империалистической Японии восстановить старые феодальные порядки. Но органы государственной безопасности своевременно разоблачили крупные контрреволюционные организации, в которые входило более 100 высших лам из 20 крупных дацанов, связанных с



Монастырь Чойжин-ламы в Улан-Баторе, построенный в 1903—1905 гг. на взысканные с трудящихся аратов средства (3300 килограммов серебра). В 1942 г. он был передан как исторический памятник в ведение Академии наук МНР и превращен в музей.

китайской и японской контрразведками. В ряде монастырей были обнаружены тайные склады оружия.

Коренные социально-экономические преобразования и культурная революция, осуществленные народной властью, спасли монгольский народ от медленного вымирания, на которое его обрекали отжившая и закоснелая феодально-ламаистская система, и поколебали насаждавшуюся столетиями среди трудящихся веру во всемогущество религии и ее служителей. А вооруженные выступления ламаистской верхушки против народной власти окончательно подорвали былой авторитет духовенства и обусловили высвобождение многих верующих из-под влияния церкви. Низшие и средние ламы стали массами покидать дацаны. Большинство их вскоре опустело и практически перестало действовать.

VIII Великий Народный Хурал (1936 г.) подтвердил отделение церкви от государства, запретил всякое вмешательство монастырей в политическую и хозяйственную жизнь и установил за их деятельностью постоянный контроль административных органов. Так дацаны перестали служить помехой на пути развития МНР к социализму. Однако ликвидация феодализма в Монголии и решение монастырского вопроса сами по себе еще не означали полного преодоления пережитков прошлого в сознании людей и прекращения влияния ламаизма.

Ныне в результате правильной политики МНРП в конкретных условиях своей страны, а также благодаря самоотверженному труду народа, братской помощи Советского Союза и других государств социалистического содружества неузнаваемо изменился облик Монголии. Сегодня она имеет развитую промышленность, современные виды транспорта, кооперированное сельское хозяйство. Монгольское общество состоит из двух дружественных классов — рабочих и кооперированного аратства, при руководящей роли рабочего класса. Сформировалась народная интеллигенция. Основой духовной жизни трудящихся стала социалистическая идеология.

В стране создана широкая сеть общеобразовательных школ, средних специальных и высших учебных заведений, выращены национальные педагогические кадры, полностью ликвидирована былая неграмотность. Сейчас каждый четвертый монгол

учится. Доля учащихся в населении МНР значительно выше, чем во многих государствах Азии и даже в некоторых развитых капиталистических странах.

Становление и последовательное укрепление социалистической системы здравоохранения — одно из крупнейших достижений монгольского народа. По показателям, характеризующим уровень медицинского обслуживания, МНР далеко опередила многие государства Азии и Африки. Современная Монголия отличается высоким естественным приростом населения. Рождаемость на каждую тысячу жителей составляет 40 человек. Растет средняя продолжительность жизни — сейчас она достигла 66 лет. За годы народной власти население республики увеличилось в 2,4 раза.

На основе неуклонного роста промышленного и сельскохозяйственного производства произошли существенные изменения в образе жизни трудящихся. В республике ведется широкое жилищное строительство. Улан-Батор, Дархан, Эрдэнэт, Чойбалсан и некоторые другие аймачные центры превратились в современные города с широкими улицами и благоустроенными домами. Только в 70-е годы заработная плата рабочих и служащих возросла примерно в полтора раза, а пенсии и пособия — почти вдвое. Реальные доходы населения увеличились в полтора раза, в том числе и за счет общественных фондов, выросших за тот же период на 86,6 процента.

Во внутреннем дворике монастыря Гондантэгчэнлин в Улан-Баторе. Ламы перед богослужением.

Значительных успехов добилась монгольская наука. Научно-исследовательскую работу ведут сейчас свыше полутора тысяч ученых. В 1961—1978 годах они опубликовали 540 крупных исследований, среди них 130 монографий. Внедрение в производство более 550 научных рекомендаций и разработок дало большой народнохозяйственный эффект.

Тысячелетнюю историю имеет монгольская культура. Однако приобщение к ней широких народных масс началось лишь после революции. Ныне в стране создана прочная база новой культуры — интернациональной по духу, национальной по форме и социалистической по содержанию. Имена ряда современных монгольских писателей, ученых, художников, музыкантов теперь известны далеко за пределами МНР. За годы народной власти здесь созданы десятки театров, кино-, радио- и телестудий. В первой публичной библиотеке, открытой в 1921 году, насчитывалось всего 2 тысячи книг. А сегодня в МНР — более 1100 библиотек и читальных залов, общий фонд которых насчитывает около 8,8 миллиона томов.

Важную роль в распространении культуры и искусства играют музеи, которых в МНР 30. В 375 клубах и домах культуры и 1400 красных уголках регулярно читаются лекции, проводятся выставки и конкурсы, концерты профессиональных и самодеятельных артистов.

Могучим оружием партии в воспитании сознательных и убежденных строителей социализма стала печать. В 1920 году в Монголии выходила всего одна газета, имевшая тираж 3 тысячи экземпляров, а сегодня здесь 38 газет общим тиражом более 90 миллионов экземпляров и 30 журналов тиражом 4,1 миллиона экземпляров. Ежегодно печатается около 4 миллионов экземпляров книг.

Прочно вошли в быт монгольского населения радио и телевидение. Первые передачи монгольского телецентра жители Улан-Батора увидели в 1967 году. Благодаря строительству приемных станций «Орбита» и радиорелейной линии теперь телепередачи смотрят не только жители столицы, но и ряда других городов и населенных пунктов.

Глава монгольских буддистов Хамбо Лама С. Гомбожав (с л е в а) на Конгрессе миролюбивых сил в Москве (1973 г.).

Индустриализация страны, рождение рабочего класса, кооперирование многочисленных аратских хозяйств и перевод их на социалистический путь развития, культурная революция — все это привело к росту социальной активности граждан. Участие монгольских трудящихся в органах народной власти, в жизни трудовых коллективов обогащает их социальный опыт, способствует преодолению религиозных взглядов и формированию у них научного материалистического мировоззрения. Эти же огромные сдвиги, естественно, обусловили утрату ламаизмом его былого авторитета. Верующих и исполняющих буддистские обряды в МНР сейчас очень мало, причем число их непрерывно сокращается.

Государство объявило вероисповедание личным делом каждого гражданина. Это положение закреплено в Конституции МНР, которая гарантирует не только свободу вероисповедания, но и свободу атеистической пропаганды. Уголовное законодательство предусматривает наказание лиц, ущемляющих права верующих или же препятствующих совершению религиозных обрядов. Ни в одной офи-

циальной анкете или листке по учету кадров нет графы, выясняющей вероисповедание. Вопрос этот не задается при поступлении ни на работу, ни в учебное заведение.

Ламаистское духовенство МНР в настоящее время стоит на лояльных позициях по отношению к народной власти. Мнение всех монгольских лам выразил глава монгольских буддистов Хамбо Лама С. Гомбожав. «Религиозно-культовая деятельность... не прекращается ни на один день, — заявил он в одном из своих интервью. — Это является ярким свидетельством того, что гражданам МНР предоставлена полная свобода вероисповедания. Мы, монгольские буддисты, уважаем и поддерживаем свое социалистическое общество, которое прилагает все усилия для счастья народа, вносит свой вклад в общую борьбу за мир во всем мире. В каждой своей молитве мы желаем нашему государству благоденствия».

Центр монгольских буддистов — дацан Гандантэгчэнлин в Улан-Баторе, представляющий собой комплекс храмов и духовную школу, основан в первой половине прошлого века. Здесь хранится большое собрание редких скульптурных изображений будд и более 50 тысяч древних книг и рукописей. Это единственный действующий монастырь в стране, но он вполне удовлетворяет запросы верующих. Здесь ежедневно совершаются службы и молебны, а средства на его содержание складываются из добровольных пожертвований самих верующих и не облагаются налогами. Государство оказывает дацану помощь в строительных и ремонтных работах, предоставляя рабочую силу, материалы и технику.

Монгольские буддисты поддерживают широкие связи с буддистскими организациями других стран. В 1969 году, например, руководство ламаистов в МНР выступило одним из инициаторов основания Азиатской буддистской конференции за мир (АБКМ), а ее президентом был избран глава монгольских буддистов, член Всемирного Совета Мира Хамбо Лама С. Гомбожав. Своей главной задачей АБКМ объявила борьбу за мир и предотвращение угрозы термоядерной войны.

Свидетельством возросшего международного авторитета МНР, в том числе и в зарубежных буддистских кругах, явился тот факт, что в качестве места для проведения очередной, V генеральной ассамблеи АБКМ была избрана столица МНР. В работе этой ассамблеи, состоявшейся в июле 1979 года в Улан-Баторе под девизом «Мир, справедливость и единство», приняли участие не только буддистские деятели из 15 азиатских стран, но и представители семи международных организаций, включая такие влиятельные, как Всемирное братство буддистов, Христианская мирная конференция (ХМК) и Всемирный Совет Мира.

Активные контакты монгольских буддистов с зарубежными религиозными деятелями способствуют распространению за рубежом правдивой информации о социалистической Монголии и о подлинном осуществлении свободы совести в МНР.

История монгольского народа в послереволюционные годы убедительно свидетельствует о том, что общественная и частная жизнь людей не нуждается ни в каком религиозном освящении. И наоборот, освобождение их от этой зависимости является важным импульсом социального прогресса. Опыт МНР показывает, какое огромное значение для общественного развития имеют массовое распространение знаний, развитие культуры, пропаганда единственно научного диалектико-материалистического мировоззрения.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЛАВЯН

При Институте археологии Словацкой Академии наук в Нитре (Западная Словакия) находится секретариат Международного союза славянской археологии (УИАС), генеральным секретарем которого является директор института Богуслав Хроповский. Организуя различные международные конгрессы и симпозиумы, сотрудничая с более чем сорока странами, эта организация вносит свой вклад в решение одной из задач программы ЮНЕСКО — в изучение древних славянских культур.

По словам Б. Хроповского, перед археологами-славяноведами стоят важные вопросы: как, когда и откуда пришли славяне в центральную, северную и западную Европу, какую роль сыграли они в ее культурном, политическом и общественном развитии?

Согласно легендам, говорит он, все было довольно просто. Наши праотцы Чех и его брат Лях повели славян с их родины на Висле, где уже было тесно, в землю обетованную. Люди шли с языческими реликвиями древнеславянских божеств, со всем своим скарбом и стадами. Они перешли три реки и прошли две страны, пока, наконец, усталые, не остановились посреди плодородной и бескрайней равнины, под высокой горой Ржип.

А что же говорит современная наука?— продолжает Б. Хроповский. Точки зрения относительно территории, первоначально заселенной нашими предками, расходятся. Бесспорно одно, древние славяне были многочисленны. Основанием для таких утверждений служат не только данные древних авторов, но и та быстрота, с какой славяне заселяли территории, населенные прибалтийскими и финно-угорскими племенами: Приднепровье, долины Дона, Дуная, Балканы, части теперешней Австрии, Венгрии, Румынии и Греции, Малую Азию, Северную Африку. Отчасти или полностью они ассимилировали прибалтийские и угро-финские племена, иллирийцев, фракийцев, тюркских кочевников, болгар и авар и, наоборот, сами ассимилировались среди румын, венгров, греков.

Эти давно известные науке факты, заключил Б. Хроповский, систематически пополняются новыми данными, которые дают прежде всего археологические раскопки, проводимые в ЧССР и Советском Союзе. Они позволяют определить территорию, первоначально населенную славянами, а также их роль в историческом развитии Европы.

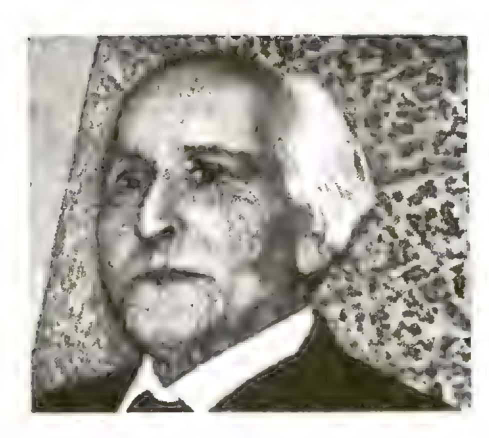
СОКРОВИЩНИЦА РЕДКИХ ИЗДАНИЙ

Три миллиона книг и рукописей хранится в фондах Государственной публичной библиотеки Монгольской Народной Республики. А до народной революции в стране вообще не было никаких библиотек, кроме монастырских.

Государственная библиотека МНР — ныне одна из крупнейших в Азии. В ее фондах бережно хранится более миллиона редчайших и ценнейших рукописей и книг на монгольском, тибетском языках и санскрите. Есть фолианты, завернутые в шелка, написанные бамбуковым пером. В главной библиотеке республики находятся книги, у которых, быть может, даже нет аналогов во всем мире. Каждый их лист, отделанный сандаловым деревом и украшенный драгоценными камнями, — серебряный, а чеканные буквы — золотые...

НАСЛЕДНИКИ БЕССМЕРТНОГО ПОДВИЖНИКА

М. ГОЛЬДЕНБЕРГ, кандидат философских наук



Эдуардо Ди Джованни (1875—1979 гг.).

«Здесь, где пылал костер»... Такая внешне скупая, но емкая по смыслу надпись высечена на пьедестале памятника, возвышающегося на Площади Цветов в Риме, на том месте, где 17 февраля 1600 года в присутствии папы Климента VIII и его двора принял мученическую смерть Джордано Бруно. Емкая не только потому, что она вверила граниту, символу долговечности, память о великом мыслителе, гибелью своей вынесшем наиболее беспощадный после Яна Гуса и Орлеанской девы приговор блюстителям мертвящих догматических схем, но и потому, что напоминает: застенки, заплечных дел мастера и аутодафе оказались бессильными перед пытливым человеческим разумом...

Злодеяние, совершенное на пороге XVII века, продолжает напоминать о себе и в водовороте событий века нынешнего. Есть мрачная логика в том, что поклонник Муссолини Пий XI канонизировал кардинала Беллармина, чья прискорбная известность — лишь изнанка славы и величия отправленного им на костер бесстрашного ноланца.

И есть светлая закономерность в том, что созданная еще на рубеже нашего века итальянская Ассоциация свободомыслящих приняла имя Дж. Бруно, а издаваемый ею журнал озаглавлен «Раджоне» («Разум»). Перед нами его комплекты за 1977—1979 годы. Он скромен по формату и полиграфическому исполнению, да и выходит всего раз в два месяца. Может быть, это свидетельствует о его непопулярности? Нет, совсем о другом — о подлинной цене хваленых буржуазных «свобод», включая свободу слова и свободу совести.

Тут есть над чем призадуматься. Как сообщает «Раджоне» (1977, № 56), на состоявшемся осенью 1977 года в Ватикане V синоде епископов католической церкви не кто иной, как архиепископ Флоренции кардинал Дж. Бенелли, один из самых непримиримых представителей воинствующего клерикализма, горько сетовал на то, что 70 процентов итальянцев отвернулись от религии, а из числа остальных 30 процентов лишь немногие придерживаются христианской концепции жизни и обнаруживают понимание сути своего вероисповедания.

В этих условиях открываются широчайшие возможности для распространения воззрений свободомыслящих — намного превосходящие те, коими располагает церковь для «евангелизации». Но такая возможность может быть реализована только в условиях подлинной демократии, немыслимой в капиталистическом мире. Вот и получается: в то время как в Италии по-прежнему несть числа клерикальным изданиям, хотя католическая церковь там уже более не властна над умами большинства итальянцев, свободомыслие и атеизм, значительно расширившие свое влияние, располагают лишь одним небольшим журналом. Религиозные передачи каждодневно теснят друг друга в эфире, но итальянское радиовещание предоставляет свои микрофоны Ассоциации имени Джордано Бруно лишь несколько раз в году, несмотря на живой отклик, который вызывают ее выступления, а вернее — именно из-за него. Однако внешне все обстоит как нельзя лучше: правила игры в «плюрализм» формально соблюдаются, поскольку доступ к средствам массовой информации вроде бы обеспечен как представителям церкви, так и их идейным противникам.

Материалы «Раджоне» дают наглядное представление о том, каким незаурядным мужеством нужно обладать, чтобы отстоять на Западе хотя бы малую толику «надежно гарантированных свобод». «Пребываю на положении изгнанницы,— пишет читательница из Вероны,— так как не хожу в церковь. Здесь посещают ее, чтобы не лишиться работы и крова, заботясь лишь о соблюдении приличий. У меня же отняли все, но это не имеет значения: я лишь чувствую себя еще ближе к тому, чему учит Ассоциация имени Дж. Бруно». «Учитывая,— с едким сарказмом заканчивает свое письмо в «Раджоне» один из его зарубежных читателей,— что мы в Швейцарии пользуемся столь большой «свободой», я прошу вас не указывать моего имени, ибо в противном случае великая свобода может задушить меня» (1977, № 4).

Итак, вовсе не общественной бесполезностью объясняется сравнительно небольшой размах деятельности атеистов и свободомыслящих в капиталистических странах, а самим существом буржуазной свободы совести, сводимой в лучшем случае к простору для каких угодно разновидностей религии (в худшем — только для привилегированной), но не предусматривающей, даже на бумаге, никаких прав для атеизма.

Страх и принуждение и еще ханжество обеспечивают клерикализму показное благополучие в сфере идей. Лицемерие его идеологов, резонно замечает «Раджоне», дает себя знать уже тогда, когда они столь старательно пекутся о «правах диссидентов» в социалистических странах, напрочь «забыв», что именно церковь «сжигала живьем еретиков, диссидентов прошлых времен» (1977, № 2). При этом лицемерие церковной иерархии приумножается за счет фарисейства самих «диссидентов». В самом деле: каков подлинный облик этих «мучеников», которые выдают себя за борцов, притесняемых за свои убеждения? — спрашивает журнал. И отвечает: пока эти люди остаются в Советском Союзе, они твердят, будто добиваются исключительно «усовершенствования» социалистической системы, но как только оказываются в «свободном мире», вступают в открытую борьбу с социализмом (1977, № 2).

Что касается претензий церкви на роль высшего арбитра в области гражданских прав, то журнал считает безосновательными подобные притязания уже в силу самой сути религиозного учения. Ведь если им руководствоваться, то спасение возможно только через божью благодать. Человек же бессилен, справедливость и политическая свобода иллюзорны, поэтому тот, кто освободил себя во Христе, может продолжать оставаться в реальной жизни рабом — такова точно и тонко схваченная «Раджоне» (1978, № 3) квинтэссенция лицемерной антисоциальной проповеди, которую теоретики хотели бы выдать за эталон радения о благе человечества.

Столь же безжалостно развенчивает журнал ханжество святош, норовящих сколотить идеологический и моральный капитал на назойливо выдвигаемой на первый план (не для того ли, чтобы отвлечь внимание от других, куда более важных социальных забот?) проблеме прекращения беременности, обнажая с классовых позиций подлинное лицо церковных ревнителей нравственности. Легко, указывает «Раджоне», клеймить аборты из роскошных покоев ватиканских дворцов, закрывая глаза на то, что в условиях нищеты масс нерегулируемая рождаемость дополнительно обрекает на голод и унизительное прозябание огромное число малышей. А вот для богатых семей затруднений в этом плане никогда не существовало, ибо обличаемую патерами операцию произведут за миллион лир состоятельной синьоре в прекрасно оборудованных клиниках, включая и такие, которые принадлежат... женским монастырям. Правда, аборт будет при этом благочестиво переименован в «удаление доброкачественной опухоли» (1978, № 1).

Однако этим рекорд лицемерия церкви еще не побит. Журнал снова и снова подчеркивает, что оно проявляется в наиболее неприглядной форме именно тогда, когда клерикалы поднимают пропагандистский трезвон в «защиту» верующих в Советском Союзе, обвиняемом

ими в том, будто там не допускается никакой религиозной свободы. Но, как верно отмечает «Раджоне», в подобных случаях за «религиозную деятельность» выдаются нарушения под прикрытием религии фундаментальных правовых норм, действующих в СССР. Антисоветчики заступаются за тех, кто под таким предлогом распространяет клеветнические измышления, между тем как фабрикация фальшивок преследуется законодательством большинства стран — будь то на Западе или на Востоке.

Тем самым вдохновители антисоветских кампаний демонстрируют лишь свою непримиримую враждебность к социализму. Они, пишет в этой связи главный редактор журнала Джорджо Конфорто, предпринимают грубую попытку отвлечь общественное мнение от неизлечимых противоречий, раздирающих капитализм, расколоть прогрессивные силы, скрыть загнивание, несправедливость, угнетение, разъедающие так называемую западную цивилизацию (1977, № 3, 5).

Трудно переоценить значение того, что делает «Раджоне», дабы в условиях господства буржуазной машины дезинформации пробить брешь в частоколе враждебных нашей стране домыслов. Во имя борьбы с очернителями советской действительности журнал широко опирается и на заявления честных священнослужителей. К ним относится, например, пастор Филдинг Кларк, один из руководителей Британского комитета Христианской мирной конференции, неоднократно и подолгу путешествовавший по Советскому Союзу*. Этот священник, чьи свидетельства обретают особую весомость именно потому, что исходят от очевидца, считает нетерпимым и постыдным то обстоятельство, что многие англичане некритично воспринимают вымыслы о Советском Союзе и действующих в его пределах религиозных организациях, распространяемые учреждениями, вроде «Центра по изучению религии и коммунизма» во главе с завзятым антисоветчиком пастором М. Бурдо. «Мы пытались сказать правду о нормальной жизни церквей в СССР через «Би-би-си» и так называемую свободную прессу, как светскую, так и церковную, — пишет Ф. Кларк, — но на наши сообщения был наложен запрет, ибо они не согласуются с пропагандой, развернутой этим «центром» (1978, № 1). Словом, образцовый получается «плюрализм»: в просторном его лоне есть свобода для пастора Бурдо, но не для пастора Кларка! Где уж тут рассчитывать на свободу для атеистов.

И вот такого-то «плюрализма», которому наши идейные противники не могут и не хотят на деле обеспечить право на существование у себя дома, они «требуют» от Советского государства! «Но что означает,— правомерно ставит вопрос «Раджоне»,— «экономический и идеологический плюрализм» для страны, где социализм давно уже стал действительностью? Что же ей теперь — выдумать классовых врагов, носителей буржуазной идеологии? Или же восстановить частную собственность на средства производства, возвратив их частным владельцам?» (1978, № 3). Немногими словами здесь сказано очень много. Более того, сказано главное! Прогрессивный итальянский журнал проницательно разглядел классовую подоплеку яростной и хорошо скоординированной антисоветской кампании, развязанной адвокатами «плюрализма» и, как с сожалением отмечает «Раджоне», иной раз поддерживаемой некоторыми деятелями, считающими себя марксистами.

Дальний (вернее бесконечно близорукий!) расчет этих «защитников свобод» заключается именно в том, чтобы создать в нашей стране условия для распространения антикоммунистической идеологии, исподволь, шаг за шагом добиваться восстановления частнособственнического способа хозяйствования и тем самым подорвать устои социализма и покончить с ним. Но «отменить» его значило бы аннулировать объективные закономерности общественного развития. Поэтому такая затея не более перспективна, чем, скажем, попытка упразднить закон всемирного тяготения.

Хотя в условиях Италии «Раджоне», естественно, уделяет главное внимание католическому клерикализму, он не упускает из виду и другие отряды клерикальной реакции, выявляя с предельной четкостью антинародные силы, которым они служат. Например, в № 1 за 1978 год журнал рассказал о кровавых делах израильской секретной службы, организовавшей в Бейруте, Риме, Париже, в Норвегии, на Кипре физические расправы над палестинскими представителями. Какое отношение ко всему этому имеет клерикализм? Самое прямое, ибо сионистские заправилы постоянно стремятся поставить себе на службу религиозную идеологию, а своей спецслужбе присвоили «крылатое» наименование «Мивцах элохим»—«Гнев божий».

...Да, невелик по объему «Раджоне». И пока нет возможности у его издателей порадовать своих читателей более частым выходом журнала. Но он с лихвой компенсирует это такими решающими факторами, как преданность идеалам социального прогресса и непримиримость к его врагам, глубина содержания и полемический пафос, яркость и сочность языковой палитры, тщательно продуманное и рачительное использование каждой строки. И связями — прочными, надежными, взаимообогащающими — с периодическими изданиями свободомыслящих и атеистов всего мира, материалы которых журнал воспроизводит почти в каждом номере.

В частности, «Раджоне» гостеприимно предоставляет свои страницы и «Науке и религии». Живым олицетворением дружественных уз, объединяющих оба журнала, выступает их общий автор — видный ученый-марксист профессор Амброджо Донини, чье имя в нашей стране не менее известно, чем на его родине. Возможно даже, что у нас оно более известно: ведь в Италии изощренная «плюралистическая» система, конечно же, пытается сделать так, чтобы труды несгибаемого атеиста, отличающиеся мастерством научного анализа религиозного феномена, не стали достоянием широких кругов читателей.

И уж никак не заинтересованы те, кто приводит в действие механизм «демократического плюрализма», в широком распространении выступлений А. Донини, в которых дается надлежащая оценка «приверженности» клерикальных кругов к свободе совести. В 1979 году, например, в сообщении ватиканского Секретариата по делам неверующих утверждалось: необходимо «найти средство от материализма, атеизма, расовой дискриминации и всех преступлений против человека». Это, подчеркивает итальянский ученый, смешение понятий и грубое оскорбление материалистов и атеистов, изображаемых людьми социально безответственными, аморальными (1979, № 2).

Вопрос здесь поднят принципиально важный: в наше время участник противоборства атеизма и религии, если только он обладает необходимой широтой взглядов, культурой полемики, убежденностью в доказательной силе своих аргументов, не позволит себе объявить своих оппонентов злодеями, а их философские взгляды — преступными. Последователи марксистско-ленинского атеизма, обвиняемые буржуазной пропагандой во всех смертных грехах, не унизят себя подобными выпадами, несмотря на то что религиозно-идеалистическое мировоззрение импонирует им не больше, чем материализм — упомянутому Секретариату. И если в ответ на бережное отношение к чувствам верующих на атеистов обрушивают непозволительные оскорбления, то это неизбежно обернется против тех, от кого они исходят.

У нас нет возможности воздать должное всем ныне здравствующим и ушедшим из жизни ведущим авторам «Раджоне» и руководителям итальянской Ассоциации свободомыслящих имени Джордано Бруно. Но нельзя не выразить чувство уважения к памяти ее президента Эдуардо Ди Джованни, скончавшегося 16 марта 1979 года.

Еще в конце минувшего столетия, будучи начинающим адвокатом, он поднял голос в защиту политических заключенных. Профессиональный защитник не раз становился грозным обвинителем, беспощадно обличавшим реакционную буржуазию, а затем фашистское варварство. На жизнь депутата итальянского парламента Ди Джованни в 20-е годы было совершено два покушения. После падения режима Муссолини общественная деятельность пламенного патриота развернулась с новой силой. Активный борец за мир, за социальное и духовное раскрепощение трудящихся, Ди Джованни с 1961 года и до последнего дня жизни был президентом итальянской Ассоциации свободомыслящих имени Джордано Бруно, а с 1968 года — почетным президентом Всемирного союза свободомыслящих. Как пишет в некрологе Дж. Конфорто, покойный щедро дарил делу свободомыслия неисчерпаемые россыпи энергии, ума, исторической и философской культуры, житейской мудрости и гуманизма (1979, № 2).

Пример этой исполненной глубокого смысла долгой жизни высоко ценят советские атеисты, также скорбя о кончине Эдуардо Ди Джованни. Но этот крупный прогрессивный деятель оставил после себя достойную смену. В нелегких условиях капиталистической действительности духовные наследники Джордано Бруно твердо противостоят душеприказчикам Беллармина. Факел разума, зажженный от костра легендарного ноланца и передаваемый как бесценное достояние через эстафету поколений, итальянские свободомыслящие и их боевой журнал несут высоко и гордо.

г. Кишинев

* О Филдинге Кларке и его книге см статью В. Гараджи и П. Курочкина «Марксизм и христиане». «Наука и религия», 1978, № 11.

КРИЗИС ПРОДОЛЖАЕТСЯ

В № 5 нашего журнала за 1976 год рассказывалось о трагедии Ливана, где социально-классовые конфликты и тесно связанные с ними религиозные распри, разжигаемые и поддерживаемые внутренними и внешними реакционными силами, ввергли страну в состояние тяжелейшего политического и экономического кризиса. Ливанская трагедия продолжается. По просьбе читателей мы возвращаемся к событиям в Ливане. Журналист А. Остальский, недавно побывавший в Ливане, рассказывает о дальнейшем углублении кризиса.

А. ОСТАЛЬСКИЙ

Никак не наступает конец кровопролитию на ливанской земле. За последние четыре года здесь не было, пожалуй, ни одного по-настоящему мирного дня. Разрушены и опустошены еще недавно процветавшие города. В сельскохозяйственных районах черную выжженную землю видишь на месте некогда зеленых полей. Десятки тысяч людей лишились крова и превратились в беженцев, не имеющих средств к существованию и жилья. Отчаявшиеся люди бегут на чужбину навстречу неизвестному будущему.

Верующие ливанцы молятся в своих многочисленных церквах и мечетях, призывая на помощь всевышнего. Но ни христианский бог, ни Аллах не спешат смилостивиться. И маронитам, и католикам, и православным, и мусульманам, и друзам — всем довелось познать ад на земле, которому не видно конца. Ливанцы говорят: остается лишь надеяться на чудо. Огромные толпы христиан собрались в прошлом году на развалинах фабрики мыла в Восточном Бейруте, где, по слухам, объявился дух маронитского святого XIX века Шарбеля, якобы исцелившего когда-то парализованного. Но дух исчез, так и не вернув здоровья сотням тысяч раненых и калек. Не предотвратил он и новое кровопролитие: вскоре в районе бывшей фабрики вновь засвистели пули, загремели взрывы снарядов.

«Религиозный фанатизм, религиозная война, христианско-мусульманский конфликт» — в таких терминах характеризуют ливанскую трагедию многие западные исследователи и средства массовой информации. Однако, может быть, именно Ливан, как никакая другая страна, демонстрирует особенно ярко социально-классовую природу религиозных конфликтов, да и религии как таковой.

Религиозная разобщенность Ливана и его политический и государственный строй не имеют аналогов в мире. На его территории проживают около трех миллионов человек, принадлежащих почти к 20 различным религиозным общинам. По неофициальным данным (перепись населения проводилась здесь в последний раз в 1932 г.), примерно половина ливанцев — мусульмане, а другая — христиане. В свою очередь и те и другие принадлежат к различным течениям ислама и христианства. Крупнейшую и наиболее влиятельную христианскую общину составляют марониты, известные в других странах мира практически только благодаря многочисленным ливанским эмигрантам. Основателем этой секты считается святой Марон, бежавший, согласно преданию, в VII веке нашей эры от преследований мусульман из Сирии в Горный Ливан. Марониты тесно связаны с католической церковью (особенно французской). Формально они признают своим главой папу, но практически подчиняются собственному патриарху, утверждаемому Ватиканом. Вторая по численности христианская община — православная, подведомственная Антиохийскому патриарху (г. Дамаск), затем идут греко-католики (униаты), армяно-григориане, армяно-католики и протестанты. Среди мусульман-ливанцев наиболее распространены суннизм, шиизм и друзизм.

Они остались без крова.

Обращает на себя внимание тот факт, что религиозные общины (исключая друзов) живут не компактно, а рассеяны по всей территории страны. На юге марониты соседствуют с шиитами, в Горном Ливане селения маронитов перемежаются с православными и суннитскими деревушками. Смешанное население городов — повсеместное явление.

В основу государственного и политического устройства страны положен конфессиональный принцип, не известный больше нигде в мире. В соответствии с ним, все государственные посты сверху донизу распределяются между различными религиозными общинами пропорционально числу их приверженцев. Так, пост президента республики может занимать только маронит, премьер-министра — суннит, председатель парламента избирается из числа шиитов, его заместителем всегда становится представитель православной общины.

Вся новая история Ливана — яркий пример результатов политики колониализма, осуществляемой по печально известному принципу «разделяй и властвуй». При всемерном поощрении колонизаторов в середине XIX века в стране была заложена основа конфессионализма*. Однако сразу же стало ясно, что он не только не означал «плодотворной формулы примирения», как рекламировали его колонизаторы, но, напротив, закреплял антагонизм основных общин, усугублял их замкнутость, препятствуя взаимной ассимиляции. Одна кровавая междоусобица следовала за другой, затем ненадолго восстанавливалось шаткое равновесие.

Получив в 1920 году мандат Лиги наций на управление Ливаном, Франция постаралась еще более укрепить конфессиональную систему, как наиболее удобное средство политического контроля, тем более что она ставила в привилегированное положение маронитскую знать, имевшую тесные религиозные и культурные связи с Парижем. Именно феодалы-марониты в первую очередь взяли на себя роль компрадоров — агентов и посредников французского (а затем и американского) капитала. По этому уродливому пути и шло

---

* Конфессиональная система управления Ливана подробно охарактеризована в статье «Кризис, спланированный извне». «Наука и религия», 1976, № 5

внедрение буржуазных производственных отношений в ливанское общество. Оставаясь феодалами, маронитские землевладельцы становились и капиталистами-компрадорами. В структуре общества, так же как и в сознании людей, парадоксально переплетались — и переплетаются до сих пор — капитализм с пережитками феодализма и даже родоплеменных отношений.

Засилье маронитской олигархии и по сей день остается характернейшей чертой конфессионализма. Президента страны — маронита — конституция Ливана наделяет огромными полномочиями. Он — глава государства и осуществляет исполнительную власть, определяет основные направления внутренней и внешней политики страны. Президент, как это неоднократно случалось в истории страны, имеет возможность провалить или затормозить любой законопроект, любую реформу, если она угрожает интересам его клана. Крайне важный пост командующего ливанской армией также принадлежит маронитам, как и должность начальника армейской контрразведки и многие другие ключевые посты в государственном аппарате.

Со времени французского мандата, а особенно после достижения страной независимости (1943 г.) традиционная борьба религиозных группировок начала все очевиднее наполняться классовым содержанием. Широкие слои мусульманских трудящихся стали видеть в маронитской знати не столько «инородцев», сколько жестоких эксплуататоров, захвативших в свои руки при помощи колонизаторов власть и господствующие высоты в экономике страны. Крепла постепенно и мусульманская буржуазия, которую все меньше устраивала второстепенная роль в ливанском обществе. В своей борьбе она пыталась опереться на демократическое движение мусульманских трудящихся. Рос уровень культуры и самосознание народных масс, чему в немалой степени способствовала победа демократических революций в ряде арабских государств и укрепление связей Ливана с ними. Влияние арабского национализма, выдвигавшего лозунги арабского единства и ислама, общей борьбы против империализма и агрессии Израиля, способствовало быстрой «политизации» ливанских мусульманских масс. Религиозные противоречия, сохраняя свое внешнее значение, все больше принимали формальный характер, наполнялись политическим содержанием.

«Что они сделали с нашим Ливаном!» — такую фразу мне часто приходилось слышать от представителей разных религиозных общин и политических организаций. Действительно, именно ожесточенные конфликты последних четырех лет и преступные вылазки израильской военщины изуродовали эту сказочно красивую страну, разрушили относительно благополучную экономику, основу которой (70 процентов национального дохода) составляли поступления от банковской деятельности, транзита, туризма.

Нетрудно увидеть, что конфликты, обусловленные, казалось, внутренними противоречиями ливанского общества, достигли в последние годы небывалой остроты и масштабов из-за усиления вмешательства внешних сил. «Они», о которых говорят ливанцы, — это империалисты и сионисты, использующие социально-экономический и религиозный кризис страны в своих корыстных целях. Они превратили Ливан в полигон для испытания новых политических комбинаций, сделали его картой в своей военно-политической игре на Ближнем Востоке.

Не желая сдавать господствующих позиций в экономике и государственном аппарате Ливана, наиболее правые представители маронитской буржуазно-помещичьей верхушки решили пойти на прямой союз с Израилем и стоящими за ним влиятельными империалистическими и сионистскими кругами. «Теоретики» полуфашистских партий Катаиб и национал-либералов, объединившиеся с несколькими более мелкими правомаронитскими группировками в «Ливанский фронт», стали проповедовать «общность судеб двух избранных народов Ближнего Востока» — израильских евреев и ливанских христиан, призванных «объединиться, чтобы выжить в варварском арабском окружении». Пропагандистский аппарат этих партий усилил обработку маронитских масс в духе нетерпимости к мусульманам. Таким образом выкристаллизовалась идеология общинного шовинизма, своего рода «религиозный расизм». Более того, некоторые маронитские лидеры объявляют маронитов прямыми потомками древних финикийцев, не имеющими, якобы, этнически ничего общего с арабами. Радиостанция партии Катаиб после сводки тенденциозно подобранных новостей передавала воинственные песни в исполнении маронитских мужских хоров, воспевала «христианские традиции», издевалась над арабской культурой.

Тем временем из Тель-Авива в районы, контролируемые вооруженными формированиями «Ливанского фронта», стали прибывать большие партии современного оружия и боевой техники, военные советники и инструкторы. Лидеры «Ливанского фронта» взяли откровенный курс на установление своей диктатуры в стране, на превращение ее в расистское государство, построенное по принципу религиозного апартеида. Первым шагом на этом пути должен был стать раздел Ливана, создание собственного мини-государства.

Израиль давно искал возможности для расширения своего вмешательства во внутренние дела Ливана. Союз с «Ливанским фронтом» стал для него особенно важен с начала 70-х годов, когда на территории Ливана оказались сосредоточены основные силы Палестинского движения сопротивления, а затем и значительные контингенты сирийских войск, входящих в состав Межарабских сил по поддержанию мира, введенных в страну в ходе гражданской войны. С помощью правомаронитских отрядов Тель-Авив рассчитывал связать руки своим главным врагам, отвлечь внимание арабского мира от наметившегося сепаратного египетско-израильского сговора.

Если бы Ливан разделился на несколько мини-государств, он, помимо всего прочего, лишился бы навсегда своей особой экономической роли посредника между капиталистическим Западом и Ближним Востоком — роли, на которую давно откровенно претендует Израиль. В дальнейшем легко было бы аннексировать ливанскую территорию южнее реки Литани — и еще одна «библейская заповедь» сионизма была бы претворена в жизнь.

Очень соблазнительным казалось сионистам разделение Ливана и в «идейно-теоретическом» плане. Оно, на их взгляд, доказало бы всему миру (прежде всего евреям, сомневающимся в догмах сионизма) невозможность сосуществования различных религиозных и этнических групп. Это вполне соответствовало бы сионистским теориям о всемирном антисемитизме, об органической ненависти к любым «инородцам» как о наследственной болезни всего человечества.

В марте прошлого года израильские войска оккупировали южные районы Ливана. Потом под давлением мирового общественного мнения они покинули страну, но, вопреки резолюциям ООН и категорическим требованиям законного ливанского правительства, захваченные районы были переданы под контроль сепаратистских отрядов С. Хаддада, тесно связанного с «Ливанским фронтом», а следовательно, с Израилем. Эти марионеточные формирования, вооруженные Израилем, обученные и руководимые израильскими советниками, взяли курс на отделение южной части страны. В апреле этого года Хаддад провозгласил «независимое государство Свободный Ливан». «Столицей моего государства, — заявил он, — со временем станет Бейрут».

На западе твердят о «христианско-мусульманском конфликте» в Ливане. При этом сознательно затушевывается истинная сущность ливанской трагедии. Прежде всего, не может быть и речи о «едином фронте» христиан. Религиозные руководители христианских общин, в первую очередь православной, решительно отвергли претензии маронитских реакционных кругов представлять всех христиан страны. Отклонили они и претензии Тель-Авива «защищать христианское меньшинство». Да и среди маронитов произошел глубокий раскол. Многие рядовые члены общины все больше разочаровываются в политике «Ливанского фронта». Весной прошлого года с этой организацией порвала влиятельная группировка бывшего президента республики Сулеймана Франжье, заявившего, что ему не по пути с предателями родины. За это нанятые правыми партиями убийцы зверски расправились с его сыном — депутатом парламента Тони Франжье, с членами его семьи, прислугой и охраной. Однако маронитов Севера запугать не удалось. Они все активнее поднимаются против антиливанского курса маронитской верхушки, против сговора с врагами страны. С резкой критикой и разоблачениями преступной деятельности лидеров «Ливанского фронта» выступил парламентарий-маронит Фуад Лахуд. Трагическим, но неопровержимым доказательством лживости утверждений пропагандистского аппарата Израиля и правых стали армянские погромы, устроенные «Ливанским фронтом» за отказ армян сотрудничать с ним.

Но и среди мусульман нет единства. Представители некоторых кругов крупной мусульманской буржуазии, тоже тесно связанной с иностранным капиталом, занимают нерешительную позицию, отказываются действовать совместно с прогрессивными силами. «Своих», мусульманских трудящихся они боятся больше, чем маронитских экстремистов. Их пугают изображения серпа и молота, появившиеся в разгар гражданской вой-

ны на стенах домов Сайды, Тира, Западного Бейрута. Религиозные символы устроили бы их больше...

Между прочим, в «христианском» воинстве Хаддада, помимо маронитов, есть мусульмане-шииты. Часть их поддалась на посулы и деньги, часть была мобилизована насильно. Все это показывает, что водораздел в стране проходит сейчас явно не по религиозному признаку. Страшная «война идентификационных карточек» 1975 года сегодня не могла бы уже повториться. Тогда фалангисты в черных масках останавливали автомобили и, проверив идентификационные карточки (паспорта) пассажиров, расстреливали всех, у кого в графе «религия» значилось «мусульманин». Не щадили никого: ни детей, ни женщин, ни стариков. Сегодня те же убийцы готовы расстреливать и маронитов, и православных, и протестантов, и армян, которые хотят для своей страны мира, покоя, процветания.

Несмотря на бешеную кампанию запугивания христиан, развернутую «Ливанским фронтом», многие из них продолжают жить и трудиться в Западном — мусульманском — Бейруте и в других мусульманских зонах страны и, как правило, не испытывают особых трудностей в отношениях с «иноверцами». Представители разных религиозных общин, как христианских, так и мусульманских, работают бок о бок в рядах Ливанской коммунистической партии, Прогрессивно-социалистической партии и в других политических организациях, входящих в состав Национально-патриотических сил.

Религия и религиозные предрассудки, безусловно, по-прежнему играют большую роль в жизни ливанского общества, тяжким грузом лежат на психологии людей. Духовенство оказывает серьезное влияние на ход политических событий, на выборы. Но показательно вот что: в большинстве общин высшее духовенство избирается наиболее политически влиятельными их членами. И если многие общины все еще остаются относительно замкнутыми, то скорее по клановым, чем по религиозным традициям, их объединяет партия, а не церковь.

Прогрессивные силы Ливана ведут борьбу под общеливанскими лозунгами. Они требуют обеспечить независимость страны, ее суверенитет, единство, демократическое развитие и социальный прогресс, требуют ликвидировать конфессиональную систему, положить конец иностранному вмешательству во внутренние дела Ливана. А те, кто не хочет этого, продолжают сеять религиозную рознь.

В апреле на юг страны продвигался батальон ливанской регулярной армии. У него была задача ускорить процесс восстановления ливанского государственного суверенитета в этих районах. Тысячи крестьян и горожан — и христиан и мусульман, — измученных произволом израильских агрессоров и банд Хаддада, встречали его с надеждой на избавление. Но надежда была напрасной. Вскоре артиллерия сепаратистов Хаддада обрушила на батальон шквальный огонь. Вслед за этим израильские самолеты (в который раз!) бомбили на протяжении нескольких дней палестинские лагеря, а заодно и мирные ливанские города и села. Новые вереницы обездоленных потянулись с юга к Бейруту, а в его восточной части, по-прежнему удерживаемой отрядами «Ливанского фронта», стали раздаваться голоса, намекающие, что пример Хаддада заслуживает того, чтобы ему последовали. Новые транспорты с израильским оружием прибывают в распоряжение правомаронитских формирований.

В Бейруте и других районах Ливана то и дело вспыхивают боевые действия, гибнут люди, разрушаются жилые дома... А в западных газетах и журналах снова и снова появляются устрашающие снимки с подписью: «Христианско-мусульманский конфликт расширяется!» Но все меньше остается людей, которых эти заголовки смогут обмануть. По крайней мере, в Ливане...

Со всего света

НЕПОСИЛЬНЫЙ ЭКЗАМЕН

Перед тысячами знахарей Западного Ириана (Новая Гвинея) встала дилемма: или превратиться в крокодилов, или навсегда отказаться от своего доходного занятия. Дело в том, что индонезийское правительство, видя, что число заклинателей непрерывно растет, решило упорядочить их деятельность. Был принят закон, согласно которому врачеванием могут заниматься только люди, доказавшие перед специальной государственной комиссией свои «сверхъестественные» способности. Однако до сих пор этого никому из знахарей сделать не удалось: ведь, по представлениям папуасов, заклинатели должны уметь превращаться в хищных зверей.

ВЫБРОШЕННЫЕ ДЕНЬГИ

48-летний Хьюго Макнэтт из Майами (США) возбудил в суде дело против своего церковного прихода, обвинив его в том, что бог-де не вознаградил его за 800 долларов, пожертвованных им на церковь. Конкретно иск Макнэтта был предъявлен пастору Мэньюэлу, который обещал каждому, кто пожертвует на нужды прихода десятую часть своего имущества, прибыль в виде «благословения и вознаграждения свыше». Прождав три года и не удостоившись никакой «благодати», Макнэтт наконец понял, что его обманули, и подал в суд. Истец согласился закрыть дело только после того, как приход вернул ему 800 долларов.

ГОЛОС «С ТОГО СВЕТА»

Доселе никому не известный Марчелло Бакки из итальянского города Гроссето за короткое время снискал громкую известность. Дело в том, что он объявил, будто ему удалось записать на пленку голоса и шум «потустороннего мира» с помощью собственноручно сконструированного прибора. С той поры его дом превратился в место паломничества и Бакки стал взимать плату за демонстрацию «чуда». Бизнес на «загробных звуках» шел превосходно до той поры, пока Марчелло Бакки, радиотехника по профессии, не посетил специалист.

Полицейское расследование показало, что Бакки записывал на магнитофон различные голоса, шумы, звон, изменял с помощью технических приемов их звуковую окраску, накладывал их друг на друга и полученные «неземные» звуки представлял слушателям, которых уверял, будто эти записи сделаны в определенный час ночи, когда, мол, души покойников общаются с людьми.

РОДОСЛОВНАЯ ПОЦЕЛУЯ

С незапамятных времен у людей существует обычай обмениваться поцелуями в самых различных житейских ситуациях: мать целует своего малыша, целуют родных и друзей при встречах и расставаниях, целуют край боевого стяга, целуются влюбленные... Разные чувства вкладывают в поцелуй в каждом из этих случаев, но всегда это — символ чувств положительных.

Древние не знали чувственных поцелуев. Нет упоминаний о них и в античных источниках, скажем, в тех же произведениях Гомера. В древнеиндийском эпосе упоминаются только материнские поцелуи.

Некоторые историки полагают, что эротические свойства поцелуй впервые приобрел в Древнем Риме. При императоре Тиберии, например, был издан эдикт, ограничивающий право публичного целования и сохранявший этот обычай лишь для официальных церемоний. Что же касается интимных поцелуев, то римляне считали их привилегией только супругов и то лишь в полном уединении. Это правило соблюдалось так неукоснительно, что известен случай, когда сенатор Манилиус был лишен своих полномочий только за то, что постоянно целовал свою жену в присутствии взрослой дочери, а это считалось верхом безнравственности.

Целование рук священникам, креста, икон и других предметов христианского культа было распространено уже в период раннего средневековья, став позже одним из обязательных ритуалов. Среди рыцарей и других военных людей возник обычай целовать знамена, хоругви, оружие. Русские удельные князья целовали крест при заключении договоров.

В средневековой Европе распространился обычай целования вассалами рук и ног своих сюзеренов. Что касается папы римского, то верующим разрешалось целовать только его туфлю. При французском дворе возник обычай целовать руки дамам, быстро заимствованный в ряде стран.

Многие восточные и африканские народы поцелуев вообще не знали. Вместо дружеского поцелуя у некоторых племен терлись носами. Кстати, у маорийцев Новой Зеландии этот обычай существует и по сей день.

Китайцы и японцы были глубоко шокированы «бесстыдным» поведением европейских супругов, которые публично целовались при встречах и расставаниях. В середине XIX века, когда здесь впервые стали переводить европейскую литературу, переводчикам пришлось специально изобрести новый иероглиф, обозначающий слово «поцелуй».

НАПЕЧАТАНО В 1979 ГОДУ

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

ФИЛОСОФСКИЕ ЧТЕНИЯ

ГОРИЗОНТЫ НАУКИ

ЧЕЛОВЕКУ О ЧЕЛОВЕКЕ

ЗЕМНЫЕ КОРНИ СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОГО

ТЕОЛОГИЯ И НАУКА

ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО

В СТРАНАХ СОЦИАЛИЗМА

ЗА РУБЕЖОМ

БЫТ И НРАВЫ НАРОДОВ

Новинки литературы

Н. Байрамсахатов. НОВЫЙ БЫТ И ИСЛАМ. М., Политиздат, 1979, 64 стр., 75 000 экз., 15 коп.

Автор брошюры, заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК КП Туркменистана, рассказывает, как в ходе социалистических преобразований условий жизни туркменского народа, внедрения в его быт новых, советских праздников, обрядов, традиций преодолевается влияние идеологии ислама на быт сельского населения республики.

Петру Берар. РЕЛИГИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ. М., Политиздат, 1979, 144 стр., 100 000 экз., 30 коп.

Книга освещает с марксистских позиций широкий круг вопросов, связанных с местом и ролью религии и религиозных организаций в современном мире. Автор — румынский философ-марксист — дает в ней обстоятельный критический разбор официальных церковных документов и наиболее важных трудов современных религиозных философов. Значительное внимание уделяется проблемам «молодежь и религия», «религия и искусство» и др.

«ДИАЛОГИ». Полемические статьи о возможных последствиях развития современной науки. М., Политиздат, 1979, 400 стр., 90 000 экз., 75 коп.

Эта книга — сборник полемических статей советских ученых и западных исследователей, общественных и церковных деятелей по актуальным проблемам развития человека, грядущих судеб человечества, будущего Земли и путей освоения космического пространства. Предметом полемики являются также перспективы развития науки, ее взаимоотношения с религией.

А. М. Каримский. ПРОБЛЕМА ЗЛА В СОВРЕМЕННОЙ ТЕОЛОГИИ. М., «Знание» (серия «Научный атеизм», № 8), 1979, 64 стр., 47 970 экз., 11 коп.

В брошюре критически рассматривается одна из основных богословских проблем — оправдание бога за существование в мире зла. Анализируя новейшие буржуазные религиозно-философские и теологические учения, автор показывает теоретическую несостоятельность идеи богооправдания и ее реакционный идейно-политический смысл.

З. Косидовский. СКАЗАНИЯ ЕВАНГЕЛИСТОВ. 2-е изд. М., Политиздат, 1979, 264 стр., 200 000 экз., 1 руб.

В этой книге известный польский писатель З. Косидовский подвергает критическому анализу канонические тексты Нового завета, он знакомит читателей с выводами современной исторической науки, лингвистики, археологии, не оставляющими места для утверждения о богодухновенности новозаветных книг. Первое издание «Сказаний евангелистов» на русском языке вышло в свет в 1977 г.

«МИР ВОКРУГ НАС». Беседы о мире и его законах. 2-е изд. М., Политиздат, 1979, 192 стр., 100 000 экз., 1 руб. 30 коп.

Мир вокруг нас... Сколько различных вопросов ставит он перед людьми. Как возник мир? Как произошел человек? Какие законы управляют природой? На эти и многие другие вопросы читатель найдет ответы в книге, повествующей о том, как современная наука раскрывает загадки живой и неживой природы.

И. Б. Ястребов. СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОГРЕСС И РАЗВИТИЕ АТЕИЗМА. М., «Знание» (серия «Научный атеизм», № 7), 1979, 64 стр., 48 170 экз., 11 коп.

В брошюре показывается воздействие объективного общественно-исторического процесса на развитие и становление атеистического мировоззрения, отмечается тщетность попыток клерикальных идеологов приостановить разрушительное влияние социального прогресса на религию.

* * *

Г. Бочаров и **В. Выголов.** ВОЛОГДА. КИРИЛЛОВ. ФЕРАПОНТОВО. БЕЛОЗЕРСК. Изд. 3-е, доп. М., «Искусство», 1979, 353 стр. с илл., 50 000 экз., 2 руб. 40 коп.

П. М. Золин. ЮРЬЕВО. Путеводитель. Л., Лениздат, 1979, 64 стр. с илл., 50 000 экз., 15 коп.

КИЖИ. ДРЕВНЯЯ ЖИВОПИСЬ КАРЕЛИИ. Петрозаводск, «Карелия», 1979, 95 стр. с илл., 25 000 экз., 1 руб. 30 коп.

И. А. Кочетков, О. В. Лелекова и **С. С. Подъяпольский.** КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ. Л., «Художник РСФСР», 1979, 171 стр. с илл., 100 000 экз., 2 руб. 40 коп.

В. И. Ленин. СОЦИАЛИЗМ И РЕЛИГИЯ. — ОБ ОТНОШЕНИИ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ К РЕЛИГИИ. М., Политиздат, 1979, 24 стр., 100 000 экз., 3 коп.

В. С. Соловьев. АТЕИЗМ И ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО ЧЕЛОВЕКА. Йошкар-Ола, Маркнигоиздат, 1979, 167 стр., 1 500 экз., 45 коп.

Т. В. Толстая. УСПЕНСКИЙ СОБОР МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ. К 500-летию уникального памятника русской культуры. М., «Искусство», 1979, 183 стр. с илл., 30 000 экз., 12 руб. 60 коп.

М. М. Усенова. АТЕИСТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ И СЕМЬЯ. Алма-Ата, «Казахстан», 1979, 192 стр., 15 000 экз., 45 коп.

СТАТЬИ В ЖУРНАЛАХ И СБОРНИКАХ, РАЗДЕЛЫ В КНИГАХ

«Археология и этнография Монголии». Новосибирск, 1978. Из содержания: **Н. Л. Жуковская.** Народные верования монголов и буддизм (к вопросу о специфике монгольского ламаизма), стр. 24—36; **Г. Сухбатар.** К вопросу о распространении буддизма среди ранних кочевников Монголии, стр. 61—71.

Филипп Боносци. Две культуры. М., 1978. Из содержания: «Брожение среди католиков», стр. 215—230; «Христос-хиппи», стр. 230—242.

«Искусство Западной Европы и Византии». М., 1978. Из содержания: **М. Н. Соколов.** Христос у подножия мельницы-фортуны. К интерпретации одного пейзажно-жанрового мотива Питера Брейгеля Старшего, стр. 132—156; **А. И. Комеч.** Символика архитектурных форм в раннем христианстве, стр. 209—223.

Е. Маят. Рецензия на кн.: И. А. Крывелев. Габриэль-сатаноборец. «Политическое самообразование», 1979, № 8, стр. 142—144.

С. М. Успенский. Гибидеи — ритуальные жертвенники ненцев. «Природа», 1979, № 7, стр. 36—39.

Р. Франсис. Христиане и антимонополистический фронт в Бельгии. «Проблемы мира и социализма», 1979, № 8, стр. 68—72.

⊙ БОЖЕ ПРАВЫЙ!.. НЕ УКАЗАНИЕ ЛИ ЭТО НА ПОЗИЦИЮ БОГА?

⊙ КОЕ У КОГО РАССУДОК — ЭТО НАБОР ПРЕДРАССУДКОВ.

Юрий ВОИТЕЛЕВ
г. Люберцы
Московской области

⊙ НЕ СЛЕДУЕТ УДИВЛЯТЬСЯ НЕСОВЕРШЕНСТВУ ЧЕЛОВЕКА — ВЕДЬ ОН СОЗДАН ЗА ОДИН ДЕНЬ.

⊙ ЕСЛИ АД НА ХОЗРАСЧЕТЕ, ТО РАЙ — НА ДОТАЦИИ.

Борис ЛЕСНЯК

⊙ НАСТОЯТЕЛЬ — ДУМОВЛАДЕЛЕЦ МОНАСТЫРЯ.

Валерий МИРОНОВ
пос. Болшево
Московской области

⊙ ПОПАДАЮТСЯ ТАКИЕ ГОРШКИ, НА КОТОРЫХ ОБЖИГАЮТСЯ ДАЖЕ БОГИ.

⊙ БЫТИЕ ОПРЕДЕЛЯЕТ СОЗНАНИЕ. А ЧТО ОПРЕДЕЛЯЕТ НЕБЫТИЕ?

⊙ ПЕРВОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА: ОДИН ТВОРИТ ЧУДЕСА, А ВСЕ В ЭТО ВЕРУЮТ.

Геннадий МОСКВИН
г. Елгава
Латвийской ССР

Сдано в набор 17. 9. 79.
Подписано к печати 31. 10. 79.
А 08454.
Формат издания 60×90/8
Глубокая печать.

Условных печатных листов — 8.
Учетно-издательских листов — 11,75.
Тираж 440 000 экз.
Зак. 04624.

Адрес редакции:
109004.
Москва, Ж-4
Ульяновская, 43, корп. 4.
Телефоны:
297-02-51, 297-10-89.

Ордена Ленина комбинат печати Издательства «Радянська Україна»
г. Киев, Брест-Литовский проспект, 94.

Байкал — один из самых больших в мире резервуаров чистейшей пресной воды. Ученые Лимнологического института Сибирского отделения АН СССР ведут кропотливые и обширные исследования жизни этого уникального водоема (см. в номере — «В поселке Листвянка»).

В Бухарской области Узбекской ССР можно увидеть созданное человеческими руками удивительное явление — так называемый «зеленый пояс». Для его посадок лесники поздней осенью ежегодно собирают семена. В результате их усилий саксауловые леса протянулись теперь полосой в 20—30 км и надежно укрывают Бухарский оазис от губительных ветров пустыни.

Пресная вода в наши дни стала бесценным сокровищем. Потому так широко строят сейчас сооружения для очистки бытовых и промышленных вод. Эти сооружения сняты в Коломне, городе, где охране природы уделяется большое внимание.

В решение сложной и многогранной задачи охраны природы входит и сохранение исчезающих видов животного мира — таких, например, как зубры. К 1923 году в мире оставалось всего... 46 зубров. А на сегодняшний день их насчитывается около полутора тысяч голов. Только в загонах наших заповедников разгуливают несколько сот этих великолепных животных. Теперь им уже не грозит исчезновенке.

Фото В. ОПАЛИНА.

Цена 30 коп.
70602

В следующем номере

МЕЖДУ РАЗУМОМ И ВЕРОЙ

В отрывке из неоконченной книги кандидата философских наук Л. ФИЛИППОВА рассматривается проблема соотношения разума и веры.

УМЕНИЕ СОСТРАДАТЬ, СОЧУВСТВОВАТЬ ЧУЖОМУ ГОРЮ

Этой теме посвящает свой очерк журналистка Л. ГРАФОВА.

ВОСПИТАНИЕ ДУХОВНОСТИ

Как пронести высокую одухотворенность через все тернии бытия, рассказывает учитель Л. АЙЗЕРМАН.

ПУТЕШЕСТВИЕ В СЛОВО

Так названо интервью, в котором академик Академии наук Эстонской ССР П. АРИСТЭ отвечает на вопрос: был ли единый язык?

ТАЙНЫЕ ПИСАНИЯ ПЕРВЫХ ХРИСТИАН

Доктор исторических наук И. СВЕНЦИЦКАЯ исследует некоторые произведения раннехристианской литературы.

ОТВЕТ ПРОРИЦАТЕЛЯМ

В своей статье Х. ИСМАИЛОВ подвергает критике зарубежных фальсификаторов положения ислама в нашей стране.

ПАСТОР УЩЕЛЬЯ ДЖЕКМАНА

Рассказ известного английского писателя А. КОНАН-ДОЙЛЯ.

ЛЕГЕНДЫ И БЫЛЬ МАДАГАСКАРА

Все уникально на этом четвертом по величине острове Земли: реликтовая флора и фауна, быт и нравы населения, по своему происхождению тоже весьма далекого от народов соседнего континента. Обо всем этом пишет журналист С. КУЛИК.